

МОЗАИКА

Из жизни писателей, художников,
композиторов, артистов, ученых.

А.М. Топоров

А.М. Топоров

М О З А И К А

Из жизни писателей, художников,
композиторов, артистов, ученых

Москва
Нобель Пресс
2013

УДК 291
ББК 86.3
Т 11

Топоров, А.М.

Т 11 **МОЗАИКА** : Из жизни писателей, художников, композиторов, артистов, ученых / А. М. Топоров – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. — 340 с.

ISBN 978-5-518-42614-6

«Мозаика» - это книга, в которой собраны и преподнесены в доступной форме любопытные факты и эпизоды из жизни учёных, писателей, художников, композиторов и артистов, - словом, замечательных людей общечеловеческой и российской науки и культуры. Она - результат кропотливой многолетней работы автора, исследовавшего огромное количество научных, исторических, литературных, архивных и иных источников.

Книга рассчитана на учащихся литературоведческих, культурологических и прочих специальностей высших учебных заведений; общеобразовательных, музыкальных, художественных школ, а также - на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-518-42614-6

© А.М. Топоров, 2013

© Нобель Пресс, 2013

«МОЗАИКА»

АДРИАНА ТОПОРОВА

«Мозаика» — плод увлеченности А.М. Топорова (1891–1984). Несколько слов об этом писателе, так как ныне его имя несколько подзабыто в сравнении, скажем, с 30-ми или 60-ми годами прошлого века.

Вот только одно мнение о нём.

Д.Г. Шеваров, литератор: *«Русские подвижники... Если бы вышла в свет энциклопедия с таким названием, то она не могла бы обойтись без имени Адриана Митрофановича Топорова».*

Он — выходец из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине. Просветительская работа А.М. Топорова началась в 1908 г. в глубокой российской провинции — в Курской губернии, затем он учительствовал в Барнауле, в алтайском селе Верх-Жилино. Стал организатором коммуны «Майское утро». Именно из Верх-Жилино двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли на пустырь, чтобы начать новую жизнь.

Э. Горюхина, «Золотое перо России-2008», писала, что это был *«величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога Адриана Митрофановича Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу*

датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы».

Что еще сделал Топоров? Попробуем ничего не забыть.

Высшее проявление просветительской миссии А.М. Топорова, конечно же, — его педагогическая деятельность, далеко выходящая за рамки любой школьной программы. В итоге он стал одним из лучших педагогов страны. Избирался делегатом Первого всесоюзного учительского съезда. Его фамилию зачастую упоминают в одном ряду с именами Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлиńskiego, а школу коммуны «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Льва Толстого.

Кроме того, что в течение 20 лет учил детишек и обучал грамоте коммунаров, А.М. Топоров создал в этом глухом краю богатейшую библиотеку, краеведческий музей и 2 народных театра: детский и взрослый. Коммунары ставили «На дне» М. Горького и «Дядю Ваню» А.П. Чехова, в репертуаре были Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Мольер и пр. Дело его рук также — хор и струнный оркестр, исполнявшие классические произведения. Невозможно в это поверить, но в коммунарской деревенской школе — в первые тяжелейшие годы после Гражданской войны — одних только циммермановских скрипок было пятьдесят!!!

Но разумеется, главное — чтение. А.М. Топоров организовал читки художественной литературы. Крестьяне и их дети прослушали в блестящем актёрском исполнении молодого учителя сотни книг классиков и советских писателей — от Гомера до Метерлинка, от Пушкина и Толстого до Пастернака и Зощенко. Но не только прослушали: «Белинские в лаптях» (по выражению знаменитого журналиста-известинца Абрама Аграновского) высказали о каждой из них свои оригинальные и глубокие замечания. «Прогло-

ти перо — лучше не скажешь» — так охарактеризовал эти критические замечания писатель и пушкинист В.В. Вересаев. Накопленный материал вылился в легендарную книгу А.М. Топорова «Крестьяне о писателях» (1930 г.). Ей нет аналога в мире. Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и далеко за его пределами (США, Австралия, Польша, Швейцария и пр.), была высоко оценена А.М. Горьким, К.Г. Паустовским, К.И. Чуковским, А.В. Луначарским, Н.А. Рубакиным, А.Т. Твардовским, М.В. Исаковским, В.А. Сухомлиным, С.П. Залыгиным и др.

Как публицист, А.М. Топоров упомянут в серьезных научных исследованиях. Он признавался лучшим селькором Алтая, его статьи печатались в более чем в 100 изданиях нашей страны и за рубежом. А.М. Топоров известен также как библиовед, эсперантист, музыковед, языковед и пр. Во всех этих отраслях культуры и знаний он имел печатные работы, научные труды.

Ему посвятил фильм «Майское утро» знаменитый кинодокументалист Р.П. Сергиенко, ученик великого А.П. Довженко (ЦСДФ, г. Москва, 1988). О нем написаны биографические и художественные книги, стихотворения. За определенную схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, негибаемое мужество и литературный дар его называли «николаевским Солженицыным».

А лебединой песней А.М. Топорова стала книга «Мозаика». Это логическое завершение его просветительской миссии на земле, поскольку в литературном творчестве А.М. Топорова и в других сферах его многосторонней деятельности ясно прослеживалось стремление использовать все возможности для широкого распространения в обществе научных знаний и реализации на практике заботы о сохранении и изучении культурного наследия. Он говорил:

«Многие коллекционеры собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мыльные обертки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни ученых, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру...»

И добавлял:

«Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В моих миниатюрах нет ничего вымышленного. Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною».

Около десяти лет А.М. Топоров безвылазно провёл в библиотеках, разыскивая в старинной и современной ему литературе эти эпизоды. Сведенные вместе и преподанные в занимательной форме — эти энциклопедические, на первый взгляд, материалы заиграли новыми красками. Топоров отчётливо понимал, что собранное им неизвестно большинству читателей, особенно молодежи, и безумно хотел увидеть эту книгу изданной. Но не суждено было: «Мозаика» появилась на свет в киевском издательстве «Дніпро» лишь год спустя смерти автора — сравнительно небольшим для Советского Союза тиражом и в сильно усечённом варианте (примерно седьмая часть рукописи). Она почти сразу стала библиографической редкостью, обрела популярность, к примеру, среди участников чемпионатов Израиля, Германии, России, Украины по интеллектуальным играм («Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринг»). Отдельные миниатюры из неё охотно печатают в различных альманахах, журналах и газетах ряда стран бывшего Советского Союза.

А вниманию читателя предлагается 2-е и значительно дополненное издание «Мозаики». Надеюсь, что новая публикация книги расширит представление думающей и читающей публики об одном из последних рыцарей культуры Адриане Топорове, а также о блистательных героях его миниатюр.

Выражаю искреннее признание за участие в подготовке издания сотрудникам Государственного архива Николаевской области.

Игорь Топоров

I

«УБИЙЦА» РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ

В конце XVI — начале XVII века рыцарские романы буквально заполонили умы всех грамотных людей Испании. Император Карл V зачитывался ими, а Филипп II даже на придворные торжества появлялся в одежде странствующего рыцаря.

Невыскаательность сюжета, нелепые фантастические подвиги героев, невероятные приключения, волшебники, феи, огненные галеры, фальшивый, напыщенный язык таких произведений остро высмеял Сервантес (1547–1616) в романе «Дон Кихот», в котором одновременно воссоздана красочная и правдивая картина нравов, обычаев Испании XVI века.

После выхода в свет первой части «Дон Кихота» ни один рыцарский роман не был напечатан. Так могуча была сатирическая сила творения Сервантеса!

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

В XVI — XVII веках испанский театр достиг своего расцвета. На вершине мировой драматургии ослепительно сияли имена Сервантеса, Кальдерона (1600–1681) и Лопе да Веги (1562–1635).

Приоритет принадлежал Лопе де Вега. Он написал 1500 пьес! Недаром Сервантес сказал о нем: «Появилось чудо природы — великий Лопе де Вега, который стал теперь единодержавным властелином сцены и обратил актеров в своих слуг, подчинив их всех своей верховной власти».

Авторитет законодателя театра был так велик, что даже знатнейшие особы и сам король Испании при встрече останавливали свои экипажи, чтобы приветствовать чудо-драматурга.

НАКАЗАННОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Сервантес сидел за работой в своей маленькой квартире. Как вдруг четверо дюжих мужчин внесли молодого гидальго, из груди которого лилась кровь.

Писатель и его семья сделали все, чтобы спасти пострадавшего. Но все их старания оказались тщетными. Раненый умер. Явившиеся в квартиру власти, заподозрив Сервантеса в убийстве, арестовали его и дочь Изабеллу и заточили в тюрьму. На попытки писателя доказать свою невиновность полицейский чиновник заявил:

— Закон не разрешает частным лицам поднимать на улицах умирающих. Вы нарушили закон.

К счастью, власти разобрались в деле и освободили арестованных.

КАК СЛУГА УЧИЛ СВИФТА

Автор «Путешествия Гулливера» Джонатан Свифт (1667–1745) считал лакомством рыбу плевронект. Об этом проведал его поклонник и благодетель, лорд Темпле, который часто посылал писателю большие рыбины этого вида.

Сатирик с неизменным удовольствием принимал подарки. Но никогда не давал «на чай» приносившему их слуге. Слуга обиделся. Один раз он принёс особенно большую рыбину и грубо, с недовольным видом подал её Свифту. Тот сию же минуту поднялся со стула, посадил на своё место слугу и стал поучать его:

— Друг мой, вы не знаете, как должно выполнять поручение. Я сейчас покажу вам это.

Писатель взял рыбину и медленно, почтительно зашагал к слуге:

— Господин мой, приветствую вас и прошу принять этот маленький подарок.

Слуга мгновенно вскочил со стула и, изображая господина, ответил:

— Я очень прошу сердечно поблагодарить вашего господина...

При этих словах слуга достал полкроны и сунул её в руку Свифта.

— Bravo! — вскрикнул сатирик. — Вы, оказывается, умнее, чем я думал! Вашу науку я запомню и уж больше не забуду о деньгах «на чай»!

УРОК АККУРАТНОСТИ

Нанимая служанок Джонатан Свифт всегда ставил им условия:

— В моём доме должно, прежде всего, следовать правилам: во-первых, закрывать за собой дверь, когда будете входить в комнату; во-вторых, закрывать дверь при выходе из комнаты.

Новая служанка попросила у хозяина позволения пойти на свадьбу её сестры.

— Пожалуйста! — согласился Свифт. — Я даже дам вам лошадь и слугу для сопровождения. Поезжайте!

Служанка, будучи вне себя от радости, выпорхнула из комнаты и... забыла закрыть дверь!

Спустя четверть часа после отъезда служанки Свифт распорядился седлать лошадь и послал на ней другого слугу, которому велел догнать виновницу и вернуть. И её вернули. Трепеща от страха, вошла она в кабинет своего господина:

— Что прикажете?

— Ничего больше, только закройте за собой дверь и снова поезжайте на свадьбу.

САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Некий писатель дал Вольтеру (1694–1778) прочитать свое произведение. Возвращая рукопись, Вольтер сказал ему, что сделал в ней пометки. Автор, не найдя в рукописи никаких пометок, снова явился к Вольтеру.

— Смотрите мою пометку в конце произведения, — сказал критик. И действительно, единственной пометкой Вольтера было видоизмененное французское слово «Fin» (конец), написанное на последней странице рукописи самим автором. Вольтер зачеркнул в нем последнюю букву, а оставшаяся часть слова и выражала его оценку произведения — «Фи!».

ЭПИДЕМИЯ САМОУБИЙСТВ

После выхода в свет романа И.-В. Гете (1749–1832) «Страдания молодого Вертера» по всей Европе прокатилась эпидемия самоубийств «от несчастной любви». Автор был

крайне напуган этим явлением, так как считал себя его виновником.

Французская писательница Анна Луиза Сталь уверяла, что ни одна самая красивая женщина не обрекла на самоубийство столько людей, сколько гетевский Вертер.

ГЁТЕ В ТЕАТРЕ

Занимая пост директора Веймарского театра, Гёте написал для него много пьес. Кроме того, он учил и воспитывал актёров, изгонял диалектизм из их речи, развивал у них ясную дикцию и тонкий художественный вкус.

Поэт категорически запрещал ставить пьесы, в которых унижалось и оскорблялось достоинство евреев.

При этом он говорил актёрам:

— Постыдно выставлять на посмешище народ, проявивший себя выдающимися талантами в искусстве и науке.

РУКУ — СОБРАТУ!

Когда военный инженер, поэт, композитор, автор знаменитой «Марсельезы» Клод Жозеф Руже де Лиль (1760–1836) впал в бедность и был заключен в долговую тюрьму, Беранже поспешил уплатить его долги. Беранже постоянно хлопотал о помощи то одному, то другому единомышленнику, попавшему в тяжелое положение. И всегда сожалел лишь о том, что не мог сделать большего.

ПРЕВРАЩЕНИЕ МИЛЛИОНЕРА В НИЩЕГО

В XIX веке многие писатели Западной Европы были очень богаты. Вальтер Скотт (1771–1832) нажил 6 миллионов фунтов стерлингов. Подражая древним рыцарям, он соорудил себе замок в старинном шотландском стиле. Гербы кланов и свирепые львы украшали его башни и окна.

В этом замке был постоянно открыт роскошный стол для всех посетителей.

Писал В. Скотт много и неимоверно быстро. В месяц, а то и за полмесяца, он сочинял толстый том и получал за него не менее 25 000 франков. Жажда наживы толкнула писателя на участие в спекуляциях его издателей. Он легкомысленно передал им свои бланковые подписи и не проверял их употребление. А так как его компаньоны были прожжёнными аферистами, то Вальтер Скотт скоро обанкротился и в возрасте 55 лет превратился из миллионера в нищего. Да еще имевшего долг в 117 000 фунтов стерлингов. Чтобы честно уплатить его, писатель творил с удесятерённой энергией. Но за 4 года сумел погасить только 70 000 фунтов. Истошив мозг непосильной работой, В. Скотт умер от паралича.

БАЛОВЕНЬ «ТЮРЬМЫ»

За антиправительственные песни Беранже (1780–1857) посадили на три месяца в тюрьму. Это заключение он называл самым веселым временем в его жизни. Вся Франция, за исключением махровых монархистов, выражала узнику свое глубокое уважение, оказывала моральную и материальную поддержку. Так что Беранже имел основание шутить:

— Тюрьма избаловала меня.

До «бесплатной казенной квартиры» он ютился в каморке без мебели. Зимой в ней стоял такой холод, что замерзала вода в умывальнике. А когда поэт писал, то кутался в старое одеяло.

Находясь в тюрьме, Беранже написал семь сатирических песен, за которые ему добавили два года заключения.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ФЕМИДЫ

8 декабря 1821 года над Беранже состоялся королевский суд за 16 песен, в которых реакционеры увидели оскорбление монарха. С раннего утра все коридоры здания суда были заполнены зрителями. И судьи, и присяжные с трудом пробивались сквозь толпу. Жандарм не пропускал даже самого поэта. Беранже вынужден был воскликнуть:

Господа! Я — подсудимый! Без меня не могут начать!..

Председатель суда и его советник пробрались к своим креслам через окно.

Присяжные приговорили поэта к трехмесячному тюремному заключению и штрафу в 500 франков. А в зале суда в это время ходила по рукам его новая песня «Прощание с деревней», такая же революционная, как и те, за которые его только что осудили.

ОШИБКА «ГРАФОЛОГА»

Круг интересов французского писателя Оноре де Бальзака (1799–1850) был невероятно широк. Так, он увлекался даже костюмами и модами, описанию которых посвятил пространные сочинения «Физиология туалета», «Кодекс щеголя», «Искусство повязывать галстук», «Очерк нравов,

изученных по перчаткам», «Словарь вывесок города Парижа» и многие другие.

Занимала Бальзака и графология — наука определения характера человека по его почерку. Это стало известно публике. И вот однажды к новоявленному «графологу» пришла пожилая женщина, подала ему исписанные ученические тетради и попросила предсказать будущее ребенка по почерку. Бальзак, нахмутив брови, долго и внимательно рассматривал записи в тетрадях и наконец, сказал:

— Ребенок, написавший это, непоседлив, туп и ничего хорошего от него ожидать нельзя.

В ответ на это «пророчество» женщина рассмеялась:

— О дорогой Бальзак, как же это вы не узнали своих собственных школьных тетрадей?!

ПАРИЖСКИЙ ОБОРВАНЕЦ

Оноре де Бальзак для более правдивого изображения всех современных ему социальных слоев постоянно вращался в их кругах. Очень часто он бродил по улицам и площадям Парижа, зорко наблюдая сцены и типы.

А чтобы его, уже знаменитого во всем мире писателя, никто не узнавал, он облачался в рубище оборванца и надевал на голову измятую и замызганную шляпу. В таком виде создатель «Человеческой комедии» мог свободно затеряться в уличной толпе, не привлекая особого внимания.

СКРОМНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ВИКТОРА ГЮГО

Будучи всемирно известным писателем и обладателем большого состояния, В. Гюго (1802–1885) оставался крайне

скромным в быту. Черновики сочинений он писал на попадавшихся под руку клочках бумаги, на визитных карточках, театральных афишах, плакатах, счетах, квитанциях и т.п. и писал всегда гусиным пером, крупным почерком, почти без помарок. В Национальной французской библиотеке хранятся все его рукописи.

Перед смертью писатель просил похоронить его без всякой помпы, в простом сосновом гробу, как хоронят бедняков. Просьбу его выполнили: свезли прах в пантеон на убогой колеснице, на какой отправляли в последний путь всех угнетенных и отверженных, которых Гюго защищал всю его жизнь.

Из своего капитала поэт завещал миллион франков приюту, полтора миллиона — бедным.

ПАЛЬМОВАЯ ПАЛОЧКА АНДЕРСЕНА

Путешествуя по Шотландии, прославленный сказочник Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) забыл в одном отеле свою любимую пальмовую палочку, купленную в Неаполе. Он спешил на пароход и, не имея времени вернуться, попросил своего знакомого переслать ее ему в Данию.

Добравшись до Эдинбурга, Андерсен на другой день хотел уже отплыть в Лондон. Но за несколько минут до отплытия парохода кондуктор поезда, только прибывшего в Шотландию, подошел к писателю и, любезно улыбаясь, подал ему его заветную спутницу:

— Она отлично доехала одна.

К палочке была прикреплена дощечка с надписью: «Датскому писателю Гансу Христиану Андерсену».

Безмолвная «путешественница» много раз переходила из рук в руки, ехала на пароходе, в дилижансе и, наконец, в поезде — и все же догнала своего хозяина.

Андерсен до слез был тронут этим обстоятельством — свидетельством искренней любви к его творениям.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Великие писатели остро переживают радости, страдания и смерть создаваемых ими персонажей. Часто эти переживания выражаются в тяжелых психофизических заболеваниях.

Так, Гюстав Флобер (1821–1880) признавался в одном письме, что, описывая отравление Эммы Бовари (роман «Госпожа Бовари»), сам был отравлен, долго чувствовал во рту вкус мышьяка и дважды подряд имел «самое реальное расстройство желудка».

ОТВЕТ МАРКА ТВЕНА РЕПОРТЕРУ

Первое драматическое произведение Марка Твена (1835–1910) «Полковник Селлерс» прошло на сцене Америки с шумным успехом. С того времени директора театров автору не давали покоя: просили написать новую пьесу.

Пробившийся к знаменитому юмористу репортер сказал ему, что он слышал, будто писатель работает над большой пьесой.

— Как далеко продвинулась ваша работа? — задал вопрос репортер.

— Вы можете сообщить в прессе, что я пишу драму из четырех актов и трех антрактов и что я уже закончил все три антракта.

«Я БЫЛА ПРИ ЭТОМ»

Биографы Марка Твена уверяют, что свой талант юмориста он получил по наследству от матери Джейн Клеменс, добродушной и всегда веселой женщины.

Уже в престарелом возрасте ехала она в поезде. Ее соседи по вагону заспорили о том, где родился Марк Твен — во Флориде или в Ганнибале. Джейн Клеменс вмешалась в спор и сообщила, что писатель появился на свет во Флориде. Другой спорщик твердил свое:

— Нет, Марк Твен родился в Ганнибале.

Чтобы прекратить дискуссию, старушка сказала:

— Я — его мать. Мне полагается знать, где он родился. Я была при этом...

В СКУЧНОЙ ШКОЛЕ

Восьмилетнего Марка Твена отдали учиться в школу Досона, где царил мертвечина, зубрежка непонятных детям заданий. Поэтому ученики во время уроков занимались своими делами: обменивались ножичками, птичьими яйцами, рыболовными крючками и т.п. вещами.

А Марк Твен и его приятель Боуэн придумали интересное развлечение. Разделив чертой грифельную доску пополам, они старались булавками перегнуть вошь на половину соперника.

Застигнув игроков за этим спортом, Досон выпорол их.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АМАЗОНКУ

Начитавшись о сказочных богатствах в верховьях Амазонки, Марк Твен и его приятели решили отправиться туда. Но денег у них не было. Выручила счастливая случайность. Проходил Твен мимо одного дома, к которому ветром прибило бумажку. Это оказался банкнот в пятьдесят долларов!

И юные друзья пустились в путь к намеченной цели.

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ МАРКА ТВЕНА

Марк Твен был атаманом мальчишек-проказников. Эта ватага раз спустила с горы огромный камень, который вдребезги расшиб мастерскую и едва не искалечил самого мастера...

Игра в войну и воровство фруктов в чужих садах были любимыми развлечениями компании Твена...

У него была какая-то болезненная страсть собирать по сотне кошек и возиться с ними. Однажды запала ему в голову затея учинить целое нашествие кошек в номера гостиницы. Жильцы вынуждены были убраться из беспокойного приюта.

СПИЧКА ПОДВЕЛА

Когда Марку Твену исполнилось семнадцать лет, он начал курить. На одной улице города ему встретился бродяга и попросил у него спичек. Твен отдал ему весь коробок.

Потом пьяницу посадили в маленькую местную тюрьму. Там он разлегся на соломе и закурил. Бросил зажженную спичку в солому. Вместе с тюрьмой сгорел и пьяница. Этот случай терзал совесть Твена всю его жизнь.

ПАРОДИИ МАРКА ТВЕНА

На бесполезные схоластические задачки из школьной арифметики Твен писал злые пародии. Вот пример.

«Если восемь человек копали землю двенадцать дней и ничего не нашли, то сколько дней должны копать двадцать два человек, чтобы результаты их работы были вдвое более высокими?!»

СОВЕТ ЮМОРИСТА

Когда в американской печати живо обсуждался вопрос об угрозе бешенства собак в летнюю пору, Марк Твен дал паникерам совет:

— Отрежьте им головы в июле.

ЛЕКЦИИ МАРКА ТВЕНА

В молодости Марк Твен изведal многие работы и специальности. На службе его удачи нередко сменялись безработицей и поисками новых занятий.

В тридцатилетнем возрасте Марк Твен, по его словам, «опять сел на мель». И тогда он задумал, по примеру других юмористов, читать комические лекции. А чтобы привлечь на них публику, он составил несколько юмористических афиш. В одной из них говорилось, что «лектор Твен проиллюстрирует обычаи людоедов, проживавших раньше на Сандвичевых или Гавайских островах, посредством пожирания ребенка на глазах у зрителей, если какая-нибудь дама любезно предоставит младенца для этой цели».

ЗАБРОШЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАРКА ТВЕНА

При жизни юмориста и сатирика Марка Твена не было опубликовано из его литературного наследства 15 тыс. страниц, что составило бы 12 или 14 печатных томов.

В США же выпущено в начале XX века 25-томное собрание сочинений Твена. Немногое из заброшенных его творений было впервые напечатано только в 50-60-х годах. А тысячи страниц до сего дня не видели печатного станка...

РЕПЛИКА БЕРНАРДА ШОУ

Один московский театр поставил пьесу Бернарда Шоу (1856–1950). После спектакля зрители устроили полный триумф автору. Но шквал аплодисментов внезапно порезал неистовый свист. Публика и актёры замерли в недоумении. Всех давило чувство досады и неловкости. Не смутился и не растерялся только автор пьесы.

Он вышел на авансцену, взглянул на галёрку, откуда доносился свист, и, смеясь, заговорил:

— Молодой человек, который только что свистел, мы с вами не знакомы, но я с вами совершенно согласен. Конечно, это не пьеса, а сплошной бред! Но что мы с вами вдвоём можем сделать с этим беснующимся залом?!

И на блестящую саркастическую реплику драматурга зал отозвался новой овацией!

ДЕРЖАВИН С СОБАЧКОЙ ЗА ПАЗУХОЙ

Гаврила Романович Державин (1743–1816) был гуманистом и филантропом. Одна безродная и бедная старушка

приходила к нему за пособием. На руках у ней всегда сидела белая собачка Бибишка.

В морозный зимний день старушка приплелась к поэту окоченевшей. Получив очередное пособие, она начала слёзно молить Гаврилу Романовича — взять себе Бибишку. Он принял собачку, но с условием, чтобы старушка получала от него пенсию до самой её смерти.

С тех пор Гаврила Романович во время работы неизменно держал собачку за пазухой. А когда ложился отдыхать на диване, она сидела около него, напоминая о содеянном благодеянии, которое доставляло поэту великую радость.

* * *

Первая жена Гаврилы Романовича, Катерина Яковлевна, была красавицей, умницей и обладала тонким эстетическим вкусом. Она вдохновляла мужа на создание лучших его творений. Её смерть надолго повергла поэта в глубокую скорбь. Он даже изменился в характере.

Женившись вторично, он никогда не забывал Катерину Яковлевну. И не умел скрыть это от посторонних глаз. Часто за многлюдными обедами, шумными разговорами и спорами Гаврила Романович замолкал, погружался в тяжёлое раздумье и чертил вилкой по тарелке вензель покойной «К.Д.». Это вошло в привычку.

Вторая супруга поэта, заметив его неуместное рисование и мечтание, задавала ему вопрос:

— Ганюша, а Ганюша, что это ты делаешь?!

— Так, ничего, матушка, — как бы проснувшись, отвечал поэт.

К ДЕРЖАВИНУ

В воспоминаниях о Державине А.С. Пушкин рассказывал и следующий эпизод.

Лицеисты преклонялись перед творцом философских и патриотических од. Ожидая его визит в лицей, воспитанники одного неимоверно волновались. Особенно Антон Дельвиг. Он вышел на лестницу, чтобы там первым встретить престарелого поэта и благоговейно приложиться к его руке.

Державин вошёл в сени, и Дельвиг услышал его прозаический вопрос к швейцару:

— Где, братец, здесь **нужник**?

Этот вопрос охладил восторг Дельвига, и он уже не стремился целовать руку певца Фелицы...

* * *

В связи с этим случаем вспоминается и другой.

В кругах советских филологов бытовало выражение «К Державину!». Оно — эвфемизм, т.е. заменитель неприличного выражения «В туалет!».

В пасмурный день зимой группа студентов Московского института истории, философии и литературы держала экзамен по теории поэтики у строгого профессора Дмитрия Николаевича Ушакова, редактора знаменитого четырёхтомного Толкового словаря русского языка. Профессор задавал студентам дополнительные вопросы о метафорах, эпитетах, омонимах, эвфемизмах и проч. Эти понятия многие студенты путали.

Дмитрий Николаевич был заметно недоволен ответами. Это он выражал позваниванием ложечки в стакане с чаем. Один юноша из ожидавших экзамена попросил разрешения выйти.

— Куда это? — раздраженно спросил профессор.

— К Державину! — ответил студент.

Мрачное лицо экзаменатора засияло:

— Вы что, сознательно употребляете такое странное выражение?—

Да, профессор, я употребил эвфемизм, чтобы прикрыть им одно неприглядное слово и стоящее за ним понятие.

Ушаков рассмеялся:

— Давайте свою зачётку и отправляйтесь, куда угодно!

И он поставил студенту пятёрку, так как убедился, что тот осилил раздел литературоведения о переносном значении слов и выражений.

А счастливый юноша убежал, ликуя от сознания, что ему так легко досталась высшая экзаменационная оценка — без экзамена!

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА

Кроме комедий, Денис Иванович Фонвизин (1745–1792) писал сатирические стихи и эпиграммы. По всему Петербургу из уст в уста передавались его крылатые выражения. Например, его ответ на вопрос, какая разница между человеком и скотом, облетел всю Россию.

— Огромная! — отвечал сатирик. — Ведь скотина никогда человеком быть не может, а человек, особенно богатый и знатный, весьма часто скотиной становится.

ЛИШНИЕ НУЛИ

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) снял квартиру в доме богатого скряги. В договоре между прочим значилось: а) жилец должен осторожно обращаться с огнем; б) если же

дом сгорит по вине квартиранта, то последний обязуется уплатить хозяину 60 000 рублей ассигнациями.

Подписывая договор, Иван Андреевич прибавил к этой цифре два нуля. Удивленный домовладелец воскликнул:

— Помилуйте, Иван Андреевич! Шесть миллионов — это уж слишком!

— Не беспокойтесь... для вас это хорошо и приятно, а для меня все равно, ибо я не в состоянии заплатить ни той, ни другой суммы...

ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ

И.А. Крылов писал свои бессмертные басни на лоскутках бумаги, которые часто измятыми носил в карманах. После его смерти множество таких лоскутков находили на чердаках квартир писателя.

В Петербургской публичной библиотеке хранятся сколотые булавкой лоскутки, вырванные из тетради. Эти лоскутки и составили богатейший материал для изучения творчества великого баснописца.

ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ

Раз в кабинете В.А. Жуковского в Зимнем дворце собрались литераторы и некоторые высшие сановники.

И.А. Крылов стал что-то искать в бумагах хозяина, лежавших на столе. Кто-то спросил:

— Что вам надо, Иван Андреевич?

— Да вот какое обстоятельство: хочется закурить трубку. У себя дома я рву для этого первый попавшийся мне листок, а здесь так нельзя. Ведь здесь за каждый листок исписанной бумаги, если разорвёшь его, отвечай перед потомством.

ПО РАССЕЯНОСТИ

Как многие мудрые люди, И.А. Крылов был очень рассеян и потому нередко попадал в смешное положение. Случилось так, что будучи в гостях, он, например, за обедом вытаскивал из кармана, вместо платка, чулок или чепчик, где-то захваченные им тоже по рассеянности.

Начинающие писатели, коих он не знал в лица, часто присылали ему свои книги с автографами. Подшучивая над ним, друзья указывали ему других лиц. Иван Андреевич подходил к ним и благодарил их за подарки. А узнав об ошибке, конфузился и просил прощения.

МУДРЫЙ СОВЕТ

И.А. Крылов безразлично относился к своей внешности. Как-то он впал в мрачное расположение духа. Близко знавшая его придворная дама спросила:

— Что с вами, дедушка?

— Да вот беда: надо ехать во дворец маскарад, а я не знаю, как одеться...

— А вы бы, дедушка, помылись, побрились, оделись бы чистенько, — вас там бы никто и не узнал...

ОТЧЕГО ПЛАКАЛ ДЕДУШКА

Проходя по улице Петербурга, И.А. Крылов издали заметил, как за отгородкой, в садике у дома, играли дети. С ними была мать. Миновав этот дом, Крылов оглянулся и увидел, что мать поочередно поднимала детей над заборчиком и глазами указывала им на великого баснописца. Это тронуло его до слёз.

ЯДОВИТЫЙ ОТВЕТ

Два студента встретил И.А. Крылова на улице в Петербурге. Один из них, не зная баснописца в лицо, задумал пошутить над ним, намекая на его грузную фигуру:

— Вот туча идёт!..

Услышав эту фразу, Крылов пробурчал:

— И лягушки заквакали...

КУПЛЕННЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

В 20-х годах XIX века несколько петербургских писателей, а в их числе и И.А. Крылов, коллективно снимали дачу, где зачастую устраивали чтения для своих произведений. Члены сообщества дали Крылову прозвище **Соловей**.

Современников баснописца был и графоман — граф Хвостов, возомнивший себя настоящим поэтом. Он явился к литераторам на дачу и предложил им прочитать свои стихи, посвященные Соловью — Крылову. Графу сказали, что если он желает быть членом литературного кружка, то должен будет подчиняться его уставу. Писатели согласились слушать стихи Хвостова, но с условием: за каждое рукописание он обязан поставить бутылку шампанского. Условие было принято.

Граф читает... За каждой строфой, за каждым нелепым стихом гремят аплодисменты. Дорого обошлась тут Хвостову его графомания!

ДАнь НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ

Иван Андреевич Крылов вздумал купить себе дом в Петербурге, вблизи Тучкова моста. Но дом оказался ветхим,

требующим капитального ремонта, хлопот и крупных затрат. Крылов махнул рукой на свою затею.

Прошло несколько дней. К нему явился богатый купец и говорит:

— Я слышал, батюшка Иван Андреевич, что вы хотите купить такой-то дом?

— Нет, уже раздумал.

— Отчего же?

— Где уж мне возиться с ним? Требуется много поправок, да и денег не хватает...

— А дом-то чрезвычайно выгоден! Позвольте мне, батюшка, устроить вам это дело! В издержках сочтёмся.

— Да с какой же радости вы станете это делать для меня? Я вас совсем не знаю!

— Что вы меня не знаете — это не диво. А удивительно было бы, если бы кто-то из русских не знал Крылова. Позвольте и одному из них оказать вам небольшую услугу!...

И купец отремонтировал дом скоро, добротно и дёшево...

* * *

В другой раз к баснописцу пришли два купца из Казани:

— Мы, батюшка Иван Андреевич, торгуем чаем и наравне со всеми казанцами вас любим и уважаем. Позвольте нам ежегодно снабжать вас лучшим чаем!

И они, действительно, сдержали своё обещание!

* * *

По поводу указанных случаев цензор Никитенко записал в своем «Дневнике» 22 октября 1844 года:

«Прекрасно! Дай Бог, чтобы подвиги ума ценились у нас не литературной кликой, а самим народом!...»

МИНИСТР-БАСНОПИСЕЦ

На похоронах И.А. Крылова 9 ноября 1844 года между прочими людьми были и писатель Н.В. Кукольник, и министр народного просвещения, реакционер С.С. Уваров, на груди которого сияли звёзды и кресты.

Какой-то провинциал спросил Кукольника:

— Покажите мне, где министр просвещения...

— В гробу, — сказал Кукольник, указывая на тело усопшего.

— А я думал, что министр — этот, в звёздах.

— Нет! То наш баснописец: он в отчётах своих пишет басни.

«ШАХ» ЗА А.С. ГРИБОЕДОВА

Более полтысячи лет тому назад в песках Центральной Азии был найден крупный (3 см) алмаз, известный в истории под названием «Шах». Он переходил из рук в руки князей, шахов, Великих Моголов, а в 1685 году очутился у французского коммерсанта, ювелира и путешественника Жана Батиста Тавернье. Побывал он и в сокровищницах Дели и Джаханабада.

В 1739 году шах персидский Надир, разгромив Дели, захватил этот алмаз.

Все владельцы редчайшего камня выгравировали на нём свои автографы.

После зверского растерзания А.С. Грибоедова (1795–1829) в Тегеране 11 февраля 1829 года — возмущённое русское общество требовало достойного возмездия Персии. Чтобы умилостивить «белого царя» и утихомирить российский народ, сын шаха, принц Хосрев-мирза, передал России

алмаз «Шах». Так была оценена жизнь великого комедиографа!..

В Бриллиантовой кладовой Зимнего дворца в Петербурге дивный камень охраняли часовые из гвардейских полков.

В начале войны 1914–1918 годов «Шах» в сундуке был отправлен в Москву. В тайниках Оружейной палаты его заваляли тысячами сундуков и ящиков, наполненных драгоценностями.

При осмотре тайников Государственной комиссией в 1922 году знаменитый «Шах» был обнаружен завернутым в простую грубую бумажку.

ПОДАРОК ГЕТЕ ПУШКИНУ

Стихотворение А.С. Пушкина (1799–1837) «Сцена из Фауста» вполне оригинальное, хотя поэт и использует образы трагедии Гете. Это своеобразный философский диалог Фауста и Мефистофеля, в котором ученый выражает свое разочарование в славе, любви, выносит суровый приговор бесплодной схоластической науке:

*В глубоком знанье жизни нет-
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна как сон...*

Василий Андреевич Жуковский, путешествуя в 1827 году по Германии, заехал в гости к Гете. В беседе с ним немецкий поэт выразил восхищение русским вольным переводом «Сцены из Фауста» и попросил Жуковского передать

Пушкину в знак благодарности перо, которым была написана бессмертная трагедия.

ИСКРЫ ОСТРОУМИЯ

А.С. Пушкин встретил в Московском английском клубе старика-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, бывшего тогда министром. Дмитриев спросил Пушкина:

— Не правда ли, Александр Сергеевич, какое странное сочетание слов в названии: Московский английский клуб?

Пушкин засмеялся:

— А есть еще более странное, ваше превосходительство.

— Какое же?

— Императорское человеколюбивое общество...

ПОНЕДЕЛЬНИК ЛУЧШЕ ВТОРНИКА

Задержав выплату гонорара Пушкину за помещенную в журнале статью, хитрый издатель послал ему записку с вопросом: «Скажите, Александр Сергеевич, когда Вы желаете получить деньги — в понедельник или во вторник, и все ли двести рублей прислать Вам сразу или сто?»

Пушкин ответил: «Понедельник лучше вторника, а двести лучше ста».

А.С. ПУШКИН В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ

Александр Сергеевич Пушкин был проездом в уездном городке Малоархангельске, Орловской губернии.

Местные сплетники раззвонили, что в городок прибыл столичный ревизор по поручению царя. А так как в городке

не было гостиницы, то уставший в дороге поэт остановился на постоялом дворе. Городские власти испугались приезда высокого начальства. С раннего утра они в полном составе, в мундирах и при орденах, во главе с городничим Сквозником-Дмухановским, явились на постоялый двор, чтобы представиться ревизору.

Утомленный с дороги Александр Сергеевич проснулся в дурном расположении духа. Услышал за стеной тревожный шепот и спросил о нем слугу. Тот доложил. Пушкин сильно рассердился и крикнул:

— Гони их в шею!

Этот грозный окрик заставил чиновников мгновенно исчезнуть. Напившись чаю, Александр Сергеевич уехал из городка. А чиновники ликовали и поздравляли друг друга с миновавшей бедой...

Как известно, поэт рассказал малоархангельский эпизод Н.В. Гоголю, послуживший ему зерном, из которого выросла бессмертная комедия «Ревизор». В ней сохранена даже подлинная фамилия городничего Сквозника-Дмухановского.

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Ею обладал брат Александра Сергеевича Пушкина — Лев Сергеевич. Нередко он удивлял своих многочисленных гостей, медленно прочитывая целые страницы прозы, а затем повторяя их наизусть.

Память Льва Сергеевича сыграла спасительную роль в судьбе 5-й главы «Евгения Онегина». Вот как это было.

Крайне нуждаясь в деньгах, Пушкин поехал из Москвы в Петербург, чтобы отдать новую главу в печать. Но в дороге потерял рукопись, а черновик был уничтожен.

Поэт послал Льву Сергеевичу на Кавказ письмо, рассказав о случившемся. И вскоре получил ответ — три листочка бумаги, на которых мельчайшим бисерным почерком был воспроизведен текст потерянной главы с точностью до последней запятой. А ведь Лев Сергеевич лишь один раз слышал эту главу в чтении автора да еще раз прочел ее сам.

КТО ГЛУПЕЦ?

В петербургском театре шла опера. Главную партию пел знаменитый бас — Осип Афанасьевич Петров. Некто, сидевший рядом с Пушкиным, все время скверно подпевал артисту. Поэт не выдержал и довольно громко сказал:

— Что за глупец? Мешает слушать!

«Подпевала» обратился к Александру Сергеевичу:

— Позвольте, милостивый государь, спросить: кого вы называете глупцом?

— Конечно, артиста Петрова, так как он лишает меня удовольствия вас слушать.

ЗОЛОТОЙ ФУТЛЯР НА НОГТЕ

А.С. Пушкин отрастил себе длинный ноготь на пальце одной руки. А чтобы этот ноготь не сломался, поэт надевал на него золотой футляр.

«ВИШЬ, КАКОЙ-ТО ПУШКИН УБИТ»

Либеральный цензор Александр Васильевич Никитенко в своём «Дневнике» 12 февраля 1837 года записал:

«Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком его в деревню Жена моя возвращалась из Могилёва и на

одной станции неподалёку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обёрнутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости, Господи, как собаку!..

Мера запрещения относительно того, чтобы о Пушкине ничего не писать, продолжается...»

ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

А.С. Пушкин скончался на руках у В.И. Даля. Последние слова поэта: «Жизнь кончена», — слышал только Даль.

На память о Пушкине у него остался перстень с темно-зеленым камнем и простреленный черный сюртук с маленькой дыркой — следом от пули убийцы поэта.

Перстень Пушкина был для Даля талисманом. При взгляде на него у Владимира Ивановича, по его признанию, «руки тянулись к перу»...

«ЗОЛОТОЙ ВЕРБЛЮД»

Владимир Иванович Даль (1801–1872) уже десять лет собирал слова, когда вспыхнула русско-турецкая война. К этому времени у него собралось несколько тюков собранного материала, с которыми он не расставался.

Русское командование перед войной закупило несколько тысяч верблюдов. Даль служил в армии врачом, и ему выделили верблюда, на которого он и навьючил свои сокровища.

В сражении под Адрианополем этот верблюд, именуемый лексикографом «золотым», пропал.

К счастью, случилось непредвиденное: русские казаки отбили у турок «золотого» верблюда. Все тюки сохранились в целости. Владимир Иванович, не помня себя от радости, целовал морду своего двугорбого друга...

КАНЦЕЛЯРСКИЙ АНЕКДОТ

В компании, где был и Н.В. Гоголь (1809–1852), рассказали канцелярский анекдот о бедном чиновнике, который был рьяным охотником. Много лет он работал до изнурения, чтобы скопить деньги на покупку ружья. Наконец приобрел желанный предмет. Поплыл на лодке по Финскому заливу за добычей. Драгоценное ружье положил на нос лодки. Пробиваясь по густому тростнику, счастливец на минуту забыл про ружье. Глянул на нос лодки — ружья нет. Тростник стянул его в воду. Поиски ни к чему не привели.

Убитый горем, чиновник вернулся домой и надолго слег в постель. Товарищи устроили складчину и купили пострадавшему новое ружье. Позже чиновник всегда с ужасом вспоминал о потере ружья...

Компания посмеялась над этим чиновником, а Н.В. Гоголь слушал анекдот в глубокой задумчивости. И вскоре появилась «Шинель» — родоначальница русской художественной литературы о «маленьком человеке»...

«ЩЕКОТУРКА»

Первую часть «Мёртвых душ» автор писал в Риме. Он диктовал текст, а записывал его П.В. Анненков. В одной фра-

зе Н.В. Гоголь употребил слово «щекотурка». Секретарь исправил его на «штукатурка». Николай Васильевич спросил:

— Отчего так?

— Да, кажется, правильно будет.

Гоголь быстро подошёл к книжному шкафу, вынул из него словарь и, убедившись, что Анненков прав, сказал ему:

— За науку спасибо!

ПРИТВОРЯЕТСЯ

Иван Николаевич Гончаров (1812–1891) напрасно обвинил И.С. Тургенева в том, что он якобы позаимствовал из «Обыкновенной истории» многие образы для романа «Дворянское гнездо».

Как не убеждали Гончарова в его ошибке, он упрямо стоял на своем, считая Тургенева хитрецом. Даже при получении известия о кончине Ивана Сергеевича автор «Обломова» бросил:

— Притворяется!

ПЕРЕСТРЕЛКА

Будучи студентом Московского университета, Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) увлекался литературой, историей, языками и искусствами. Недолюбливал лекции по зоологии и редко посещал их. Профессор, читавший курс этой науки, вздумал публично уколоть остротой нердивого студента.

Несколько запоздав на очередную лекцию по зоологии, Михаил Юрьевич тихонько вошел в аудиторию и стал у двери. Профессор, заметив это, нарочито повышенным тоном продолжал:

— Теперь мы перейдём к ослу...
При этих словах он обратился к Лермонтову:
— Садитесь, пожалуйста.
Поняв насмешку профессора, поэт отпарировал:
— Благодарю вас: я могу слушать осла стоя.

ПЛАЧ ТУРГЕНЕВА О БАЗАРОВЕ

Описывая смерть Базарова, Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) не мог удержать слёз...

А перед своей смертью в Бужевале (Франция) он просил прислать ему сиреневый цветок из родного села Спасского...

БИТЬЁ СТАЛЬНЫМИ ЩЁТКАМИ

Перед открытием памятника А.С. Пушкину в Москве Иван Сергеевич Тургенев испытывал адские боли в позвоночнике. Рак разъел у него три позвонка. Друзья Ивана Сергеевича наблюдали, что он каждый вечер заставлял бить себя по обнажённой спине стальными щётками, надеясь этим средством облегчить страдания.

НЕ УДАЛОСЬ ЧОКНУТЬСЯ

В 1880 году в Москве состоялось открытие памятника А.С. Пушкину. На торжественном обеде среди многих гостей присутствовали И.С. Тургенев и крайне реакционный монархист, редактор «Московских ведомостей» и журнала «Русский вестник» М.Н. Катков.

Автор «Записок охотника» не подал ему свой бокал. А когда Катков вторично попытался чокнуться с Тургеневым, тот рукой прикрыл свой бокал.

ОБИДА

Негодую на мораль, приделанную французским переводчиком к повести «Первая любовь», И.С. Тургенев восклицал:

— Такое переделывание мыслей совсем не в моей натуре; они напоминают мне кудахтанье курицы после того, как она снесла яйцо.

РАЗГОВОР ПРИ ПОМОЩИ АСПИДНОЙ ДОСКИ

Зимой 1858 года Иван Сергеевич заболел сильным бронхитом. Врачи запретили ему говорить и читать вслух. Но Тургенев хотел познакомить друзей-писателей с новым своим произведением. Предстоял обмен мнениями. Чтобы не нарушить предписание врачей, Иван Сергеевич писал свои реплики и пространные высказывания на аспидной доске. И так наловчился делать это, что собеседование прошло без запинки.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Александр Фёдорович Кони представил в суде одному именитому сановнику Ивана Сергеевича Тургенева, когда романист был уже известен всему миру. Протянув руку сановнику, Тургенев назвал свою фамилию. Вельможа небрежно процедил:

— Гм... Тургенев? Это не вы были председателем казённой палаты в Омске?

— Нет, никогда не был.

Гм... А я слышал об одном Тургеневе, который был председателем казённой палаты...

Судейский чиновник шепнул чванливому бюрократу:
— Ваше превосходительство, это наш известный писатель Иван Сергеевич Тургенев.

— Гм... Писатель?! Не знаю, не слышал...

И высокопоставленный невежда, не обращая внимания на Тургенева, заговорил с каким-то работником суда.

СОБАЧЕЙ

Иван Сергеевич Тургенев в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» изобразил по-царски богатого помещика Н. К...го, заядлого собачея. Он устраивал лукулловские пиры, на которые съезжались со всего уезда охотники-собаколюбцы. Вся его усадьба, все комнаты главного корпуса и флигели были украшены предметами охоты: медвежьими, оленьими, лосиными и кабаньими головами, лошадиными ногами, чучелами птиц. Над головами казнённых кошек были, например, такие надписи: «Приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя», «Лишена жизни за убийство воробья».

Одна беседка в саду, построенная в мавританском стиле, служила мавзолеем для погибших птиц. Потолок и стены её были украшены венками и стихами поэтов, затейливо сплетенными из мышинных и крысиных хвостов, полированных и покрытых позолотой.

Труп любимого кобеля Любезного барин похоронил в особенно роскошной беседке, стоившей около 50.000 рублей!

ЦЕНА АКУЛЬКИ

Мать великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, Варвара Петровна, как известно, зверски обращалась с крепостными крестьянами. Все грамотные люди

помнят страшный тургеневский рассказ «Муму». Героиня его — портрет Варвары Петровны.

В фамильном архиве орловских помещиков Юрасовских, соседей Тургеневых по селу Лутовинову, сохранилась купчая крепость на продажу им Варварой Петровной девки-пяличницы Акулины Егоровой, которая «осмелилась произвести на свет ребёнка»... Эта дерзость привела в бешенство Варвару Петровну, она выгнала девку из дому и продала Юрасовским за «десять рублёв» ассигнациями, т.е. бумажными деньгами, которые равнялись примерно 3,5 рубля серебром. Такова была цена талантливой рукодельницы!

Акулина оказалась прекрасной женщиной. Помещица Юрасовская перед своей смертью завещала ей денежное вознаграждение. А судьба «приблудной дочери» Акулины осталась неизвестной...

НЕВЫГОДНЫЙ ЖИЛЕЦ

В начале своей самостоятельной жизни в Петербурге Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878) бедствовал. Задолжал квартирной хозяйке. Чтобы избавиться от невыгодного жильца, она убрала из занятой им комнаты всю мебель.

Целую неделю поэт спал на голом полу. Подушкой служило ему пальто. Писал на подоконнике, стоя перед ним на коленях. А когда сильно уставал, то отдыхал, растянувшись на полу...

ПОЭМА, СОЗДАННАЯ ЗА ДВА ЧАСА

Истерзанный ежедневной борьбой с цензорами, Н.А. Некрасов как-то впал в хандру. Целый день ничего не ел, никого не принимал.

Его жена случайно увидела, как к парадному подъезду дома, где жил министр государственных имуществ, подошли крестьяне-ходоки. Вероятно, с прошением. Швейцар прогнал их. Они укрылись за выступом подъезда. Жена Некрасова сказала ему об этом. Некрасов глянул в окно как раз в тот момент, когда городской и дворники прогоняли крестьян от парадного подъезда. Взволнованный поэт быстро стал писать. А через два часа прочел поэму «Размышления у парадного подъезда».

СЧАСТЬЕ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА

Написанный в Петропавловской крепости роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» прошёл много цензур. Получив его рукопись, несказанно обрадованный Н.А. Некрасов опрометью помчался в типографию, где печатался журнал «Современник». Но вскоре поэт вернулся домой и тревожно объявил жене:

— Со мной случилось большое несчастье: я потерял рукопись...

Черновика рукописи не было: Чернышевский всегда писал прямо набело. На следующий день Н.А. Некрасов объявил в «Полицейских ведомостях» о потере рукописи. Указал улицы, на которых это могло случиться. Обещал нашедшему 50 рублей.

К нему явился бедный, невзрачный чиновник, недавно уволенный со службы по сокращению штатов, и сказал, что он нашёл рукопись.

— Где же рукопись? — нетерпеливо спросил Некрасов.

— Дома... Я пришёл только...

Некрасов прервал его:

— Скорей поезжайте за ней, скорей!

И сунул чиновнику в руку 50 рублей на извозчика.

Находка была немедленно доставлена. Некрасов дал чиновнику еще 50 рублей. Тот сиял от радости: ведь он никогда не имел столько денег. И попытался было вернуть поэту прежние 50 рублей, поскольку жил рядом.

— Оставьте их у себя! — сказал Николай Алексеевич.
— У вас есть дети?

— Много-с!..

— Это им от меня на игрушки.

И были бесконечно счастливы — и поэт, и чиновник...

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Цензорские рогатки вынуждали прогрессивных редакторов и издателей при царизме изощряться в изыскании средств и способов обмана и обхода блюстителей политической благонадёжности литературы. В этом тяжёлом искусстве некоторые редакторы доходили до курьёзной виртуозности.

Н.А. Некрасов, как издатель и редактор «Современника», находился под особенно бдительным наблюдением царских церберов. Проведал он, что его цензор — страстный любитель гречневой каши, что она действует на него магически. Под её влиянием старик весь уходил в наслаждение пищеварением, делался мягким, сговорчивым, ничего не соображал, подписывал корректуры, почти не читая их.

Поэт подкупил кухарку цензора, — и та ставила на обеденный стол хозяина гречневую кашу в тот день, когда ему предстояло чтение корректур для «Современника».

Так гречневая каша играла благодетельную роль в судьбах русской литературы XIX века.

МЫШОНОК В ПОСТЕЛИ

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) утром 1 апреля 1875 года вышел из своей спальни мрачный. Жена, Анна Григорьевна, тревожно спросила его о здоровье.

— Здоров, но случилась досадная история: у меня в постели оказался мышонок. Я проснулся, почувствовал, что что-то пробежало по ноге, откинул одеяло и увидел мышонка. Так было противно! Надо бы поискать его в постели.

Анна Григорьевна позвала горничную, кухарку. Сообща они перетрясли всю постель, сменили на ней бельё, — ничего не нашли. Отодвинули от стен столы, этажерки, диван, стулья — нет мышиной норки!

Фёдор Михайлович попросил жену зайти к нему в столовую.

— Ну, что, нашли мышонка? — брезгливо спросил он.

— Где его найдешь? Убежал. Но страннее всего, что в спальне не оказалось никакой лазейки, очевидно, забежал из передней.

А Фёдор Михайлович стоял и весело улыбался:

— Первое апреля, Анечка, первое апреля!

И все долго смеялись над его шуткой, вспомнив, что первое апреля — обманный день.

ОПАСНАЯ ШУТКА

Фёдор Михайлович Достоевский высоко ценил литературный талант Софьи Ивановны Смирновой. В «Отечественных записках» напечатали её роман «Силы характера». Писатель хотел непременно прочесть его. Анна Григорьевна принесла ему номер журнала с этим романом. Но сама наперед прочла его.

Герой произведения Смирновой — ужасный ревнивец. Некий негодяй послал ему анонимное письмо, в котором рассказал, будто жена этого ревнивца ставит ему рога, носит на груди в медальоне портрет любовника и проч.

Анна Григорьевна, уверенная в том, что Фёдор Михайлович тоже уже познакомился с романом Смирновой, вздумала пошутить, чтобы потом посмеяться вместе с ним.

Изменив свой почерк и имя, отчество адресата, она переписала из романа письмо анонима и послала его по почте на имя мужа.

На следующий день, пообедав, Достоевский ушел в свой кабинет читать корреспонденцию. Минут через десять вошла к нему Анна Григорьевна, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело на него письмо «анонима».

Фёдор Михайлович, насупившись, тяжёлыми шагами грохал по комнате, бросал свирепые взгляды на жену, наконец остановился перед её лицом и грозно повёл допрос:

— Ты носишь медальон?

— Ношу.

— Покажи мне его!

— Зачем? Ведь ты его много раз видел.

— По — ка — жи ме — даль — он!!!

Последнюю реплику Фёдор Михайлович рявкнул во весь голос. Анна Григорьевна поняла, что дело пахнет не шуткой. И начала торопливо расстёгивать ворот платья. Фёдор Михайлович, разъярившись, рванул цепочку с шеи жены. Она порвалась, и медальон был в руках мужа. Он открыл его и увидел в нём портреты — свой и дочери Любочки.

— Ну что, нашел? — спросила Анна Григорьевна. — Федя, глупый ты мой, как мог ты поверить анонимному письму?!

— А ты откуда знаешь об анонимном письме?

— Как откуда? Да я тебе сама его послала.

— Как сама послала? Что ты говоришь? Это невероятно!

— А я тебе сейчас докажу!

И Анна Григорьевна принесла ему листки, на которых она упражнялась в изменении почерка.

— И ты сама сочинила это письмо? — продолжал допытываться Фёдор Михайлович.

— Да и не сочиняла вовсе. Просто списала его из романа Софьи Ивановны. Ведь ты его вчера читал. Я думала, что ты сразу догадаешься.

— Ну, где же тут вспомнить! Не понимаю только, зачем ты его мне послала?

— Просто хотела пошутить.

— Разве возможны такие шутки? Ведь я измучился в эти полчаса.

— Кто тебя знал, что ты у меня такой Отелло и, ничего не рассудив, полезешь на стену!

— В таких случаях не рассуждают. Вот и видно, что ты не испытала истинной любви и истинной ревности. Ты всё смеёшься, а подумай, какое могло бы произойти несчастье. Ведь я в гневе мог задушить тебя! Умоляю тебя, не шути такими вещами. В ярости я за себя не отвечаю.

На шее Анны Григорьевны осталась кровавая царапина.

Фёдор Михайлович горячо каялся в своём поступке и просил у жены прощения.

ГОРДЕЦ

Фёдор Михайлович Достоевский страдал припадками эпилепсии. Эта страшная болезнь ослабила его память на имена и лица. Забывчивость причиняла ему много неприятностей. При встречах он не узнавал в лицо тех людей, с

которыми недавно еще и близко познакомился. Они, не подозревая его болезни, считали писателя «гордецом», «олимпийцем» или притворно забывчивым, чтобы унижить человека.

В квартире поэта А.Н. Майкова Достоевский встретился с Ф.Н. Бергом, которого знал по работе в редакции «Времени». Берг любезно приветствовал Фёдора Михайловича, а он прошёл мимо.

— Фёдор Михайлович, а Вы меня не узнаете?! — удивился Берг.

— Извините, не могу признать.

— Я — Берг!

— Берг?

— Поэт Берг. Неужели Вы меня не помните?!

— Поэт Берг?! Очень рад... Очень рад...

* * *

Был случай и покурёзнее этого.

Жил в Москве двоюродный брат жены Достоевского — М.Н. Сниткин, человек высококультурный, радушный хлебосол, принимавший многих гостей. Нередко посещали Сниткина и Достоевские. Здесь они встречали и Александру Павловну, крёстную мать Анны Григорьевны. Александра Павловна очень обижалась, что Фёдор Михайлович ни разу не побеседовал с нею.

Собираясь снова к Сниткиным. Анна Григорьевна упрасивала мужа быть как можно более любезнее и поговорить с её крёстной матерью.

— Хорошо, хорошо, — соглашался Фёдор Михайлович. — Ты только покажи, которая из дам твоя крёстная мать, а я уж найду интересный предмет для разговора. Ты останешься мною довольна.

Съехались к Сниткиным гости. Анна Григорьевна указала мужу на даму, сидевшую на диване:

— Вон, крёстная.

Писатель внимательно по несколько раз посмотрел то на жену, то на указанную даму, но за весь вечер так и не подошёл к ней.

Дома, выслушав упрёки жены, Фёдор Михайлович смущённо оправдывался:

— Да скажи мне, пожалуйста, Аня, кто кому приходится крёстной матерью: ты её крестила или она тебя? Я вас обеих давеча рассматривал: вы так мало отличаетесь друг от друга. Меня взяло сомнение и чтобы не ошибиться, я решил лучше к ней не подходить.

А разница в возрасте и внешности крёстной матери и дочери и в самом деле была малая — 16 лет. К тому же крёстная мамаша любила подмолодиться и роскошно наряжаться, а Анна Григорьевна всегда носила скромные платья тёмного цвета и потому выглядела несколько старше своих лет.

* * *

Проживая в Дрездене, Фёдор Михайлович пошёл в русское консульство заверить подпись больной жены на каком-то документе, но вскоре вернулся и досадливо спросил Анну Григорьевну:

— Аня, как тебя зовут? Какая твоя фамилия?

— Достоевская.

— Знаю, что Достоевская, но как твоя девичья фамилия? Меня в консульстве спросили, а я забыл, и приходится второй раз туда идти. Чиновники, кажется, надо мной посмеялись, что я забыл фамилию своей жены. Запиши мне её на своей карточке, а то я в другой раз опять позабуду.

РУССКИЙ ОТЕЛЛО

Фёдор Михайлович Достоевский артистически читал художественные произведения. Его охотно приглашали выступать на литературных вечерах, куда он отправлялся со своим «верным оруженосцем», женой Анной Григорьевной. Но и на этих вечерах сказывалась страшная черта характера писателя — ревнивость.

Многие литераторы, по принятому этикету, целовали руку Анны Григорьевны, а Достоевский не терпел этого. И после допекал жену придирками, подозрениями. На литературных вечерах Фёдор Михайлович перед выходом на сцену находился в комнате для чтецов. Он то и дело наблюдал из-за кулис, с кем рядом сидит и разговаривает в зале его жена. А то по несколько раз посылал в зал распорядителя узнать об этом.

Выйдя на сцену для чтения, Достоевский сначала долго шарил глазами по залу, ища жену. Чтобы избавить его от этих поисков, Анна Григорьевна нарочито садилась на видном месте или привставала и отирала лоб белым платком.

Мужнина слежка надоела ей. Она заявила ему дорогой на новый вечер:

— Знаешь, дорогой мой, если ты сегодня будешь так всматриваться и меня разыскивать среди публики, то, даю слово, я поднимусь с места и мимо эстрады выйду из зала.

— А я спрыгну с эстрады и побегу за тобой узнавать, не случилось ли чего с тобой и куда ты ушла.

КОРОВА ПОТЕРЯЛАСЬ

Семья Фёдора Михайловича Достоевского лето обычно проводила в собственном домике в Старой Руссе. На этот

сезон писатель брал корову у кого-либо из местных крестьян как бы в аренду. Хозяин уж знал, что осенью он обратно получит вместо тощей — откормленную скотину да еще 10–15 рублей.

Ф.М. Достоевский был нежнейшим семьянином и рачительным домоводом. Детей любил безгранично.

Случилось, что как-то вечером корова не вернулась с поля. Все взрослые члены семьи пошли искать её. Пошёл и Фёдор Михайлович. Он спрашивал всех встречных:

— Тётка, не встречала ли бурую корову?

— Паренёк, не видал тут бурую корову?

Литературные друзья Фёдора Михайловича диву давались: как это прославленный на весь белый свет писатель, поднимающий и решающий глубочайшие философские, социальные и психологические проблемы, может заниматься такой обыденной прозой, как поиски коровы?!

А необъятная душа Достоевского, видимо, вмещала всё человеческое.

СЧАСТЬЕ ПЬЯНЧУГИ

В марте 1879 года Фёдор Михайлович Достоевский проходил по Николаевской улице Петербурга. Незнакомый датрыга нагнал его и так сильно ударил по затылку, что писатель рухнул на мостовую и расшиб себе лицо в кровь. Собралась толпа. Городовой составил протокол о происшествии. Пьяницу схватили и отправили в участок. Пригласили туда и Фёдора Михайловича. На допросе он умолял полицейского офицера — освободить виновного, которого он, потерпевший, прощает.

Но так как об избиении известного писателя в газете напечатали заметку, протокол полиции передали в суд. На разборе дела ответчик, крестьянин Фёдор Андреев признался,

что был «зело выпимши и только слегка дотронулся до барина, который от этого с ног свалился».

Федор Михайлович и тут заявил, что прощает обидчика и просил мирового судью не наказывать крестьянина. Судья принял во внимание просьбу писателя и только оштрафовал Андреева на 16 рублей «за произведение шума» — с заменой штрафа 4-х дневным арестом.

У подъезда судебной камеры Федор Михайлович дождался осужденного и вручил ему 16 рублей на уплату штрафа.

СКВОЗЬ ЦЕНЗУРНЫЕ РОГАТКИ

Начальник III отделения генерал Потапов запретил постановку пьес «Воспитанница» А.Н. Островского, «Нахлебник» И.С. Тургенева. Но вскоре он ушел со своего поста. Его обязанности временно исполнял генерал Анненков, брат известного литературного критика и мемуариста Павла Васильевича Анненкова.

П.В. Анненков, как друг Тургенева, попросил брата разрешить представление его комедии. Новый цензор ответил:

— С удовольствием! И не только эту, а и те пьесы, которые ты признаешь нужными. Только присылай поскорее, потому что на этом месте я останусь недолго.

Павел Васильевич послал брату несколько пьес, среди которых были и «Воспитанница», и «Нахлебник». Так многие запрещенные ранее пьесы увидели сцену.

ТАЛАНТЛИВАЯ ОТСЕБЯТИНА

Артист Андреев-Бурлак талантливо исполнял роль Счастливецва в пьесе Островского «Лес». Но имел слабость подменять авторский текст своим.

Узнал об этом А.Н. Островский (1823–1886) и пожелал лично ознакомиться с Андреевым-Бурлаком. На очередном представлении «Леса» автор был восхищен игрой этого артиста. В антракте драматург зашел к нему за кулисы:

— Замечательно!.. Это замечательно!.. Только знаете что? Я этого никогда не писал... Но замечательно! Все замечательно!

И разрешил артисту внести в текст пьесы отсебятину, которая была потом воспринята многими исполнителями этой роли.

СОВЕТ ОСТРОВСКОГО ГРАФОМАНУ

Бездарный молодой человек осаждал Александра Николаевича Островского просьбами о советах, как сделаться драматургом. Островский убеждал докучливого посетителя:

— Ждите удобного случая. Это само свыше налетит. Ждите очереди.

Через некоторое время графоман принёс Островскому свою комедию. Драматург прочёл её и забраковал. Но, пожалев неудачника, порекомендовал ему:

— Займитесь чем-нибудь другим.

— Да чем же? Я, ей Богу, не знаю...

— Женитесь, что ли, — пошутил Александр Николаевич.

Спустя два месяца молодой автор снова пришёл к нему:

— Я исполнил ваше приказание.

— Что такое?! Объясните толком — я вас не понимаю!

— Вы мне велели жениться — я женился!!

— Ну, и что ж, я поздравляю. Дай Бог вам счастья!

— Прочтите мою новую пьеску!

— Вот те раз! Да я ведь вам советовал жениться нарочно, чтобы отвлечь вас от писательства, а вы всё-таки продолжаете стремиться к литературе.

— А я думал, что вы заставляете меня жениться, чтобы у меня лучше пьесы выходили.

— Ну, уж коли вы так рассудили, то делайте, что знаете, а мне некогда читать ваши пьесы... Извините...

ЖЕМАННАЯ ДАМА

На банкете у тверского вице-губернатора присутствовали и Михаил Ефграфович Щедрин (1826–1889). Рядом с ним за столом сидела жеманная, нарядная, сверкающая бриллиантами дама. Взглянув на суровое лицо сатирика, она испугалась, хихикнула и, прикрыв лицо веером, пропищала:

— Ах, Михаил Ефграфович, не смотрите на меня: я боюсь, что вы будете меня изучать, а потом опишите.

Щедрин успокоил её:

— Для вас я безопасен.

А потом шепнул соседке, сидевшей по другую сторону от него:

— Таких и изучать не надо: их глупость видна с первого взгляда.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЕЖЕДНЕВНО ОБЕДАЮЩЕГО

После 25-ти летнего юбилея со дня выхода в свет «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина студенты Н-ского университета ежегодно отмечали этот день товарищеским обедом. На очередном собрании их кто-то предложил послать талантливому сатирику студенческое при-

ветствие и поздравление. Эту идею приняли единодушно. Немедленно составили телеграмму с подходящим текстом и общей подписью: «Ежегодно обедающие студенты».

Спустя два часа от Щедрина пришёл ответ: «Благодарю. Ежедневно обедающий Щедрин».

ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) в годы ссылки в далеком Забайкалье нередко участвовал в чтениях, проводившихся в камерах заключенных. Он обычно приходил с толстой тетрадью, раскрывал ее и читал свои новые повести с массой действующих лиц и приключений, с отступлениями научного характера.

Все читанное им было совершенно в стилистическом отношении. Автор читал спокойно, плавно, внимательно глядя в тетрадь и переворачивая ее страницы. Один из слушателей, заглянув через плечо чтеца, увидел, что в тетради не было написано ни единого слова! Николай Гаврилович добродушно мистифицировал слушателей изумительными импровизациями.

СЛЕЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Софья Андреевна Толстая рассказывала, что Лев Николаевич Толстой (1828–1910) во время работы над эпопеей «Война и мир» однажды вышел из своего кабинета весь в слезах. Его спросили:

— Что случилось?!

Махнув рукой, он досадливо ответил:

— Да что вы понимаете?.. У меня только что умер князь Болконский...

СТАРИК В ТУЛУПЕ

Как-то в редакцию журнала «Русская мысль» зашел старик в тулупе и меховой шапке и подал секретарю рукопись рассказа крестьянского писателя Сергея Терентьевича Семенова. Секретарь обещал ответ недели через две.

В назначенное время старик явился в редакцию, секретарь попросил его подождать, а сам ушел в кабинет редактора, откуда доносился оживленный разговор.

Беллетристику в «Русской мысли» вел тогда Александр Михайлович Ремизов. Секретарь доложил ему, что старик пришел за ответом о рассказе Семенова.

— Да, да... Я прочитал. Пусть подождет. Сейчас я выйду.

Прошло часа полтора. Разговор в кабинете редактора продолжался. Секретарь напомнил:

— Этот старичок дожидается.

— Да, да. Сейчас приду, — сказал Ремизов.

Прошло еще немного времени. Секретарь в третий раз напомнил о старике. Ремизов схватил рукопись и вышел:

— Где этот старичок?

Старик поднялся с дивана.

— Это вы — Семенов? Мы прочитали рассказ.

Ремизов внимательно взглянул на старика и онемел: перед ним стоял сам Лев Николаевич Толстой! Это он два с лишком часа покорно сидел в углу, ожидая приема у редактора, чтобы просить о напечатании рассказа Семенова.

Жалея растерявшегося редактора, Лев Николаевич виновато сказал:

— Да нет, ничего... Я тут отдыхал...

КРЫСЫ СТРАШНЕЕ ПУЛЬ

Лев Николаевич Толстой ужасно боялся крыс. Во время Крымской войны, сидя в ложементх, он один раз увидел крысу и, спасаясь от нее, выскочил наружу и побежал на бастион под ураганным огнем неприятеля.

«ПОГОДИ, ДУШЕЧКА, РОЖАТЬ»

В жизни Льва Николаевича Толстого число 28-е имело как бы фатальное значение. Великий писатель родился 28-го августа 1828 года. Старший сын его, Сергей Львович, родился тоже 28-го числа.

27-го ночью приспело время Софье Андреевне родить этого сына. Лев Николаевич приходил к роженице и уговаривал ее:

— Погоди, душечка, рожать: еще нет 28-го!

А в 4 часа утра 28-го Софья Андреевна благополучно разрешилась от бремени.

ПОШУТИЛИ

Лев Николаевич Толстой любил иногда пошутить. Однажды в большом зале-столовой Ясной Поляны собрались к обеду многочисленные гости и члены семьи Толстого. Только где-то замешкалась старая графиня. Лев Николаевич вдруг предложил:

— Давайте удивим Софью Андреевну: спрячемся все под стол.

И сам первым полез туда. За ним и все прочие. Длинная и широкая скатерть скрыла их.

Вошла в зал графиня и удивилась: никого нет! Вскрикнула:

— Где же Лев Николаевич и все остальные?!
Шутники со смехом вылезли из под стола.

ВЕРХОМ НА ДЯДЕ СТЁПЕ

Шурин Л.Н. Толстого, Степан Андреевич Берс, был здоровенным детиной. Лев Николаевич, уже пожилой, нередко, подойдя к «дяде Стёпе» сзади, моментально вскакивал ему на плечи, и тот с удовольствием катал писателя рысцой по комнате.

УРОД

Пословица «яблоко от яблони недалеко катится» не всегда верна. Недаром народная мудрость противопоставила ей другую: «В семье не без урода».

В семье Льва Николаевича Толстого моральным и политическим уродом был сын писателя Андрей Львович — развратник, кутила, сноб, прожигатель жизни, махровый черносотенец.

Не раз он цинично уверял:

— Если бы я не был сыном своего отца, я бы его повесил.

Это ужасное высказывание подтверждает в своих воспоминаниях последний секретарь Льва Николаевича — Валентин Федорович Булгаков.

ПОЧЕТ ГЕНИЮ

В 1884 году Л.Н. Толстой посетил своего друга, великого художника Николая Николаевича Ге, в его доме на хуторе

Плиски, вблизи Ивангорода Черниговской губернии. Однажды, обозревая окрестные сёла, Лев Николаевич зашел в школу. С разрешения учителя посидел в классе, послушал урок. Потом тихо, незаметно ушёл.

Учитель, поздно догадавшись, что посетитель был Лев Толстой, вместе с учениками пустился догонять писателя, но тот где-то исчез. Как в землю провалился! Вернувшись в класс, учитель и его питомцы целовали стул, на котором сидел Лев Николаевич.

Узнав об этом случае, Н.Н. Ге восторженно говорил многим:

— Вот так любят и чтят гения простые сердца!

КАЗНЬ КОМАРА

На одном обеде у Льва Николаевича Толстого рядом с хозяином сидел его друг — Чертков. Обедали на террасе. Было жарко. Комары носились в воздухе, пищали, жалили лица, руки и ноги обедающих.

Шла веселая застольная беседа, все остряли, шутили, смеялись. Вдруг Лев Николаевич взглянул на Черткова и шлепнул по его лысине: это он казнил комара, от которого осталось кровавое пятнышко.

Чертков нахмурил брови и укоризненно посмотрел на Толстого:

— Что вы наделали, Лев Николаевич?! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно!

Лев Николаевич смутился. Веселье стихло.

ОТКРОВЕННОСТЬ

Антон Павлович Чехов посетил Льва Николаевича Толстого в Гаспре. Они беседовали о многом. На прощанье Чехов подал Толстому руку. Тот задержал ее и сказал:

— Поцелуйте меня!

И сам поцеловал Антона Павловича. А затем сунулся к его уху и энергичной старческой скороговоркой изъяснился:

— А всё-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы — еще хуже.

РАЗГОВОР НА ВЫСОКУЮ ТЕМУ

Сын Л.Н. Толстого Илья Львович привез к отцу своего приятеля фотографа Протасевича. Думая, что с великим писателем-философом надо вести разговор на высокие темы, фотограф спросил:

— Скажите, Лев Николаевич, есть Бог или нет?

Толстой помолчал, а потом, улыбаясь, заговорил:

— Вы видели когда-нибудь микроскоп?

— Видел.

— И что же вы в нем видели?

— Видел в капле воды инфузории.

— Что, если бы одну из этих козявок спросили, есть в Калуге фотограф Протасевич, что бы она на это ответила?

КАК ТОЛСТОЙ ЕЛ ЧЕРВЕЙ

Однажды Л.Н. Толстой с некоторыми членами своей семьи отправился на рыбную ловлю. В одной руке он нёс краюшку черного хлеба, а в другой дождевых червей. Почувствовав голод, он съел краюшку, а потом, глубоко заду-

мавшись о чём-то, машинально кинул в рот червей и стал жевать их, недоумевая в течение нескольких минут, какую гадость он ел.

Позже, вспоминая об этом, Лев Николаевич говорил гостям:

— Я как сейчас помню их вкус... Вкус землистый... Впрочем, не советую пробовать!

ЗАГАДОЧНЫЕ ФАКТЫ

Поразительно, что многие знаменитые писатели дают о других авторах-классиках крайне дурные отзывы.

И.С. Тургенев рассказывал Льву Толстому:

— Раз у Виардо были гости и должен был приехать Жюль Верн. Все с нетерпением его ждали. И представьте, это оказался самый глупый человек во Франции!

Известно, что сам Лев Николаевич ни во что не ставил Шекспира и других корифеев художественной литературы. Так о Жорж Занд он судил:

— Отвратительная женщина! Я не понимаю ее успеха.

Толстому возразила его сестра — Мария Николаевна:

— Нет, у нее есть хорошие вещи. Вот, например, «Консуэло».

При этом имени Лев Николаевич сделал брезгливую гримасу:

— Нет, нехорошо. Всё фальшиво, дурно, скучно... Я никогда не мог читать.

САМОИСТЯЗАНИЕ

Софья Андреевна Толстая, узнав утром 28 октября 1910 года о бегстве Льва Николаевича из Ясной Поляны, дважды

пыталась утопиться в пруду. А когда ее вытащили из него, она от горя рыдала весь день, била себя в грудь молотком, тяжелым пресс-папье, колола свое тело ножами и ножницами, несколько раз порывалась выпрыгнуть из окна.

НЕУТОМИМЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬ

Флорентий Федорович Павленков (1839–1900) получил военное образование в кадетских корпусах и Михайловской артиллерийской академии. В студенческие годы увлекся идеями декабристов, революционных демократов-шестидесятников. В военном ведомстве прослужил около 5 лет. В 1866 году вышел в отставку и всю свою дальнейшую жизнь посвятил народному просвещению.

За 35 лет издательской деятельности Флорентий Федорович выпустил 750 прекрасных книг (тиражом более 3,5 млн.), в том числе 200 биографий выдающихся людей, отечественных и зарубежных, чем положил начало серии «ЖЗЛ», по предложению А.М. Горького продолженной в наше время.

В издательстве Павленкова впервые в России увидели свет «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, сочинения В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Д.И. Писарева. За революционность содержания некоторые издания Павленкова были сожжены царскими са-трапами, а сам он более 10 лет просидел в крепости, тюрьме и ссылке.

Несколько десятков лет кряду Флорентий Федорович неустанно трудился над созданием знаменитого однотомного Энциклопедического словаря, вышедшего 7 раз. Это «любимое детище» автора было в России досель невидан-

ной маленькой народной энциклопедией, проникнутой духом протеста против самодержавно-помещичьего строя.

Цены своим изданиям Ф.Ф. Павленков довел до предельной дешевизны. Например, его «Наглядная азбука для самообучения грамоте» стоила одну копейку. Так она и называлась: «Азбука-копейка».

Все доходы от своего предприятия Павленков завещал отдать на организацию 2000 сельских библиотек.

Похоронили Флорентия Федоровича в Петербурге, на Волковом кладбище. На одной стороне памятника на его могиле выгравирована надпись: «ФИЗИКА — А. ГАНУ», а на другой — «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ», т.е. названия первой и последней книг, изданных истовым ревнителем народного просвещения.

УМНЫЙ КОТОФЕИЧ

Литературный критик, публицист, социолог и философ Николай Константинович Михайловский (1842–1904) очень любил своего большого пушистого серого кота.

Когда писатель работал, около него неизменно сидел этот Котофеич и мурлыкал длинную успокоительную песню. И прерывал он её лишь тогда, когда Николай Константинович клал перо.

ВЫШЕЛ, ПОМОЛЧАЛ И ВЕРНУЛСЯ

Писатель Глеб Иванович Успенский (1843–1902) до конца жизни не мог преодолеть застенчивости. Друзья с трудом уговорили его однажды выступить с ними на благотворительном литературном вечере. Он согласился прочесть свой новый очерк.

Когда подошла его очередь читать, он вышел на сцену, глянул в переполненный публикой зал — и обомлел от страха. Постоял, постоял молча, повернулся и ушёл за кулисы.

«СВЕЩА»

Известный юрист, поборник суда правого в дореволюционной России, почетный академик, сенатор, писатель, непревзойденный оратор Анатолий Федорович Кони (1844–1927) чистосердечно принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

В годы голода и разрухи он, престарелый и больной, прочел в аудиториях Ленинграда около тысячи лекций. Люди разных чинов, званий и возрастов слушали его чтения с затаенным дыханием.

По просьбе студентов Наркомпрос предоставил ему лошадь, бричку и кучера. Кучер, прослушав одну лекцию Анатолия Федоровича, потом аккуратно посещал все лекции. И простодушно выразил ему свое восхищение:

— Ты, брат, вижу, **свеща!** (свеча — *А.Т.*)...

В 1921 году, в день рождения А.Ф. Кони, слушатели поднесли ему самый драгоценный тогда подарок — белый хлеб. Растроганный лектор сказал:

— Эта награда — лучшая из всех, полученных за всю мою жизнь.

«КАПИТАЛ» МАРКСА В ТЮРЬМЕ

В тюрьму, где сидел В.Г. Короленко (1853–1921), политическим заключенным принесли передачу — книги, среди которых был и «Капитал» Карла Маркса. Строгий смотритель тюрьмы вначале не хотел пропускать эту толстую

книгу. Но арестанты убедили тюремщика, что это самая поучительная книга для тех, кто хочет нажить капитал. Тогда страж узилища похвалил книгу, и она беспрепятственно попала к заключенным.

ЗЛАТОУСТ ОБМИШУЛИЛСЯ!

В «Истории моего современника» В.Г. Короленко между прочим рассказал, как тюремный священник, любитель красноречия, произнес перед уголовными арестантами слово по случаю неудачного покушения революционера Соловьева на Александра II.

«При этом, — писал Владимир Галактионович, — с тюремным священником произошло неприятное ораторское приключение. Выйдя на амвон, чтобы объяснить повод благодарственного молебна, вперед настроившись на патетический лад, он начал громко и в приподнятом тоне:

— Дорогие братья! Вот и еще одно священное покушение на злодейскую особу его императорского величества...»

ВОРОНА-КОРОНА-КОРОВА

Владимир Галактионович Короленко рассказывал В.В. Вересаеву:

— В одной одесской газете в описании коронации Николая II было напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества **ворону**».

В следующем выпуске газеты появилась заметка: «В предыдущем номере нашей газеты, в отчёте о священном короновании их императорских высочеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка. Напечатано: «Митро-

полит возложил на голову его императорского величества **ворону**», читай: **«корову»**.

СПАСАЯСЬ ОТ ФОТОГРАФОВ

Владимир Галактионович Короленко не любил сниматься, фотографы охотились за ним. Одному из них повезло: он застигнул «жертву» в узком переулке, нацелил фотоаппарат и хотел уже щёлкнуть, но Короленко мгновенно закрыл портфелем лицо и пышную бороду. А затем шмыгнул в боковую калитку.

БАБЬЕ «ОТКРЫТИЕ»

За участие в революционном движении Владимир Галактионович Короленко сначала был сослан в Берёзовые Починки (Починки — отдельные дворы или маленькие посёлки, расположенные в 2-5 верстах один от другого. — *А.Т.*) обширной Бисеровской волости, на границе Глазовского и Чердынского уездов. Писатель жил в курной избе крестьянина Гаврилы Бисерова.

Такой лесной и болотистой глухомани, как Березовские Починки, он не видел даже в таёжной Сибири. Все починковцы были дикими людьми. За отсутствием в их местности летних проезжих дорог — они не знали телег, а для перевозки «лопоти» (вещей. — *А.Т.*) запрягали лошадей в «лодью» и волоком добирались до ближайшей реки. Затем отпускали лошадь и плыли дальше. Если же надо было следовать еще дальше по суше, они ловили любую лошадь и впрягали её в «лодью».

Самые нелепые суеверия владели умами всех починковцев...

В пяти верстах от жилья В.Г. Короленко, в другом починке, отбывал наказание политический, фабричный рабочий Федот Лазарев, сосланный за забастовку. Это был высокий красавец, косая сажень в плечах, в сапогах с бураками, в поддёвке из тонкого сукна со сборами и в узорной косоворотке. Подобного франта обитатели лесных дебрей не выдвали отроду. Баб разбирало неуёмное любопытство: да мужик ли он?! И вот однажды на сенокосе, сговорившись, он накинулись на Федота, «повалили на сено... и... произвели насильственное освидетельствование с целью убедиться, что он — такой же человек, как и ихние мужики». Этот случай подтвердил Владимиру Галактионович и сам Лазарев.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ

Профессор русской литературы, главный редактор журнала «Мир божий» Ф.Д. Батюшков не выносил неприличных слов. На произведение Брешко-Брешковского «Опереточные тайны» А.И. Куприн написал рецензию, в которой употребил поговорку «Чёрного кобеля не отмоешь добела». Фёдор Дмитриевич нашёл, что слово «кобель» в солидном журнале недопустимо. Исправил фразу так: «Чёрного ... не отмоешь добела».

Рассказал об этом В.Г. Короленко. Тот рассмеялся:

— На Фёдора Дмитриевича это похоже. Он иногда уподобляется питомицам института благородных девиц. Когда у меня было расстройство желудка, один наш близкий знакомый спросил, что со мной. Федор Дмитриевич решил, что слово «живот» произносить неприлично и сказал: «У Владимира Галактионовича болит «Ж»!»

ВЕЗДЕСУЩИЙ РЕПОРТЕР

Владимир Алексеевич Гиляровский (1853–1935) более полувека находился на гребне русской литературной и общественно-политической жизни. Кого он только не знал из своих современников, где он только не бывал, каких только случаев с ним не приключалось.

Всюду его появление приносило свет, радость и бескорыстную помощь. Если бы кто-нибудь даже протокольно описал жизнь этого богатыря, жизнелюба, весельчака, мудреца, певца и защитника униженных и оскорбленных, — то вышло бы захватывающее повествование.

ВРЕДНЫЕ ХИМИКАЛИИ

На спичечной фабрике в районе Егорьевска и Гуслиц в производстве применялись весьма вредные химикалии, от которых у рабочих выпадали зубы, кровоточили десна, раздражалась кожа. Многие рабочие погибли. После разоблачительной статьи Гиляровского в «Русских ведомостях» спичечное производство в этом районе закрыли.

СОЖЖЕНИЕ КНИГИ «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ»

В.А. Гиляровского прозвали «королем репортеров». Изучив досконально быт тех, кто оказался на дне общества, он нарисовал их в книге «Трущобные люди». Книга звала к уничтожению несправедливого общественного порядка. В ней рассказывалось об ужасах эксплуататорского самодержавно-капиталистического строя, обрекавшего на унижения и нищету миллионы одаренных людей.

По распоряжению царской цензуры весь тираж этой книги был сожжен до выхода в свет. Но рабочие типографии, где она печаталась, кое-как собрали из бракованных листов один экземпляр и поднесли автору. Гиляровский написал на нем: «Первый и последний экземпляр».

ВЫСТАВКА «ОСЛИНЫЙ ХВОСТ»

Будучи убежденным реалистом в искусстве, Владимир Алексеевич Гиляровский не терпел декадентов. На московской художественной выставке «Ослиный хвост» его особенно возмутила картина «Голубое в зеленом». В ней ничего нельзя было понять.

Воспользовавшись малым количеством посетителей, Гиляровский взобрался на стул и быстро перевесил картину вниз изображением. В таком положении она висела до закрытия выставки. И никто не обратил на это внимания.

ХИТРЫЙ ЭКСИЛИБРИС

Владимир Алексеевич Гиляровский сильно огорчился, когда ему не возвращали книги, взятые для прочтения. Чтобы избавиться от этой беды, он на каждой своей книге поставил экслибрис: «Эта книга украдена из библиотеки В.А. Гиляровского». Надпись помогла: книги возвращались.

ЭКСПРОМТЫ

В.А. Гиляровский был наделен от природы искрометным остроумием. Сидя в приятельском кругу, он исписывал экспромтами все скатерти. На одной вечеринке друзья

предложили сочинить на слова **урядник** и **море** экспромт. Немного подумав, Владимир Алексеевич продекламировал:

*Синее море, волнуясь, шумит,
У синего моря урядник стоит,
И злоба урядника гложет,
Что шума унять он не может.*

Широкую известность получил экспромт Гиляровского, сочиненный по поводу первого представления драмы Л.Н. Толстого «Власть тьмы»:

*В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.*

По случаю открытия в Москве памятника Н.В. Гоголю состоялся большой литературный вечер. Кто-то предложил провести конкурс на лучший экспромт о памятниках Пушкину и Гоголю. Победил, конечно, Гиляровский, тут же сочинив:

*Гоголь, сгорбившись сидит,
Пушкин Гоголем глядит.*

ДВЕ КОЧЕРГИ ДЯДИ ГИЛЯЯ

В.А. Гиляровский как-то схватил печную кочергу и, как верёвку, завязал её в узел. По совету А.П. Чехова, эту кочергу повесили на крышке отдушины голландской печки, чтобы многочисленные посетители квартиры Гиляя видели физическую мощь хозяина.

Сделал Владимир Алексеевич узел и из второй кочерги. Кто-то из членов семьи упрекнул силача в том, что он портит хозяйственные вещи. Гиляй тут же развязал узел, придав кочерге нормальный вид. Эта кочерга стояла «на память» в передней квартиры писателя, возле жёлтого дивана, на котором любил сидеть Л.Н. Толстой, часто навещавший Гиляровского.

СИЛАЧ

Иногда Владимир Алексеевич любил повеселить друзей, показывая им свою богатырскую силу. В доме А.П. Чехова в Мелихове он, бывало, посадит в тачку хозяина и еще кого-нибудь из мужчин — и возит их по аллее.

В гостях, сидя за столом, он скручивал винтом обеденную или чайную ложку, сгибал пополам двугривенный.

Довольно полный и тяжеловесный В.М. Дорошевич (1864–1922) сидел в редакции «Русского слова» и работал. И вдруг поднялся в воздух вместе с креслом.

— Не бойся! — успокоил его шутник, поставил кресло на место и представился: — Гиляровский.

ЗАПОНКИ ЧЕХОВА

Писатель Н.И. Морозов дал Гиляровскому на отзыв свой рассказ «Чернильная команда». Произведение было одобрено и послано в альманах, который редактировал А.В. Амфитеатров. Владимир Алексеевич радовался за своего друга и подарил ему драгоценные запонки для манжет. Эти запонки походили на большие перламутровые пуговицы, к которым были прикреплены платиновые диски с выгравированным на них портретом Антона Павловича Чехова.

— Эти запонки, сказал Гиляровский Морозову, — незадолго до своей смерти подарил мне Антоша Чехов, а я дарю их тебе за твои литературные достижения. Желаю тебе успеха.

СОЛЕННЫЙ АРБУЗ

Чехов (1860–1904) и Гиляровский ехали на извозчике по Страстной площади в Москве. Около овощного магазина остановились, купили соленый арбуз.

От держания арбуза на холоде у Чехова замерзли руки. Гиляровский предложил бросить арбуз.

— Зачем бросать? — возразил Антон Павлович. — Вот городской стоит, отдай ему, он съест.

Гиляровский поманил к себе пальцем городского:

— На, держи, только остор...

Чехов, перебивая Гиляровского, трагическим шепотом предупредил городского:

— Осторожно, это бомба... Неси ее в участок.

— Да не урони, гляди, — добавил Гиляровский.

— Понимаю, вашевскородие.

От страха у городского стучали зубы...

На следующий день «шутники» узнали, что их «бомба» произвела в участке целый переполох. Чиновники, боясь взрыва, разбежались. Собралась толпа. Явились агенты охранного отделения. Вызвали офицера-специалиста по взрывчатым снарядам. Общий страх был понятен: ведь тогда террористы часто делали покушения на слуг самодержавия...

Но вот во двор полицейского участка въехали пожарные. Им сообщили о причине паники. Старик-брандмейстер бросился к «бомбе». Через минуту он вышел к публике, обо-

рвал остатки мокрой бумаги с соленого арбуза и понес его к себе домой. Ел и похваливал:

— Наш, донской, полосатый... Давно такого не едал...

«НОВОЯВЛЕННАЯ ЗВЕЗДА»

Писатель и журналист Николай Александрович Лейкин издавал с 1880 года юмористический журнал «Осколки». Желая склонить к сотрудничеству А.П. Чехова, он похвалился ему, что в этот журнал недавно прислал замечательный рассказ молодой, еще неизвестный, но очень даровитый юморист, и что он, Лейкин, пригласил его для личных переговоров. А.П. Чехов попросил Лейкина дать ему прочесть хваленого юмориста. Оказалось, что это был добросовестно переписанный ранее опубликованный рассказ Антона Павловича! Под рукописью стояла никому неизвестная фамилия...

УБИЙСТВЕННАЯ РЕПЛИКА

Какой-то горе-литератор напечатал про Антона Павловича Чехова пасквильные стишки, назвав его в них ветеринарным врачом. Писатель ответил ему кратко: «Но я не имел чести лечить вас».

ОПЯТЬ БРЮКИ НЕ ЗАСТЁГНУТЫ

А.П. Чехов органически не выносил напыщенности, высокопарности, фальши.

Когда он гостил в уральском имении миллионера Саввы Морозова, был день его именин. Управляющий имени-

ем, толстенный и суетливый дядя Костя, задумал пышно отметить это событие. Он собрал целую компанию и с ней направился к Чехову. Задыхаясь от волнения и обливаясь потом, стал читать перед писателем высокопарный адрес. Чехов медленно поднялся, взял из рук управляющего папку с адресом и сказал так просто, по-будничному:

— Константин Иванович, а у вас опять брюки не застёгнуты!

Дядя Костя, прикрыв ладонями живот, аж присел от испуга. Все присутствующие разразились хохотом.

РЕДКИЙ ПРИМЕР

Пьесы «Чайка» А.П. Чехова и «Цена жизни» В.И. Немировича-Данченко были одновременно представлены на соискание Грибоедовской премии. Её присудили «Цене жизни», но автор считал это решение судей несправедливым и просил отдать премию Чехову. Жюри отклонило просьбу Владимира Ивановича, но она являет собой редкий пример благородства, объективности и самоотречения в оценке художественных произведений.

УРОК, ПРЕПОДАННЫЙ НА БОКАХ

Поэт Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) беззастенчиво хвастался знанием многих иностранных языков. Но владел ими очень плохо. И оттого не раз попадал впросак. А в Париже его даже лупили за незнание французского языка. Было это так.

Он шёл с дамой позади двух полицейских и громко укорял её:

— Ваш хитрый взор, ваш лукавый ум!..

Полицейские подумали, что это он про них орёт.

Французское слово «ваш» означает «корову». Оно — самая оскорбительная для полицейских кличка, подобная русской кличке «фараон».

И парижские блюстители порядка преподали Бальмонту на его боках памятный урок французского языка!..

ЗАДИРА

Поэт К.Д. Бальмонт был фанфароном и задирой. За это ему доставалось на орехи. В Одессе он пошёл купаться с Буниным и Фёдоровым. Писатели разделись и зашагали к воде. Навстречу им шёл огромного рода босяк. Бальмонту взбрело в голову гаркнуть ему:

— Дикарь! Я вызываю тебя на бой!

Босяк смерил забияку мрачным взглядом, сгрёб его в охапку и, как щенка, швырнул в колючие прибрежные заросли. Наш рыцарь печального образа вылез оттуда весь окровавленный!

СВЁРТОК ВЕРЕСАЕВА

Грянула Великая Отечественная война...

Вместе с другими коллегами писатель Марк Ефетов в то время находился в Малеевке, в Дома творчества литераторов. Прослушав по радио заявление Советского правительства, писатели поехали из Малеевки в Москву.

У Никитских ворот Ефетов случайно встретил Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945). Бледный и растерянный он держал под мышкой большой свёрток и жаловался:

— Не знаю, что и делать, Марк Семёнович... Вот полдня ношу, нигде не берут... Не могу придумать, куда отдать...

— Что это? — заинтересовался Ефетов, взвешивая на руке тяжелый свёрток.

— Здесь всё наше серебро... Семейное... Хочу отдать государству... Подумайте: началась такая война!..

По совету Ефетова, серебро было сдано Госбанку на Неглиной.

ЛЕКЦИЯ ГОРЬКОГО О ТОЛСТОМ

Алексей Максимович Горький (1868–1936) в 1920 году в Аничковом дворце в Петрограде читал лекцию о Толстом. Резко обличал он ошибки Льва Николаевича. Но когда дошел до рассказа о смерти великого писателя, не мог произнести слов: «Толстой умер», — только беззвучно шевелил губами и плакал. Удалился в артистическую. Стоя у окна, тербил папиросу и плакал. Публика несколько минут молчаливо ожидала его возвращения на кафедру.

«ДЕРЕВЯННЫЙ АЛЬБОМ»

А.И. Куприн (1870–1938) завел у себя дома «деревянный альбом» — простой березовый некрашенный стол. На нем литераторы-гости записывали по несколько строк: экспромты, шутки, остроты.

Весь исписанный «деревянный альбом» Куприн взвалил на спину и отнес одному любителю русской литературы. Это был драгоценный подарок имениннику.

«Деревянный альбом» А.И. Куприна ныне хранится в Пушкинском доме.

КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПОЕДИНОК»

В творческой истории романа А.И. Куприна «Поединок» благотворительную роль сыграла жена автора Мария Карловна. Писатель всегда считался с ее мнением о литературе.

Когда они поженились, «Поединок» был только начат. Писатель затягивал работу над ним. Тогда жена поставила ему ультиматум:

— Переезжай на другую квартиру. Я тебе не жена до тех пор, пока ты не окончишь «Поединка».

Покорный муж снял себе комнатку на другой улице и стал усиленно писать продолжение романа. Закончив очередную главу, он стремглав неся на квартиру Марии Карловны. Она приоткрывала дверь, брала просунутую рукопись, прочитывала ее и лишь после этого впускала Александра Ивановича.

А один раз он обманул-таки ее: подсунил старый отрывок, который она уже читала. Обман был обнаружен. И с того дня Мария Карловна с особым вниманием вчитывалась в каждое слово, чтобы не опростоволоситься.

Эту историю супруги рассказали своим друзьям только тогда, когда «Поединок» был опубликован.

ОКРАШЕННЫЙ ЖЕНИХ

Александр Иванович Куприн был охоч до саркастических шуток. Иногда его издевки носили характер политической мести царским чиновникам.

Ему давно и хорошо был известен один смотритель одесской тюрьмы — оголтелый черносотенец и погромщик. Состарившись, этот седой развратник приехал в декабре 1905 года в Петербург.

А.И. Куприн, жадно и подолгу наблюдавший человеческое отребье, встретился с ловеласом в кабачке. Выпили. Разболтались. Мужичок поведал писателю тайну, что намерен в столице жениться, но стыдится своей седины. Александр Иванович порекомендовал ему чудодейственное заграничное средство для окраски волос в черный цвет. И повёл обрадованного селадона в номер гостиницы. Здесь Куприн достал из под дивана жестяную банку с вонючей зелёной масляной краской. Сунул в неё малярную кисть и обмазал голову тюремщика. Тот, взглянув в зеркало, взревел:

— Зелёная!!

— Ничего — через час почернеет, — успокоил его «косметолог».

Опьяневший старик крепко заснул, а ночью завопил от боли: высохшая краска стягивала кожу на его голове. Побежал «жених» в парикмахерскую, но там отказались брить его. Краску едва смыли керосином и только потом побрили одесского гостя. Но тут выяснилась новая беда: вся голая голова тюремщика оказалась покрытой безобразными пятнами! Куприн злорадно смеялся:

— Ну, что ж! Поздравляю! Настоящий глобус — Австралия! Новая Гвинея! Италия!

Обезображенный «жених» дал тягу. Александр Иванович вслед ему крикнул:

— Сволочь! Полицейская гнида!

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

В поисках интересных человеческих типов и острых впечатлений Александр Иванович Куприн взял себе помощника и собутыльника — Маныча, мрачного, молчаливого верзилу. Он неотлучно сопровождал своего патрона.

В то время в «высших сферах» Петербурга свирепствовала эпидемия спиритизма. Александр Иванович, желая подурочить знакомых, страдавших этим суеверием, объявил себя гипнотизёром и медиумом. Он уверял простофиль, что легко может, по желанию публики, вызвать дух любого покойника.

Маныч был его ассистентом в «астрально-спиритическом сеансе», проведенном в квартире писателя А.И. Свирского.

Голоса вызванных духов передавал Маныч. Этих голосов было так много, что имитатор их в конце сеанса охрип и едва сипел. Но авантюра была выполнена столь артистично, что поэтесса Изабелла Гриневская и другие гости этого дома искренне поверили в происходившее.

ИНТЕРВЬЮ В БАНЕ

Один надоедливый одесский репортер спросил у Куприна:

— Где я мог бы взять у вас интервью?

— Приходите сегодня же в Центральные бани... Не позже половины седьмого.

Встреча состоялась. Голый писатель изложил голому же репортёру свои литературные взгляды и планы. После собеседники похвостали друг друга намыленным веником...

Приятель спросил потом у Куприна:

— И как тебе в голову пришла такая дикая мысль?!

Писатель засмеялся:

— Почему же дикая? Ведь у репортёра были такие грязные ногти и уши, что я воспользовался редкой возможностью снять с него копоть и пыль!

ДУРАК!

Писатели А.И. Куприн и С.Н. Сергеев-Ценский впервые встретились в Алуште. Встреча произошла при весьма комических обстоятельствах. Жена Куприна Мария Карловна послала с мальчиком к Ценскому записку, в которой выражала свое и мужа желание познакомиться с ним.

Мальчик, увидев шедшего навстречу Сергея Николаевича, закричал Марии Карловне:

— Тётя, вот он сам идёт!

Прочитав записку, Ценский круто повернулся и зашагал обратно. Мария Карловна погналась за ним с криком:

— Сергей Николаевич!

А он ускорил шаги. Мария Карловна продолжала погоню. Наконец, устала, присела на низенький каменный заборчик и крикнула во весь голос:

— Дурак!

Ценский остановился, захохотал и стал медленно приближаться к Куприной.

— Почему вы бежали?! — спросила она.

— Почувствовал робость перед издательницей толстого журнала!

— Что за глупость! А как вы меня узнали?

— Догадался. Сейчас на набережной познакомился с Александром Ивановичем.

БУРНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ

Зимой 1906 года А.И. Куприн с женой жили в Петербурге. В один из декабрьских дней они пригласили к себе на обед гостей. Среди них был и С.Н. Сергеев-Ценский.

После обеда Куприн читал своего «Штабс-капитана Рыбникова». Ценскому рассказ показался незаконченным и он заметил:

— Это все равно, как если бы вы подали к столу только хвост или одну голову селёдки.

Куприн, не терпевший критики его произведений, сдёрнул со стола скатерть и бросил на пол всю сервировку.

ДИКАЯ ВЫХОДКА

А.И. Куприн недолюбливал пьесы Леонида Андреевна. Он не пошёл смотреть спектакль «Жизнь человека» в постановке МХАТа. Но его жена Мария Карловна видела эту постановку и восторгалась ею. Это взорвало Куприна. Он схватил со стола спички, чиркнул одну, дрожащей рукой прикурил и кинул огонёк жене на подол газового платья. Оно вспыхнуло...

У Александра Ивановича начались приступы неврастения...

КУПРИНСКИЕ ПАРОДИИ

Как-то в праздничный день 1906 года А.И. Куприн был особенно весел и написал три пародии, посвященные Бунину, Горькому и Скитальцу. Когда автор диктовал жене эти пародии, в комнату вошёл Илья Василевский, редактор газеты «Понедельник». Куприн предупредил его:

— Не мешай, сейчас кончим...

Прослушав все пародии, Василевский воскликнул:

— Вот видите, я предчувствовал, что мне нужно к вам зайти.

— Это шутки, — сказала Мария Карловна. — Александр Иванович не собирается печатать их.

Нет, почему же? — улыбался Куприн. — Сколько дадите? Двести рублей дадите?

— За штуку?

— Да.

И редактор выложил на стол 600 рублей.

Возьми, Маша, — сказал Александр Иванович жене. — Купишь себе разной хурды-мурды.

Так купринские пародии появились в газете «Понедельник».

ЗАРАБОТАННЫЙ ДВУГРИВЕННЫЙ

Мужиковатая внешность писателя Алексея Силыча Новикова-Прибоя (1877–1944) иногда бывала причиной смешных происшествий с ним. Об одном из них автор «Цусимы» рассказал автору этих строк.

Его пригласили выступить на литературном вечере. В прихожей не оказалась швейцара: куда-то отлучился. Писатель повесил своё пальто на крючок вешалки и стал приглаживать лысину. Вошедшая изящная дама сняла демисезон и небрежно кинула на руку Алексею Силычу, приняв его за швейцара. Он повесил его на крючок и выдал даме номерок. Она сунула ему двугривенный.

Подходят к вешалке другие посетители и тоже подают одежду писателю. Он покорно принимает ее, вешает и получает на чай. Явился швейцар и прогнал Силыча вон!

Начался вечер. Предоставили слово Новикову-Прибою. Подойдя к рампе, он увидел в первом ряду ту самую изящную даму, которая первой дала ему в прихожей двугривенный. Она узнала его и крайне смутилась. В перерыве под-

ходит к нему и просит извинить за оскорбление. Просит и возврата двугривенного. Алексей Силыч, смеясь, отвечает:

— Ничуть вы меня не оскорбили... А двугривенный не отдам — я его заработал!

ДОКТОРСКАЯ МАНТИЯ

Корней Иванович Чуковский (1882–1969) имел обыкновение знакомиться со всеми пассажирами, с которыми ему приходилось ездить в вагонах, летать на самолетах, плавать на пароходах.

В 1962 году Оксфордский университет присвоил писателю ученую степень доктора филологии. Чуковский поехал в Англию за получением диплома, пурпурной докторской мантии и торжественного головного убора.

Возвращаясь из Лондона на самолете, он перезнакомился со всеми спутниками в салоне. Глубокой ночью взрослые пассажиры крепко спали. Не спала только одна маленькая девочка и Корней Иванович. Он разговорился с девочкой и, желая доставить ей радость, облачился в мантию и ну величественно расхаживать по салону. Девочка, глядя на него, восторженно ахала, заливалась смехом и хлопала в ладошки. Проснувшиеся пассажиры тоже с удивлением смотрели на высокого седого человека в пурпурной мантии и думали: уж не приведение ли?! Улыбались стюардессы, из-за занавески выглядывал смеющийся летчик.

А Корней Иванович продолжал расхаживать по салону, потешая свою маленькую спутницу.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ

К.И. Чуковский глубоко понял и полюбил поэзию только после изгнания его из гимназии. Бродя по улицам Одессы, за-

быв всё на свете, он громко декламировал, например, онегинские строки или монологи из трагедий Шекспира. Тогда за ним тянулась толпа жадных до зрелищ одесситов. Однажды полицейские едва не забрали его в сумасшедший дом...

СВАДЬБА БЕЗ ЦВЕТОВ

В 16-летнем возрасте К.И. Чуковский оставил семью, снял в Одессе комнатку и поселился в ней один. Терпел голод и прочие лишения холостяцкой жизни. Написал оригинальное философское сочинение, в котором блеснул знаниями английского языка и произведений Спенсера, Декарта и других властителей тогдашних дум прогрессивной интеллигенции. Редакция местной газеты заинтересовалась юным автором и напечатала фрагменты из его трактата.

После этого в газете часто появлялись его мелкие заметки и переводы. Тогда и произошло его бракосочетание с Марией Борисовной. И жених, и невеста были голы, как соколы. На их свадьбу пришли товарищи — журналисты. Они принесли много цветов. Выйдя из церкви, Корней Иванович ошарашил их:

— Что мне цветы? Мне деньги нужны!

И сняв шапку, пошел по кругу друзей собирать подачу. Получилась изрядная сумма. К тому же, Владимир Галактионович Короленко, ценя литературный талант Корнея Ивановича, значительно увеличил её.

На собранные деньги Чуковский впервые отправился в Англию.

ВСТРЕЧА ЗНАМЕНИТЫХ ЧУДАКОВ

Это было в редакции «Огонька». Перед редактором Ярцевым, спиной к двери, сидел К.И. Чуковский. Внезапно

распахнулась дверь и на пороге её появился И.Л. Андронников. Он мгновенно пал на колени и во весь голос воскликнул:

— Здравствуйте, свет вы наш батюшка Корней Иванович!

Чуковский обернулся, спустился со стула на колени. Отбивая поклоны, чудаки двинулись навстречу друг другу. Иракий, продолжая кланяться, скороговоркой произносил:

— Благодетель вы наш и учитель...

Видевшие эту сцену сотрудники редакции покатывались со смеху. Сблизившись, чудаки взаимно помогли встать и тут же серьёзно заговорили о своих больших делах: Чуковский — о Некрасове, Андронников — о Лермонтове.

МЕСТЬ ДИРЕКТОРУ

Приказ об изгнании К.И. Чуковского из Одесской гимназии был подписан директором её Бургмейстером.

Прошло много лет. Писатель Чуковский стал всемирной известностью и проживал в Куоккале. Туда к нему и явился Бургмейстер с просьбой о помощи в каком-то трудном деле. И они отправились в Петербург к высокому начальству. В пути их застигли мороз и буран. Сани опрокинулись в яму. Корней Иванович вылез из неё и стал было вытаскивать Бургмейстера. А потом вдруг вспомнил: «Он выгнал меня из гимназии. С какой стати я буду помогать ему».

И попал обратно домой один.

ХОРОВОЙ ОР

На одной из дач посёлка Переделкино проживал и известный учёный В.Ф. Асмус с женой. Корней Иванович

дружил с ними. Как-то в их тихую обитель привёл он З. Паперного.

В это время Асмусы занимались своим делом: муж исследовал книгу Канта, жена вышивала, а дети с соседскими ребятами бесшумно играли в уголке. Прямо с порога Корней Иванович гаркнул:

— Я вон кого вам привёл!

Асмусы радостно поздоровались с гостем. Чуковский подозвал одного мальчика и спросил его:

— Можешь громко крикнуть?

Мальчик, стесняясь, крикнул вполголоса. Корней Иванович засмеялся:

— А теперь послушай, как я умею кричать!

И рывкнул так, что, кажется, слышало всё Переделкино. Это задело маленького соперника и он, осмелев, так завопил, что хозяйка дома, Ариадна Борисовна, зажала уши! Вслед за ним и другие дети закричали:

— И я! И я! И я!

Чуковский выстроил их в ряд и велел кричать по очереди. А затем предложил:

— А ну все вместе со мной!

И небывалый **ор** разнёсся по всему посёлку!

РАДОСТЬ БЕЗМЕРНАЯ

К.И. Чуковский за свой счёт построил детскую библиотеку в Переделкине. В одной из её комнат нужно было чем-то покрыть пол. Писатель З. Паперный помог в этом. Он привёз вьетнамскую циновку как раз по размеру библиотечной комнаты. Родные Чуковского были обрадованы подарком. Явился Корней Иванович. Увидев расстеленную циновку, он пришёл в неистовый восторг, лёг на пол — и

давай кататься по нему, приговаривая что-то смешное. Накатавшись вволю, классик детской литературы, вскочил с пола легко, как юноша.

АФЕРА

Богатые русские белоэмигранты были уверены в скором падении большевиков. Мечтая о возвращении в Россию, они покупали разное имущество и даже имения других белоэмигрантов. Этой политической наивностью однажды ловко воспользовался и писатель Алексей Николаевич Толстой (1883–1945). Он пустился в авантюру: продал одному чудаку своё несуществующее имение за 18 тысяч франков. Покупатель спросил его:

— А где находится ваше имение?

Граф, не моргнув глазом, дал адрес:

— В Каширском уезде, при деревне Порточки...

И благополучно получил-таки деньги за мифическое имение.

ПОЧЕТНЫЙ СУМАСШЕДШИЙ

Писательница Л.Н Сейфуллина (1889–1954) вспоминала о встрече с А.М. Горьким. Она тогда спросила у него:

— Как ваше здоровье? Самочувствие?

— Что же, хорошо, всё хорошо. Я здоров, сыт и нос в табачке. Всюду избирают как почетного члена. Вот, например, вчера я посетил дом сумасшедших. Боюсь, что скоро меня объявят почётным сумасшедшим.

ВОПРОС ПО АДРЕСУ

Проживая в излюбленной Тарусе Калужской области, Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) пользовался широкой известностью в округе. Его посещали и многочисленные экскурсии, прибывавшие издалека. Среди посетителей нередко бывали и простые люди.

Однажды писатель потихоньку шел из бани, неся в руке чемоданчик с бельем. Навстречу ему попала группа, по-видимому, сельских паломников и спрашивает писателя:

— А где тут могила Паустовского?

Об этом случае Константин Георгиевич любил рассказывать своим друзьям.

ЖЕЛТАЯ КОФТА В. МАЯКОВСКОГО

В начале 1900-х годов в русском литературном мире много шумели о футуристах, которые удивляли читателей своими языковыми выкрутасами, поведением, экстравагантной одеждой. В своих лекциях о футуристах Чуковский бичевал их причуды. В схватку с критиком непременно встречал В.В. Маяковский (1894–1930). В пику благочинной публике поэт являлся на лекции и диспуты в ярко-желтой кофте.

Но публичные сражения не мешали противникам быть друзьями.

Летом 1913 года в Политехническом музее назначена очередная лекция Чуковского о футуризме. Маяковскому запретили выступать на диспуте в желтой кофте. Но Корней Иванович контрабандой пронес эту кофту в музей, а на лестнице передал Маяковскому. Поэт тайком натянул её на себя и эффектно прошествовал в зал, чтобы... клеймить того же Чуковского!

БИТВА ГИГАНТОВ ПОЭЗИИ

В ноябре 1920 года в Большой аудитории Политехнического музея проходил вечер-суд над российской литературой. Председательствовал Валерий Брюсов (1873–1924), доклад об имажинистах читал кто-то из представителей этого новомодного течения в искусстве. В зале началось движение, послышался шёпот: «Маяковский... Маяковский...».

Он остановился посередине одного из проходов и проорал:

— Внимание! Слушайте сенсационное заявление! Необычное происшествие в народном суде!!!

Аудитория затаила дыхание. Маяковский продолжал:

— Я сейчас из камеры народного суда: разбиралось необычное дело. Дети убили свою мать... Они оправдывались тем, что мать была большая дрянь — распутная и продажная. Но дело в том, что мать была всё же поэзия, а детки её — имажинисты.

Грянул оглушительный хохот. Сидящие на сцене имажинисты ринулись к Маяковскому, чтобы избить его. Но он отстранил их могучей рукой и принялся пародировать имажинистские стихи.

Председательский звонок не смог остановить расходившихся ратоборцев. На стол президиума взлетел Сергей Есенин (1895–1925), рванул на себе галстук, взъерошил припомаженные волосы и запальчиво бросил Маяковскому:

— Не мы, а вы убиваете поэзию! Вы пишете не стихи, а агитезы!

— А вы — кобылезы!!! — отрезал Маяковский.

Есенин начал звонко читать свои стихи, но их скоро заглушил потрясающий бас Маяковского. Взбаламученное

людское море постепенно затихло. Победа в поединке осталась за «агитатором-горланом»...

УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Молодая писательница, преподаватель Московского университета, Евдоксия Федоровна Никитина в 1914 году в своей квартире открыла для студентов кружок любителей прекрасного.

Вскоре к этому кружку примкнули многие выдающиеся писатели, художники, скульпторы, артисты, композиторы и деятели науки. Они собирались по субботам. Так возникли «Никитинские субботники», на которых живо обсуждалось все злободневное и интересное в мире науки и искусства, читались свои произведения.

Хозяйка гостеприимного дома заботливо собирала рукописи писателей, картины, скульптуры, шаржи, карикатуры, ноты и другие документы. За полвека в ее квартире образовалась огромная коллекция: 160 000 рукописных произведений литературы, 21 000 писательских биографий и автобиографий, 16 000 портретов, картин, карикатур, шаржей и скульптур.

Свою знаменитую коллекцию Евдоксия Федоровна в 1962 году подарила Литературному музею СССР.

II

«ЕЛЕНА»

Некоторые историки живописи уверяют, что созданный древнегреческим художником Зевксисом (конец 5 — начало 4 вв. до н.э.) портрет «Елена» изображал идеальную красоту молодой женщины.

Для написания этого портрета греческие колонисты из города Кротона в Калабрии пригласили к себе Зевксиса, находившегося тогда в Эфесе, оплатили все дорожные расходы, оказали царские почести. По его требованию собрали всех красивейших девушек Кротона, из которых художник отобрал пять натурщиц. С каждой из них он списывал определенную часть тела. Так был создан изумительный портрет...

Предметы, изображенные на картинах Зевксиса, казались настоящими. На кисть винограда даже слетались птицы, чтобы поклевать ее.

Все творения Зевксиса из Греции попали в Рим, а затем — в Константинополь, где впоследствии погибли в нескольких пожарах...

КАПРИЗНАЯ НАТУРЩИЦА

Портрет Моны Лизы (Джоконды) Леонардо да Винчи (1452–1519) писал долго и увлеченно. А чтобы нетерпели-

вая и капризная натурщица не скучала во время утомительных сеансов, он развлекал ее рассказами из своей богатой приключениями жизни, пел ей песни собственного сочинения, читал новеллы, загадывал загадки, приводил на сеансы известных певцов и музыкантов, шутов. И все это для того, чтобы вызвать на лице ее знаменитую улыбку.

«МОДЕЛЬ» ИУДЫ ИСКАРИОТА

Находясь на службе у правителя Милана — герцога Лодовико Моро, Леонардо да Винчи принял его предложение расписать одну из стен монастыря Санта Мария деле Грацие. Он задумал написать на стене картину «Тайная вечеря» по евангельской легенде, повествующей о том, как Иуда Искариот за 30 серебрянников предал своего учителя Христа. Леонардо лишил картину религиозного смысла, усилил идею протеста против предательства, лжи, лицемерия, которые царили в его время в общественно-политической жизни Италии.

Художник тщательно готовился к осуществлению его замысла, а настоятель монастыря неотступно требовал от него скорейшего окончания работы. И так он надоел Леонардо, что тот в отместку увековечил его на картине: нарисовал с него Иуду Искариота.

ВОПЛОЩЕННАЯ ГАРМОНИЯ

Леонардо да Винчи был редкостным красавцем и силачом. Он ломал подковы руками, мог остановить взбесившихся коней и той же рукой выписывал тончайшие рисунки женских головок и самые причудливые узоры растений. На скатерти, покрывающей стол в картине «Тайная вечеря», видны даже все ниточки ткани.

«НУ ПОЧЕМУ ТЫ НЕ РАЗГОВАРИВАЕШЬ?»

В Риме, в церкви Сан-Пьетро хранится скульптура Микеланджело (1475–1564) «Моисей». Зритель не в силах освободиться от иллюзии, что перед ним живой мудрый бородатый старик.

Гиды рассказывают:

— Окончив эту работу, Микеланджело посмотрел в глаза великана-мудреца и спросил: «Ну почему ты не разговариваешь?!» Но мраморная статуя молчала. И скульптор в сердцах швырнул резец, который ударившись о ступню статуи, оставил на ней метку.

Историки искусств сообщают, что для придания человеческим лицам в своих скульптурах волевых энергических черт Микеланджело бросал резец в мрамор...

УДИВЛЕНИЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Дожив до глубокой старости и почти ослепнув, Микеланджело часто приходил в Ватикан. Здесь он подолгу ощупывал хладяющей рукой статую «Аполлон Бельведерского», чтобы еще и еще раз удивиться искусству древнегреческого ваятеля Леохара (1 У век до н.э.), создавшего идеальный образ мужского тела.

МОГИЛА РАФАЭЛЯ

Недалеко от Венецианской площади Рима стоит величественное здание Пантеона — храма богов. Средневековые иезуиты убрали из него мраморные фигуры богов и поставили туда статую девы Марии.

Ныне Пантеон — усыпальница знаменитых людей Италии и церковь «Санта Мария ротонда».

Древний пантеон погиб от пожаров и землетрясений. Его восстановили в начале II-го века н.э.

В Пантеоне находится и могила Рафаэля (1483–1520). Надгробие изваял один из любимых учеников величайшего художника. В центре надгробия — статуя Богородицы, а рядом — в маленькой нише — бюст молодой красивой женщины, с которой Рафаэль писал Сикстинскую мадонну. Могила Рафаэля — святыня Италии.

ГИБЕЛЬ ШЕДЕВРОВ ЖИВОПИСИ

Апартаменты Римского папы Юлия II в Ватикане были расписаны великими мастерами кисти во главе с Перуджино. Рафаэлю досталось украсить стены залы Делла Синьяттура. Потолок в ней был уже расписан другими художниками.

Первая же работа Рафаэля так поразила папу, что он приказал счистить всю прежнюю роспись на потолке. Так погибли многие шедевры искусства.

РАФАЭЛЬ ПРЕВЗОШЕЛ САМОГО СЕБЯ

В творческом развитии Рафаэля добрую роль сыграл папа Лев X. Благодарный гений увековечил своего благодетеля, создав его портрет, в котором превзошел самого себя.

Папа был изображён настолько живо, что однажды канцлер Турини встал перед портретом на колени и подал ему перо и чернила для подписания буллы.

ЛЮБОВЬ ПО ПОРТРЕТУ

Немецкий живописец Ганс Гольбейн Младший (1497–1543) создал длинную галерею изумительных портретов, среди которых особенно блистал портрет Анны Клевской.

Английский король Генрих УШ восхищался изображенной красавицей, влюбился в неё и пожелал жениться на ней. Анна Клевская была приглашена во дворец. Но, увидев оригинал, король разочаровался в невесте и отослал её обратно. Так художественная правда резко разошлась с правдой действительной.

ТАК ТВОРИЛ ГЕНИЙ

Для правдивого изображения внешности людей и их внутреннего мира величайший голландский живописец Рембрандт (1606–1669) часто ходил по улицам в поисках характерных сцен и лиц. При этом он всегда носил с собой резец и дощечки, покрытые лаком. Встретив интересный объект, художник рисовал его на дощечке. Так начинался творческий процесс.

Но самым любопытным и постоянным натурщиком Рембрандта был он сам. Этот натурщик ничего не требовал и беспрекословно повиновался всем желаниям мастера.

Рембрандт изучал и писал свое лицо в моменты разных душевных состояний — радости, печали, тоски, уныния, гнева, восхищения, изумления, апатии и т.д.

Пожалуй, никто из прославленных живописцев не оставил миру столько чудесных автопортретов, сколько Рембрандт.

ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ

В Национальном музее города Стокгольма экспонируется грандиозное полотно Рембрандта «Заговор для Цивилиса», производящее на зрителей сильное впечатление.

Драматична судьба этого творения. Оно было создано в 1660–1661 г.г. для ратуши Амстердама. Высота его — 3 метра, ширина — 15 метров.

Членам ратуши, ограниченным бюргерам, картина не понравилась из-за ее сурового реализма. Они сняли ее со стены, разрезали на части и большинство из них распродали.

Разгневанный автор потребовал вернуть ему картину, но от нее остались лишь отдельные фрагменты.

ОСОБАЯ «БЛАГОДАРНОСТЬ» ИВАНА ГРОЗНОГО

В ознаменование победы над Казанским ханством Иван Грозный приказал воздвигнуть на Красной площади в Москве храм Василия Блаженного (Покровский собор). Авторами этого уникального сооружения мирового значения были русские самородки, неграмотные плотники Барма и Постник-Яковлев.

По преданию, царь по-особому «отблагодарил» гениальных зодчих: повелел выколоть им обоим глаза, чтобы эти мастера не могли создать второго храма, подобного Покровскому собору.

НАЕЗДНИК МЕЛИССИНО

Автору «Медного всадника» Этьенну Морису Фальконе (1716–1791) очень трудно давалось изображение коня, взвившегося на дыбы на обрывистой вершине скалы. От

личный наездник генерал Мелиссино предложил скульптору себя в натурщики. В течение многих дней он являлся в мастерскую художника верхом на коне и со всего разбега вскакивал на возвышение, похожее на гранитный «гром-камень» — пьедестал статуи Петра.

А голову всадника для монумента вылепила ученица Фальконе — Колло, ставшая впоследствии его женой.

В «ЭЛЛИНСКОЙ ШКОЛЕ»

В юности великий архитектор Василий Иванович Баженов (1735–1799) учился в Московской славяно-греко-римской академии (в «эллинской школе»), в которой получили образование М.В. Ломоносов, М.Ф. Магницкий, А.Д. Кантемир и др.

Трудно давался Баженову русский язык, ибо преподаватели этого предмета слишком увлекались «риторической фигуральностью». Простую, например, мысль, что учёба солдат должна проходить в определённом порядке, излагали они путано и витиевато: «Посмотри на солдат, не токмо когда в ордер баталии устраиваются, но и когда в екзерпциях воинских обращаются, каково чинно, каково с бережением регула, каково по науке их артикула прохождение и возвращение, каково по гласу командующего соответчания, словом: дивная гармония!»

Кто умел так говорить и писать, тот считался образованным человеком.

ТРИУМФ К.П. БРЮЛЛОВА

Карл Павлович Брюллов (1799–1852) с невероятным упорством трудился в Риме над картиной «Последний день

Помпеи». Он в продолжение одиннадцати месяцев буквально не отходил от холста. Часто его выносили из мастерской совершенно обессиленным.

В 1833 году картина была закончена. И сразу же имя Брюллова стало известно всей Европе. Поэты посвящали картине стихи, публицисты — дифирамбы. Вальтер Скотт провозгласил ее эпопеей.

Когда на улицах итальянских городов появлялся Брюллов, его окружали толпы, засыпая цветами. Произведение Карла Павловича толковали как гимн благороднейшему героическому стремлению человека помочь другим в минуту смертельной опасности. В знак сочувствия изображенным на картине страдальцам художник поместил на ней и себя с ящичком красок и кистей на голове.

ВЫЗОВ ЦАРСКОМУ УКАЗУ

В мае 1836 года К.П. Брюллов вернулся из Италии в Петербург. 11 июня проходило официальное празднование, посвященное этому событию. В актовом зале Академии художеств повесили картину «последний день Помпеи». Когда в зал вошел Брюллов, все встали. Председатель собрания в своей речи объявил картину лучшим созданием XIX века.

Гремел оркестр. Пели кантату. После чествования — обед. Виновник торжества сидел за столом среди друзей и старых учителей.

На голову Карла Павловича возложили лаврово-миртовый венок. Художник снял его и украсил голову своего академического учителя, профессора Андрея Иванова, которого только что Николай I уволил из Академии. Своим поступком Карл Павлович подчеркнул презрение к царскому произволу.

«МАДОННА» РАФАЭЛЯ — КРЫШКА СТОЛА

У некоторых произведений живописи великих мастеров любопытная судьба. Они кочевали из страны в страну, исчезали из музеев на десятилетия и даже на века, после чего их неожиданно находили и снова водворяли на подходящие места.

Как-то в городе Нижнем Тагиле Свердловской области обнаружили «Мадонну» Рафаэля. Живописец и историк искусств И.Э. Грабарь сообщил тогда, что это творение гения служило... крышкой стола!!

Известный русский книжник Ф.Г. Шилов случайно обрёл у старухи в родной деревне картину Пимена Орлова «Мальчик с обручем». Бабушка покрывала ею... крынки с молоком!!

Шедевр был передан в Русский музей, поскольку Пимен Орлов — один из самых талантливых учеников К.П. Брюллова. Умер он очень рано. Его полотна — редкости...

ОТПРЫСК РОДА БАРОНОВ

Пётр Карлович Клодт (1805–1867) один из основоположников русской реалистической скульптуры и автор знаменитых: памятника И.А. Крылову в Летнем саду и коней на Аничковом мосту в Питере.

Отпрыск древнего рода баронов, Клодт был редким тружеником. Он всегда ходил в безрукавке с засученными рукавами, в бесформенных штанах и неприглядных сапогах. Не менял он своего облачения ни перед кем, даже перед лицами царской фамилии.

— Я — человек рабочий, говаривал он, — не до китайских мне церемоний.

* * *

Клодт с детства страстно любил лошадей. Изучал их досконально. Он вводил к себе в тесную квартиру лошадь, садился у её задних ног и рисовал часами... И ничуть не боялся, что «натурщица» лягнёт его.

* * *

Как известно, на пьедестале памятника И.А Крылову изображены животные — герои басен. Клодт долго и тщательно исследовал оригиналы. Животные жили у него дома. Поэтому там стоял сплошной содом: рёв, вой, карканье, мяуканье, бляенье, писк, свист и проч.

У входа в мастерскую скульптора обычно лежал волк, пугая посетителей. А между тем, зверь был кротким, любившим детей, как собака...

* * *

П.К. Клодт никогда и никому не отказывал в помощи. Пользовались его добротой и жулики. Раз к нему явилась громадного роста дама под чёрной вуалью, вся в чёрном. Она грохнулась перед ним на колени, рыдая и прося помочь ей, одинокой вдове, оставленной без всяких средств к жизни...

Хотя Клодт сразу заметил грубые манеры и басовитый голос «вдовы», но денег ей дал. Когда она уходила от скульптора, из под её юбки отчётливо показались мужские брюки. Горничная сказала об этом Клодту. А он добродушно рассмеялся:

— Да, да, несомненно, это был мужчина... Но что же было мне делать?! Если он у меня просил, значит, ему нужно было. Разве я мог ему не дать?!

СОСТЯЗАНИЕ С ЦАРЕМ

Михаил Петрович Клодт, сын великого скульптора П.К. Клодта, однажды рисковал впасть в немилость у царя Николая Первого. Его отец держал очень хороших лошадей. Азартный кучер тоже очень гордился ими, обгонял все экипажи на улицах Петербурга. Задумал он обогнать и царскую карету. Эта затея грозила большой опасностью, потому что запрещалось даже подъехать близко к императорскому экипажу.

Это не остановило бравого кучера. И дважды, несмотря на присутствие в повозке М.П. Клодта, он ввязался в отчаянную гонку с каретой царя. Толпа неистовствовала, Клодт требовал остановиться. Кучер же, впад в азарт, шел до конца и победил оба раза.

Михаил Петрович от страха и не помнил, что ему из коляски показал царь. Ждал неминуемой беды.

Но его спасли... другие кони. Император приехал посмотреть на конную скульптурную группу П.К. Клодта, что украшают Аничков мост.

— Это они? — указал Николай Первый на скульптуры, намекая на тех коней, которые обгоняли его. — За этих — прощаю!

В НАГРАДУ МОГИЛА

Картину «Явление Христа народу» Александр Андреевич Иванов (1806–1858) создал в Италии. Ей он отдал двадцать лет самоотверженного труда.

Не только религиозная идея о легендарном Христе лежит в основе её, но и также размышления о судьбах народа, униженного, бесправного, угнетённого и оскорбленного, жаждущего свободы.

По возвращении из-за рубежа А.А. Иванов прожил в Москве немногим больше месяца, заразился холерой и скончался. В заключение панихиды на кладбище кто-то обратился к тихо стоящей толпе:

— Что дала Россия Иванову за его картину?

Толпа безмолвствовала. И вопрошавший её сам себе и ответил:

— Могилу.

В ЧУЛАНЕ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Павел Андреевич Федотов (1815–1852), автор знаменитейших картин «Свежий кавалер» и «Сватовство майора», материально бедствовал даже тогда, когда его картины на выставках в Академии художеств вызывали восхищение публики. На 25 копеек в день он жил вместе со своим верным денщиком Коршуновым.

От истощения и нервного переутомления художник заболел и попал в больницу. Страдал от тяжёлых припадков, во время которых его запирали в чулан под лестницей. Он истошно кричал там от боли и грыз решётку. И тогда служители нещадно секли его кнутами. Потом несчастного живописца отправили в лечебницу для сумасшедших, где он и скончался.

СЕДОЙ МАЙОР УЗНАЛ СЕБЯ

Павел Андреевич Федотов первым из русских художников стал изображать людей средних и низших сословий. Его картину «Сватовство майора» одобрил К.П. Брюллов, а совет Академии художеств признал Федотова академиком «по живописи домашних сцен».

Еще до появления картины на академической выставке о ней гремел весь Петербург. Публику интересовал и сам автор — отставной офицер.

Объяснение к картине давал сам Федотов в сочиненных им забавных стихах:

*Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просим,
Денег не спросим:
Даром смотри,
Только хорошенько
Глаза протри.
Начинается, начинается,
О том, как люди на свете живут,
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся!*

Всякий посетитель выставки понимал, что в картинах Федотова звучал протест против тунеядства и социального неравенства.

Павла Андреевича ежедневно осаждали посетители, мешая ему работать. Пришёл к нему и отставной, седой майор. С излияниями благодарности гость бурно бросился художнику на шею, выражая изумление, как это он смог так точно представить его на картине «Сватовство майора»; ведь именно он, майор, женился на купчихе, чтобы поправить своё материальное положение.

Слуги счастливец втащили в комнату огромную корзину с шампанским и снедью — для угощения биографа майора!

ВМЕСТО КАРТИНЫ — ОСЛИНЫЙ ХВОСТ

Известный русский скульптор Николай Александрович Рамазанов (1815–1868) в бытность учеником Академии художеств никогда не мог сидеть спокойно на уроках, все время вертелся.

Профессор дал классу задание: нарисовать эскиз картины «Бегство святого семейства в Египет». Все ученики прилежно рисовали, а Рамазанов проболтал почти целый час. Профессор сделал ему замечание:

— Рисуй, а то ведь не успеешь.

А непоседа не беспокоился:

— О, еще много времени, нарисую.

И за пять минут до конца урока он сел и нарисовал эскиз. Профессор просмотрел рисунок, удивился и спросил автора:

— Это что же такое?

— Пирамида.

— А где же осел, Иосиф, Мария?

Иосиф с Марией уже скрылись за пирамидой. А вот хвост осла еще виден.

Добродушный профессор расхохотался:

— Не ставлю единицу только за твою находчивость.

МАСТЕРОВОЙ МАЛЯРНОГО ЦЕХА

Уже известным художником Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) прибыл в Петербург. На одной улице сдавалась квартира. Она приглянулась ему: в ней было помещение для большой мастерской. Не торгуясь, Айвазовский хотел было дать задаток, но его поспешность показалась дворнику подозрительной.

— А вы кто будете? — допытывался страж дома.

— Живописец Айвазовский.

— Тэк-с... Это дело неподходящее и как угодно, фатеры я вам, сударь, сдать не могу.

— Это почему же?

— А потому что хозяйка строго-настрого запретила пущать в дом мастеровых. Еще вчера портному отказала.

— Но я не мастеровой!

— Понимаем мы это, а все ж, значит, мастеровые по малярному цеху. Фатеру загрязните так, что после и не очистишь... нет уж, извините, а сдать фатеру не могу.

Встретаться с хозяйкой дома Айвазовский не пожелал...

СЛАДКОЕ БЛЮДО АЙВАЗОВСКОГО

По случаю 50-летия своей художественной деятельности Иван Константинович Айвазовский дал парадный обед, на который созвал всех членов академии и выдающихся художников.

В конце обеда юбиляр произнес такую речь:

— Извините, господа, что мой повар не приготовил заключительного сладкого. Поэтому я прошу принять от меня блюдо, приготовленное лично мною...

И каждому гостю лакей подал на подносе маленький пейзажик, нарисованный Айвазовским, с автографом.

СКРИПАЧ И.К. АЙВАЗОВСКИЙ

Вероятно, немногим известно, что великий русский маринист Иван Константинович Айвазовский хорошо играл на скрипке и вдохновлял М.И. Глинку на создание некоторых его произведений. При игре Иван Константинович держал

скрипку по-своему, поставив ее стоймя против себя. В репертуаре его были печальные и плясовые песни восточных народов и крымских татар.

ЗАБОРНЫЙ ХУДОЖНИК

Маленького Ваню Айвазовского неудержимо тянуло к рисованию. Но по бедности родителей он не имел средств на покупку бумаги, красок, кистей и карандашей. Их заменяли ему самоварный уголь и гладко выбеленные заборы в городе Феодосии.

Заборные рисунки юного художника заметил городской архитектор Кох. Он заинтересовался даровитым мальчиком, подарил ему бумагу и цветные карандаши.

Ваня сделал много новых рисунков, которые Кох представил вместе с их автором градоначальнику Александру Ивановичу Казначееву. На тщеславного вельможу нашел добрый стих, и он обласкал Ваню:

— Тебе надо серьезно учиться. Я об этом позабочусь.

И он подарил мальчику акварельную краску, тушь, цветные карандаши и целую стопу отличной рисовальной бумаги.

Ваня подружился с сыном Казначеева, Сашей. И перед будущим маринистом открылась широкая дорога в мир искусства.

ТИФЛИССКИЙ КУМИР

Зимой 1868 года И.К. Айвазовский работал в Тифлисе. Жители города гордились тем, что у них тогда находился знаменитый маринист-художник. Чувство этой гордости охватило даже извозчиков. Они перенесли свою стоянку к дому, в котором квартировал Иван Константинович. Завидев

его выходящим из подъезда, лихачи наперебой подкатывали к нему, предлагая свои услуги. Все они сгорали от зависти тому счастливчику, в чей экипаж садился Айвазовский. Этот извозчик становился в Тифлисе героем на несколько дней. Ему надоедали расспросами, о чем он разговаривал с художником.

На улицах Тифлиса встречные снимали головные уборы и земно кланялись Ивану Константиновичу. А однажды гимназисты скупили в городе все цветы и привезли их ему на квартиру.

ГРАФИНЯ, ЛАЯВШАЯ ПО-СОБАЧЬИ

Более 200 выставок своих картин провел И.К. Айвазовский в крупнейших городах мира. Огромные сборы с этих выставок «певец моря» неизменно жертвовал школам, сиротским домам, приютам, больницам, богадельням. Так сделал он и в Ницце.

Здесь Иван Константинович встречался с богатыми самодурами и психопатами. Бывший русский вельможа, владелец роскошной виллы, коллекционировал произведения изобразительного искусства. Выставку Айвазовского он не посещал, картин его не видел, а спросил у знакомых о стоимости их. Ему сообщили, что цена самой дорогой картины — 10 тысяч франков. Богач заважничал:

— Я не покупаю картин дешевле 30 тысяч франков!

* * *

Зашел на выставку молодой чванливый англичанин и пожелал видеть самого Айвазовского, которому представился:

— Капитан Гарль... Я покупаю это, это и еще это...

Он не рассматривал картины, лишь переводил глаза с одной на другую и тыкал в них пальцами. 5 тысяч франков он уплатил тут же, а остальные 45 тысяч франков обещал перевести через десять дней. В Англии он туго набил мощную, спекулируя полотнами Айвазовского.

* * *

И старая графиня Дампьер купила две картины Ивана Константиновича и пригласила его к себе в гости. Она приняла художника очень любезно, рассыпала похвалы его кисти. Но после короткой паузы вдруг залаяла по-собачьи! Задышавшись от лая и брызжа слюной, она истошно выкрикивала:

— Ваши картины отвратительны, ужасны!!

А потом, как бы спохватившись, заговорила по-прежнему:

— Ваши картины превосходны, великолепны!

В комнату вошла красивая, нарядная дама. Графиня залаяла и на нее:

— Свинья! Дура!

Через минуту горячо целовала эту «свинью», восторженно приговаривая:

— Прелестный друг мой, моя красавица!..

Успокоившись, графиня обратилась к Айвазовскому:

— Не знаете ли вы польского мариниста Иванковского?

— Такого нет ни в Польше, ни в России.

Дампьер описала несколько сюжетов виденных ею картин. Иван Константинович разъяснил ей:

— Ваш Иванковский и я, Айвазовский, — одно и то же лицо.

Графиня экспансивно обняла художника, долго целовала его и опять залаяла по-собачьи, и опять то поносила, то восхваляла его картины.

Француз Кано и Айвазовский простились с графиней и ушли. На улице француз рассказал Ивану Константиновичу:

— Графиня Дампьер с детства отличается этими странностями. Говорят, это у нее вследствие испуга ее матери незадолго до рождения графини.

ЗАПОЙ САВРАСОВА

Один из родоначальников русского пейзажа, автор всеми любимой картины «Грачи прилетели» — Алексей Кондратьевич Саврасов (1830–1897) сильно страдал запоем. Это вынуждало его продавать антикварам по 2-3 рубля свои картины или расписывать отдельные кабинеты трактиров за водку или обеды. Этот гений живописи превратился в обитателя трущоб...

«РАСПЯТИЕ»

Так названа знаменитая картина художника-передвижника Николая Николаевича Ге (1831–1894), которую он создавал десять лет и переписывал девятнадцать раз! Дабы правдиво изобразить муки Христа, художнику понадобились чересчур терпеливые натурщики. Для этой цели ему послужили сын Николай и муж племянницы.

Посреди мастерской Н.Н. Ге установил грубый деревянный крест с перекладиной для ног и петлями для рук. На этом кресте он и «распинал» натурщиков. Это было мучительное позирование. А художник долго ходил вокруг натурщиков, примеривался, приглядывался и рисовал спешно карандашом. Один из них, наконец, не вынес «мук», закричал:

— Плечи сводит! Не могу больше!

А Николай Николаевич посмеивался:
— Такой ты мне и нужен!

«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»

В семидесятые годы XIX века волна «хождения в народ» захлестнула и Николая Николаевича Ге. Он покинул столицу и навсегда поселился на хуторе Плиски, Черниговской губернии, отдавая все свое свободное время сельскому хозяйству. Он изобретал наилучшие способы сева, завел пасеку, пахал, бороновал, удобрял землю, покупал и применял земледельческие машины, молотилки, научился класть крестьянские печи — прослыл самым искусным печником во всем уезде. Даже из Киева просили его советов по печному делу.

Но живопись он все же не бросил. Оборудовал мастерскую, сделал в ней особенное окно с подвижными рамами и системой зеркала, чтобы «ловить» верхний свет.

«НАДО ЕМУ НА ШТАНЫ СОБРАТЬ!»

Н.Н. Ге создал чудесные рисунки к сочинению Л.Н. Толстого «Чем люди живы». Великий писатель, показывая их В.Г. Короленко, говорил:

— Вот хочу найти издателя, выпустить рисунки альбомом. Один альбом издадим подешевле, для народа, другой подороже — для богатых людей. Николай Николаевич вот без штанов ходит. Надо ему на эти штаны собрать...

В семье Льва Николаевича Толстого Ге был горячо и любимым другом, «своим» человеком. И он чувствовал себя там, как дома. Дочери Толстого, Таня и Маша, чинили его одежду, штопали, накладывали заплатки. Его жена, Софья Андреевна, собственноручно сшила ему пару панталон.

Николай Николаевич запросто заходил в комнату барышень и, забыв все великосветские манеры, ложился на кушетку, говоря при этом:

— Устал я нынче. Сосну тут часок-другой.

И, прикорнув, спал. А проснувшись, шёл на кухню, наливал в кружку чаю, появлялся с ней в зале, раскланивался с посетителями и спрашивал Софью Андреевну:

— Мамаша, нет ли у вас чего-нибудь сладенького?

БУЙСТВО ШИШКИНА

Художник Иван Иванович Шишкин (1832–1898), проживая в командировке в Германии, учинил в ресторане дебош, за что и был привлечён к уголовной ответственности.

В качестве свидетелей против него в суд явилась большая толпа пострадавших: у одних были перевязаны глаза, у других — уши, у третьих — щёки, у четвёртых — носы, у пятых — головы.

Судья никак не мог понять, как это один человек смог покалечить так много жертв!

Знай наших!!

«СНЯТЬ С АПОЛЛОНА ШТАНЫ!»

В Московское училище живописи, ваяния и зодчества назначили нового директора, совершенно невежественного человека. Собрав преподавателей — Саврасова, Перова, Прянишникова, Поленова, Маковского и др. — он прочитал им нотацию о недостатке у художников научных знаний. Подверг уничижительной критике великолепную картину А.И. Куинджи «Украинская ночь» за то, что в ней нет звёзд Южного созвездия. Разнёс А.С Пушкина за стихи:

*Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы...*

В них директор усмотрел незнание Пушкина того, что «тайных цветов» в природе не существует.

Досталось и М.Ю. Лермонтову, который, по неосведомлённости в зоологии, утверждал, будто у львицы «косматая грива на хребте»...

В залах училища стояли голые античные статуи. Директор потребовал прикрыть их наготу виноградными листьями. Кто-то из учеников ночью надел Аполлону штаны, что вызвало всеобщий хохот в училище.

В то время попечителем училища был московский генерал-губернатор, князь В.А. Долгорукий, человек просвещённый. Он возмутился поступками директора-самодура и приказал:

— Снять с Аполлона штаны!

СБИВАНИЕ СПЕСИ

Из школы Павла Петровича Чистякова (1832–1919) вышла блистательная плеяда русских художников: И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.И. Суриков, В.А. Серов, М.А. Врубель, К.А. Савицкий, И.Э. Грабарь, В.Д. Поленов, А.Я. Головин, А.П. Рябушкин и др.

На приемных экзаменах в академии Чистяков имел привычку «сбивать спесь» тем, которые уже мнили себя настоящими художниками.

Он клал перед экзаменовавшимися карандашик и предлагал нарисовать этот простой предмет. Молодой человек, уже написавший много портретов, впадал в амбицию, но рисовал и вскоре убеждался, что карандашик — сложная натура. А Чистяков говорил:

— Да вы, батенька, еще не умеете рисовать карандашик. А вот пожалуйста — кубик!

Перед экзаменовавшимся Серовым Чистяков взял лист бумаги, скомкал его и бросил на пол:

— Вот, нарисуйте!

Серов выполнил его. Чистяков раскритиковал рисунок в пух и прах, а талант Серова все же оценил по достоинству. И принял его в свой класс.

КАРТИНА ПРОБУДИЛА СОВЕСТЬ

В распространении революционно-демократических настроений в России в 60-х годах XIX века большую роль сыграли и выставки художников-передвижников.

По свидетельству И.Е. Репина, «картины той эпохи заставляли зрителя краснеть, содрогаться и построже вглядываться в себя»; они «клеямили беспощадно все уродства гадкой действительности».

Картина Василия Владимировича Пукирёва (1832–1890) «Неравный брак» криком кричала против одного из гнуснейших зол жизни, била не в бровь, а в глаз всем высокопоставленным и богатым старым развратникам, любителям свежей «клубнички».

Знаменитый историк Николай Иванович Костомаров хотел в старости жениться на молодой красавице, но, увидев эту картину, поставил крест на своем намерении...

ИЗ ИСТОРИИ «ТРОЙКИ»

Гуманист с «обнаженным нервом» Василий Григорьевич Перов (1833–1882) не мог без муки душевной видеть страдания детей бедноты, чей труд нещадно эксплуатиро-

вался в России. И он написал свою «Тройку», на которой изображены дети-мастеровые, везущие огромную бочку с водой.

Обдумывая эту картину, художник много дней бродил по Москве в поисках прототипа для центральной фигуры. Наконец нашел его. Мать-старушка что-то покупала мальчику в лавке. Василий Григорьевич попросил старушку позволить ему зарисовать ее сынка. Она отнекивалась, считая «малеванье» великим грехом. С трудом удалось все же ее уговорить. Мальчик и стал натурой для «коренника» в картине «Тройка».

Полотно купил П.М. Третьяков (1832–1898).

Прошло несколько лет. На квартиру к Перову пришла какая-то старушка. Обливаясь слезами, она напомнила ему о себе и пожаловалась, что ее единственный сыночек умер и что теперь она на последние гроши хочет купить картину, где «списан ее сынок». Василий Григорьевич объяснил, что картина уже продана, но видеть ее можно в Третьяковской галерее.

Перов трогательно поведал об этом драматическом эпизоде в рассказе «Тетушка Марья». «Придя в ту комнату, где висела картина, которую старушка так убедительно просила продать, я предоставил ей самой найти эту картину. Признаюсь, я подумал, что она долго будет искать, а может, и совсем не найдет дорогие ей черты; тем более это можно было предположить потому, что картин в этой комнате было очень много. Но я ошибся. Она обвела комнату своим кротким взглядом и стремительно пошла к той картине, где действительно был изображен ее милый Вася. Приблизившись к картине, она остановилась, посмотрела на нее и, всплеснув руками, как-то неестественно вскрикнула: „Батюшка ты мой! Родной ты мой! Вот и зубик-то твой выбитый!“

И с этими словами, как трава, подрезанная взмахом косца, она повалилась на пол...»

Мать долго лежала у картины, и никто не посмел тронуть ее. А дежурный смотрел на нее и плакал.

СОВЕСТЬ ЗАЗРИЛА

Для создания картины «Мария Магдалина» Василию Григорьевичу Перову понадобилась натурщица, которую он долго искал. Наконец, нашел женщину лёгкого поведения. Закончив картину, художник показал её натурщице. Поняв, кого с неё писали, женщина пришла в крайнюю ярость, грохнулась на пол, рвала на себе волосы, ломала руки и кричала:

— Как вы могли не сказать мне, кого с меня писали?! Кто я? Я великая грешница, я презренное существо, недостойное считаться человеком! И вы писали с меня святую! Какой грех!!! Не замолить во всю жизнь... Что вы со мной сделали, ой, Боже мой!!!

Перов был в ужасе от её отчаяния.

ХОДЯЧИЙ ПАРАДОКС

Отец идеи образования Товарищества художников-передвижников Григорий Григорьевич Мясоедов (1835–1911) был автором многих чудесных лирических полотен. Что совершенно не мешало ему на дух не переносить столь же тонких лириков, как А.П. Чехов — в литературе или И.И. Левитан — в живописи.

Над постановкой «Дяди Вани» он иронизировал:

— Ну, что же, сидит Ваня и бренчит до бесконечности на гитаре. Хоть на кого тоску нагонит. Вот вам и чеховские настроения!

Про пейзажистов левитановского направления Григорий Григорьевич судил:

— Как они могут писать всякую пакость в природе: тающий снег... Да тут без калош не пройти, а они любят слякотью...

* * *

Его считали «ходячим парадоксом». О людях и о себе он высказывался горестно и резко:

— Все люди или глупы, или эгоисты до подлости. Даже те, кого называют святыми хоть какой угодно категории, действуют из эгоизма, конечно. А то, что называют альтруизмом, просто замаскированный способ ростовщичества: дать и получить с процентами. И я, хоть неглупый человек, а от подлостей не могу избавиться. Живу в обществе, угрожаю ему и лгу...

* * *

Мясоедов был невероятно упрям. С пеной у рта он защищал даже очевидную свою неправоту.

Многие крупнейшие художники играли на струнных музыкальных инструментах. Играл на них и Мясоедов. Однажды при исполнении квартета Гайдна Григорий Григорьевич сфальшивил. В.Е. Маковский заметил, что он взял чистое «си», когда следовало сыграть «си-бемоль». И в доказательство ударил эту ноту на рояле. Мясоедов забушевал:

— Это вы всё врёте! И рояль ваш всё врёт!

* * *

А музыку он любил самозабвенно. Нередко на Васильевском острове прохожие встречали высокую сгорблен-

ную фигуру Мясоедова. У него под шубой на животе висел альт, привязанный к шее петлёй из ленты. Это художник шёл на репетицию струнного квартета.

СЛОМЛЕННОЕ УПРЯМСТВО

П.М. Третьяков заказал И.Н. Крамскому (1837–1887) портрет Л.Н. Толстого для галереи. Художник, захватив с собою палитру и краски, прибыл в Ясную Поляну. Лев Николаевич в это время колот в сарае дрова. Приняв его за работника, Крамской спросил:

— Не знаешь ли, где Лев Николаевич?

— А что нужно?

— Я приехал из Москвы, надо спешно по важному делу его видеть.

— А по какому делу? Я — Лев Толстой.

Опешивший Крамской изложил свою просьбу.

— Этого не будет... Ни за что не соглашусь позировать!

Долго и трудно довелось Ивану Николаевичу уговаривать писателя.

— Лучше оставим этот разговор, поговорим о другом. Мне интересно узнать у вас кое-что об искусстве и о художниках.

Два дня шли беседы о том, о сем, только не о цели приезда художника. На прощанье Крамской выразил сожаление:

— Уезжаю с досадой в душе. Ваш портрет я все-таки сделаю, но сделаю плохой, по памяти. А какая это мука для художника — неуверенно, неумело работать! Какая досада, что ваш портрет будет неудачен!

Этими словами было сломлено упорство Льва Николаевича. Он согласился позировать...

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА

Величайшую роль в демократизации русского изобразительного искусства сыграл «бунтарь» Иван Николаевич Крамской. Колоссально его художественное наследство. Многогранна общественно-политическая и педагогическая деятельность. А его трудолюбие поразительно...

15-я выставка картин передвижников была последней, на которой он принимал участие.

Через месяц после неё он писал у себя в мастерской портрет друга, доктора Раухфуса. Работал спешно, увлечённо. И вдруг уткнулся головой в палитру и умер мгновенно. Его кисть уже сама провела последнюю черту на полотне.

ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Картины величайшего художника-баталиста В.В. Верещагина (1842–1904) раскрывают жестокую античеловеческую суть войны. Поэтому ее проповедники чинили всяческие препятствия выставкам Верещагина. Немецкий фельдмаршал Мольтке запретил солдатам посещать их в Берлине. В 1902 году художник предложил пускать по сниженной цене на свою выставку в Чикаго молодежь. Власти отвергли это предложение. Мотив отказа был прост и ясен:

— Картины способны отвратить молодежь от войны.

Василий Васильевич был весьма доволен такой оценкой его творчества...

«СУКИН СЫН!»

А.И. Куинджи (1842–1910) пришёл в Академию художеств сильно расстроенным. К нему приставали с вопросом

о причине такого его состояния. Он долго отмалчивался. Наконец открылся:

— Это я сегодня узнал, что я — сукин сын...

— Как?! — в один голос вскрикнули окружавшие его.

— Это я теперь твёрдо знаю.

— В чём дело?

— Это, значит, иду я сюда, а мне около Академии встречается художник Н. и обращается ко мне: не можете ли, Архип Иванович, одолжить мне 25 рублей? Я его спрашиваю: это у вас нет красок или холста? А он мне отвечает: краски и холст у меня есть, а мне надо уплатить прислуге, я ей задолжал, и она хочет подать на меня в суд. Я ему и говорю: так зачем же вы держите прислугу, когда вы не имеете чем ей заплатить? Он же мне и возразил: а что я сукин сын, что ли, что должен без прислуги жить? Я же всю жизнь живу без прислуги...

И Архип Иванович, вытаращив глаза, стучал в свою грудь кулаком и гремел:

— Так я, значит, и есть сукин сын!!

Все поняли шутку Архипа Ивановича и весело рассмеялись.

ПОЛНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Служители Академии художеств называли А.И. Куинджи «ваше превосходительство». Это не нравилось художнику. Он обратился к инспектору Андрееву:

— Яков Андреевич, это что же, я — генерал?!

— Нет, вы — не генерал...

— Так, значит, я — самозванец выходит! Надо запретить величать меня не по чину. У меня есть моё имя.

— Служители вас уважают, вот и величают вас от чистого сердца.

— Нет, надо запретить. Это же самозванство.

— Архип Иванович, вы можете быть генералом.

— Как же это я так, я — не генерал, но могу быть генералом?!

Куинджи давно уже хлопотал об организации общества помощи художникам. Инспектор Андреев теперь и напомнил ему:

— Вот вам случай: внесите в распоряжение Академии 50 000 рублей в пользу начинающих художников, а Академия возбудит ходатайство о присуждении вам генеральского чина.

Архип Иванович внёс 50 000 рублей. И ему пожаловали чин действительного статского советника. Отвечая на поздравления, он спросил:

— Значит, теперь я могу носить ленту?

Конференц-секретарь ответил:

— Нет, ленту вы носить не можете. Лента полагается к ордену, а ордена с лентой вы не имеете.

— Так какой же я без ленты генерал?

— Внесите еще 50 000 рублей на нужды художников, и Академия похлопочет о награждении вас орденом с лентой.

Такое награждение тоже состоялось. Капитал 100 000 рублей, внесенный А.И. Куинджи в Академию, пошёл на премии молодым художникам. Было организовано и Общество имени А.И. Куинджи, сыгравшее значительную роль в развитии русского изобразительного искусства.

ПТИЧЬЯ БОЛЬНИЦА

Весёлого, доброго и жизнелюбивого Архипа Ивановича Куинджи студенты боготворили. Любили его и птички. На крыше своего дома художник устроил для них лечебницу.

Туда к нему слетались увечные и больные воробьи, синицы, скворцы, сизари, вороны и галки. Они доверчиво садились на его плечи и руки, получали ласку, корм и лекарства. Раненым пернатым друзьям Архип Иванович делал и перевязки.

ВСТРЕЧА ГОЛЫХ МУДРЕЦОВ

А.И. Куинджи в своем крымском имении, презрев условности, всё лето совершенно голый и без шляпы купался в море и вольготно расхаживал по берегу, никого не стесняясь.

Он отлично говорил по-татарски. Окрестные жители смотрели на него, как на отшельника, подвижника, мудреца и часто приходили к нему за советами в трудных случаях жизни. Молва о нем разнеслась по всему Крыму. Сам татарский мулла приехал к Куинджи, чтобы побеседовать с ним.

Архип Иванович по своему обыкновению сидел в садике голый и читал. Мулла слез с лошади, привязал её к дереву и стал робко и почтительно посматривать на мудреца, углубившегося в книгу. Чтобы угодить ему, татарин тоже разделся догола и в таком виде приблизился к Куинджи, приветствовал его и вступил в беседу. Они проговорили до заката солнца и расстались друзьями.

БЕЛЫЕ ШТАНЫ

Владимир Егорович Маковский (1844–1920) дослужился до высокого чина. Ему полагался особый мундир с белыми брюками. Но, соблюдая устав Товарищества художников-передвижников, он не надевал на себя никаких регалий, даже профессорского значка.

Президент Академии художеств Великий князь Владимир как-то, шутя, сказал Маковскому:

— Вы уже, кажется, «ваше превосходительство», а почему же не в белых штанах?

Владимир Егорович подал острую реплику:

— В сем виде я бываю только в спальне, и то не всегда.

В «ПРИТОНЕ РАЗБОЙНИКОВ»

В мастерской Константина Аполлоновича Савицкого (1844–1905) было везде развешено старинное оружие и одежда для натурщиков.

Понадобился художнику крестьянин-натурщик. На рынке он нанял такого и привел в мастерскую. Увидев множество оружия, мужик грохнулся в ноги Савицкому и взмолился:

— Отец родной! Не погуби! У меня восьмеро детей в деревне осталось!

Крестьянину почудилось, что он попал в «притон» разбойников, которые заманивают людей, чтобы ограбить их и убить...

КАК СОЗДАВАЛСЯ ОБЛИК ИВАНА ГРОЗНОГО

Илья Ефимович Репин (1844–1930) долго и тщетно искал модель для задуманного им образа Грозного в картине «Иван Грозный и сын его Иван».

Павел Петрович Чистяков сообщил художнику, что в Царском селе он нашел «всамделишного» Грозного. Репин помчался к нему. Увидев натурщика, восхитился, но вскоре ему удалось найти еще более характерного, чем чистяковский. На рынке Илья Ефимович случайно наткнулся на чернорабочего, который точь-в-точь был похож на воображае-

мого художником Грозного. Тут же нарисовал его портрет. Он-то и лег в основу будущего Грозного на знаменитой картине. Правда, для окончательной отделки головы Грозного Илье Ефимовичу позировали композитор П.И. Бларамберг и художник Г.Г. Мясоедов.

Сын Грозного на картине нарисован с писателя В.М.Гаршина.

КУОККАЛЬСКИЙ СПАРТАНЕЦ

Илья Ефимович Репин ежедневно занимался физическим трудом. Он копался в саду, пилил и рубил дрова.

К старости у Ильи Ефимовича сохла правая рука. Врачи предписали массаж. Но художник отказался от услуг массажистки. Студент-медик убедил Илью Ефимовича в том, что сон на воздухе в любую погоду — панацея от всех болезней. И с тех пор Репин спал на закрытом балконе даже в лютые морозы. Когда художник ночевал в комнате с закрытыми окнами — мучился и не мог заснуть. К холоду он так привык, что не знал никаких болезней. Термометр презрительно именовал «баловством бездельников».

И сам Илья Ефимович и его жена были яркими пропагандистами вегетарианства. Угощали гостей «сеном». Так обыватели прозвали репинские супы из трав. Многие приезжали в Пенаты для того, чтобы отведать «сена». Вегетарианские обеды Репиных славились всевозможными растительными блюдами, весьма вкусными и питательными.

КОРИФЕЙ В БЫТУ

У И.Е. Репина в «Пенатах» содержалась огромная лошадь, по кличке Любовь Павловна, подаренная ему П. Тру-

бецким. Она служила «натурщицей», с которой скульптор делал знаменитый памятник Александру Третьему.

Любовь Павловна была любимицей семьи Репиных. В летние дни кобыла приходила к веранде, просовывала в окно голову и ждала лакомства, хлеба или сахара. Получив их, она спокойно уходила...

* * *

Они «раскрепостили» свою прислугу. В передней комнате дома Репина висел гонг, а над ним надпись: «Сообщай о своём приходе ударом в гонг. Раздевайся сам. Здесь никто никому не помогает».

Во время еды хозяева и гости обслуживали себя сами. На стенах столовой красовались плакаты: «Раскрепощение прислуги», «Всё делай сам», «Кто прибегает к чужой помощи, с того штраф — интересный рассказ, спич или речь».

* * *

В денежных расчётах Репин был щепетилен до педантизма. Чтобы отдать долг в несколько копеек он мог пройти к заимодавцу несколько вёрст в самую скверную распутицу.

ПУШИСТАЯ ЛАКОМКА

Супруга И.Е. Репина Наталия Борисовна Нордман покрывала обеденный стол не скатертью, а клеёнкой. В тёплое время Репины принимали пищу в саду. Как-то во время обеда гость неосторожно опрокинул стакан с лимонадом. Вдруг с дерева на стол спрыгнула белочка — и ну слизывать пролитый лимонад. Сладковатая жидкость понравилась зверьку. Это заметил хозяин. И с того дня он после каждой еды

летом непременно оставлял на столе озерко лимонада для белочки. И та аккуратно слизывала его.

ТАЙНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

И.Е. Репин поддерживал материально многих бедных учеников Академии художеств. Он передавал им деньги через знакомых, дабы получатели не знали, кто их благодетель.

Но Илья Ефимович требовал от учеников одного — упорной учёбы. Даже сыну своему, художнику Юрию Репину, он давал деньги только за определённые труды.

ЦЕНА АВТОГРАФА

В старой Москве на Сухаревке продавали и покупали всякую всячину. Здесь орудовали аферисты всех специальностей. Среди них были и продавцы поддельных картин величайших мастеров кисти: Рафаэля, Корреджио, Рубенса и др.

В лавке одного антиквара некая дама увидела картину с подписью: «И. Репин». На ярлыке была обозначена цена — 10 рублей. Дама платит антиквару деньги, но ставит условие:

— Я беру картину, но если она не настоящая, то принесу её обратно. Я буду у знакомых, где сегодня Репин обедает, и покажу ему...

Так и было. Дама показала покупку Илье Ефимовичу. Он залился хохотом, взял перо и внизу картины написал: «Это — не Репин. И. Репин».

Картина снова очутилась на Сухаревке и теперь пошла за сто рублей благодаря автографу художника.

ТУХЛЫЕ ЯЙЦА — БОГУ!

Василий Максимович Максимов (1844–1911) лучшие свои произведения посвятил изображению горя и страданий крестьянской бедноты, но иногда писал иконы и портреты купцов, чтобы заработать на хлеб насущный. Краски для этого он разводил на воде и тухлом яичном желтке. При этом шутил:

— Яйца свежие Лидуша (жена художника. — *А.Т.*) бережёт для еды, а мне жертвует попроще.. для Бога...

* * *

Когда он умер, хоронили Василия Максимовича на его родине — недалеко от Старой Ладogi. Покойника везли через Волхов, когда лёд был очень тонок. Опасались, что он не выдержит тяжести лошадей. Тогда крестьяне впряглись в сани — и так проводили своего земляка и певца на место его вечного упокоения.

ВСЁ В ПРОШЛОМ

Многие посетители «Третьяковки» особенно подолгу и взволнованно смотрят на картину Василия Максимовича Максимова «Всё в прошлом». И хотя на ней изображена старая богатая помещица, погружённая в воспоминания о прожитом, но картина не может не трогать каждого зрителя, независимо от его социального происхождения и положения, ибо любой человек доживает до того дня, когда с глубочайшей грустью скажет самому себе: «Всё в прошлом». А потому творение В.М. Максимова имеет всемирное, всечеловеческое, вечное значение...

БУНТАРИ ПРОТИВ РУТИНЫ

Посещая классы Академии художеств, Николай Александрович Ярошенко (1846–1898) ясно понял, что вся система преподавания в этом учебном заведении вводила воспитанников в мир библейской и классической мифологии и истории, отрывала от волнующих общественно-политических проблем окружающей действительности и таким образом превращалась в «тормоз русского искусства».

Он получил как-то задание — написать эскиз на тему «Битва над трупом Патрокла». Выражая свой протест против академической рутины, он изобразил валяющийся в пустыне труп и дерущихся над ним воронов...

А В.В. Верещагин ещё злее отозвался на навязывание ученикам традиционных классических композиций, господствовавших в Академии. В 1862 году он написал картину «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом». Совет Академии удостоил эту картину высокой похвалы, а автор разрезал её на куски, бросил в печку и поклялся «впредь не возвращаться к этой чепухе».

И Ярошенко, и Верещагин пошли за бунтарём И.Н. Крамским, примкнув к художникам-передвижникам. После смерти Крамского Ярошенко был руководителем славной группы.

МУХА ПОМОГЛА!

В судьбе великого живописца Василия Ивановича Сурикова (1848–1916) немалую роль сыграла... самая обыкновенная муха!

Юный Суриков служил писцом в губернском управле-

нии. В свободное время он много рисовал. Забавляясь в канцелярии, Суриков искусно нарисовал на листе бумаги муху.

Губернатор, прохаживаясь по кабинету, заметил на листе муху. Махнул на нее рукой — она ни с места. Махнул второй раз — сидит. Губернатор нагнулся над листом и увидел, что муха нарисованная. Он написал письмо в Академию художеств о таланте Сурикова. Вскоре пришло предложение прислать в Петербург молодого живописца.

ОХОТА ЗА НАТУРЩИЦЕЙ

Долго и трудно искал Василий Иванович Суриков натурщиков для картины «Меньшиков в Березове». Он буквально гонялся по улицам, площадям и бульварам за прохожими, пристально вглядываясь в их лица.

Счастливым случай помог ему наткнуться на небритого и озлобленного неудачника — учителя математики Невенгловского, с которого написан Меньшиков.

А «охота» за натурщицей для фигуры младшей дочери князя едва не привела к избиению Сурикова. Заметив на улице девушку, похожую на волновавший его образ, он буквально погнался за «жертвой». А когда она скрылась в доме, Василий Иванович забарабанил в захлопнутую дверь кулаками. Перед ним предстал матёрый мужчина, готовый избить «хулигана». Но художник сумел убедительно объяснить ему причину недостойного преследования им белокурой и хорошенькой девушки. Инцидент был исчерпан!

ДИВО ДИВНОЕ

Художник Федор Александрович Васильев (1850–1873), не получив никакого образования, поражал друзей и знакомых энциклопедической эрудицией.

Он мог играть на рояле с листа даже сложные произведения Бетховена и других классиков. Веселый, подвижный, остроумный и добрый, Васильев всегда был душой в дружеских компаниях. Федор Александрович у всех на глазах с невероятной быстротой рисовал один и тот же сюжет в разнообразных вариантах — и все они отличались высоким мастерством.

Илья Ефимович Репин как-то заглянул к нему на квартиру. В комнате стояли на мольбертах две картины.

— Неужели это ты сам написал? — изумился Репин. — Ну, не ожидал я!

Васильев рассмеялся:

— Благодарю, не ожидал! А учитель, брат, у меня превосходный: Иван Иванович Шишкин! Прибавь еще самую великую учительницу — натуру, натуру! А Крамской чего стоит!

— Небо-то, небо! — восторгался Илья Ефимович. — Как же это? Я никогда еще не видывал так дивно вылепленных облаков, и как они освещены!!! Да и все это как-то совершенно по-новому.

Васильев подошел к мольберту:

— А! Эти кумулюсы? Они мне не нравятся. Я все бьюсь и ищу.

И он моментально срезал стальным шпателем великолепные облака над водою. Репин в испуге закричал:

— Ах! Что ты делаешь?! Разве можно губить такую прелесть?

Но Федор Александрович уже писал новые облака. Илья Ефимович застыл от восхищения.

К сожалению, великий художник прожил всего лишь 23 года...

БЕСКОРЫСТІЕ ВРУБЕЛЯ

Михаил Александрович Врубель (1856–1910) крайне небрежно относился к своим работам. Многие из них остались незаконченными. Большая картина «Моление о чаше», написанная на сюжет евангельского мифа о страданиях Христа, привела в несказанный восторг Васнецова и Прахова. Они убедили мецената Терещенко купить картину. Тот уплатил Врубелю деньги, взяв с него слово больше не прикасаться к ней.

Но, будучи очарован цирковой наездницей, художник загорелся непреодолимым желаньем нарисовать ее выезд на арену. К несчастью, под рукой не оказалось холста. И он, не задумываясь, смыл картину «Моление о чаше» и написал наездницу. Прахов был потрясен этим поступком Врубеля, а тот уверял, что новая картина неизмеримо лучше прежней...

Случалось, что Врубель уничтожал свои законченные прекрасные произведения. Принес он в подарок Эмили Львовне Праховой изумительную «Восточную сказку». Прахова не осмелилась принять эту драгоценность и рекомендовала продать ее в какое-либо собрание картин. Автор разгневался, изорвал акварель в клочья, бросил их на пол и ушел...

Бескорыстие и непрактичность художника были притчей во языцех. Работы свои он ценил неимоверно дешево. За одну акварель запросил в ссудной кассе два рубля! А когда ему дали за нее пять рублей, он поразился:

— Бывают же на свете такие хорошие люди!!

ПРИЧУДЫ ВРУБЕЛЯ

Гениальный русский художник Михаил Александрович Врубель одним штрихом, не отрывая карандаша от бумаги,

рисовал лошадь, а если отрывал карандаш, то не мог уже закончить рисунок.

* * *

Заболев психически, Врубель по утрам раздевался догола и на корточках обходил кругом свою комнату по сто раз, считая это карой за свои грехи.

* * *

Работая на росписи Владимирского собора в Киеве, Врубель окрасил свой нос ярко-зеленой краской и пошел в таком гриме по городу, удивляя прохожих. Мать художника Прахова заметила ему:

— Михаил Александрович, вы нечаянно запачкали весь нос зеленой краской.

А он серьёзно ответил:

— Нет, Эмилия Львовна, я это сделал нарочно — так гораздо красивее. Ведь женщины красятся, почему же не красится мужчинам? Только не так, как они... Люди сейчас еще не понимают, но скоро все мужчины будут красить, как я, свои носы в разные цвета, в зависимости от их характера и темперамента. Одному пойдёт жёлтый, другому — синий, третьему — лиловый. Мне, например, идёт этот зелёный. Это будет очень красиво!

МУКИ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

Михаил Александрович Врубель страстно влюбился в одну красавицу, но она отвергла его притязания. Художник тяжело переживал неудачу. И, чтобы облегчить страдания, он сильно изрезал ножом своё тело. Рубцы от этого самоистязания оставались у него до самой смерти.

БЮСТ С «НАЧИНКОЙ»

Мастерская скульптора И.Я. Гинцбурга (1859–1939) в Академии художеств служила и местом хранения революционной литературы. Там же часто проходили и собрания революционеров.

Нелегальную литературу Иван Яковлевич прятал в пустых гипсовых бюстах. Как-то Гинцбург вылепил несколько бюстов Вл. Соловьева. В один из них сунул очень важные воззвания революционеров и замазал отверстие гипсом. Все бюсты Вл. Соловьева скульптор раздал, забыв про спрятанные в них воззвания. А когда вспомнил, задался вопросом, кому же достался бюст с «начинкой». Через некоторое время пришел к Гинцбургу человек:

— С бюстом Владимира Соловьева случилось несчастье: он упал и разбился.

— Как? Совсем?

— Вдребезги. Одни куски остались.

У скульптора камень с души свалился: опасная «начинка» была не в этом бюсте!

ЦОРН ПРОТИВ ПУГОВИЦ...

Шведский художник, скульптор и гравер Андерс Цорн (1860–1920) приехал в Россию для написания портрета мецената Саввы Ивановича Мамонтова.

Рассматривая законченное произведение, заказчик заметил, что на пиджаке не было ни одной пуговицы.

Обиженный Цорн горделиво ответил:

— Пуговицы пусть пришивает портной.

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ДЕКОРАЦИЯ

К.А. Коровин (1861–1939) писал декорации для театра С.И. Мамонтова. Сильно устав, он уснул. Сонный опрокинул горшочек с белой краской. Она пролилась прямо на холст. Проснувшись, художник увидел, что декораций нет: плотники уже унесли их в театр. Коровин пошел на репетицию, спрятался за кресло и ждал, что будет.

Поднялся занавес. Зрители ахнули, увидев дивный пейзаж с белыми цветами. Коровин вылез из засады. Савва Иванович Мамонтов кинулся обнимать, поздравлять и благодарить его, особенно восхищаясь белыми цветами. А художник с деланным спокойствием процедил сквозь зубы:

— Да, признаться, они мне удались...

КАРТИНА ЗА ОБЕД

В день очередного безденежья К.А. Коровин сильно захотел есть. Зашёл в ресторан, пообедал. Платить было нечем. Объяснил официанту, что за обед может заплатить только своей акварелью. Но официант упрямо требовал деньги. А на картину не пожелал и смотреть. Подошла к ним дочь хозяина ресторана, посмотрела акварель и сказала:

— Это стоит два рубля. Хотя и ничего непонятно, но красиво!

И взяла картину. Коровина отпустили с миром. А когда он принёс в ресторан два рубля, ему охотно вернули акварель.

Надо ли говорить, что сегодня любое произведение этого великого художника поистине бесценно!

ПЛАЧ ЛЕВИТАНА

О том, как глубоко волновала И.И. Левитана (1861–1900) красота природы, К.А. Коровин рассказывал:

— В студенческие годы жил я с Исааком Левитаном в номерах на Сретенке. Жалкий грошовый номер, две кровати и стол между ними... Просыпаюсь однажды очень рано. В окно светит розовое утро. Именно розовое. У окна стоит Исаак, и лицо его залито слезами.

— Костя, — вскрикнул он, — взгляни, как это прекрасно!!

ПОКЛОННИК ШИПОВНИКА

К.А. Коровин и И.И. Левитан боготворили природу и могли бесконечно созерцать её красоты. Левитан летом по целым дням лежал на траве, смотрел на небо и плакал от восторга.

Бродя за городом, художники увидели под пригорком ручей, возле которого рос куст шиповника. Его розовые цветы горели на солнце.

— Исаак, смотри: шиповник! Давай поклонимся ему, помолимся!

— Шиповник!

— Радостью славить ты солнце! Продолжай, Исаак.

— И даришь нас красотой весны своей.

— Мы поклоняемся тебе...

Художники запутались в импровизации, кланялись кусту. А после, взглянув друг на друга, расхохотались.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ СОХРАНИЛО ШЕДЕВР

И.И. Левитан принёс свой этюд в подарок дочери В.А. Гиляровского — Надюше. Взглянув на это произведение, Гиляй забушевал:

— Ты с ума сошёл! За него тебе Павел Михайлович Третьяков пятьдесят рублей заплатить может. Заверни и вези в Замоскворечье к Третьякову!

Но у Левитана тогда не было денег даже на извозчика. Художник покорно завернул этюд в холст и поставил у печки в передней. Так шедевр и остался навсегда в квартире Гиляровского.

«КОЛДУН» ПОД МОСТОМ

В одно лето Левитан учил рисованию барича в Тульской губернии. В поисках нужных сюжетов Исаак Ильич один раз залез под мостик, чтобы написать этюд «Ручей». Заметив это, мужики едва не избили художника, прогнали его и пришли к помещику с просьбой:

— Запрети своему учителю сидеть под мостом. Бабы бают, что он воду заколдует и болеть напустит.

ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЁРТВЫХ

Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) родился хилым, безнадежным. Родители делали всё возможное для спасения его жизни. Пользовали лекарствами, народными средствами, парили в горячей печи, зимой совали в снег. Но ничто не помогало. И был час, когда они подумали, что младенец «отдал Богу душу». Его положили «под святые», а на грудь ему — образок Тихона Задонского. Заказали вырыть

могилку возле могилки дедушки Ивана Андреевича. Возник спор: кто из внуков имеет больше прав лежать ближе к дедушке. Пока спорили, Миша Нестеров снова задышал и очнулся.

Безмерно обрадованные родители воскресение их чада, конечно, приписали заступничеству перед Богом святых Тихона Задонского и Сергия Радонежского.

«НЕ ХОТИМ МОЛИТЬСЯ НА ЛЁЛЮ ПРАХОВУ!»

Михаил Васильевич Нестеров вместе с другими художниками расписывал Владимирский собор в Киеве. Образ святой великомученицы Варвары он нарисовал с дочери художника Прахова — Лёли. Узнав в этом образе свою живую «грешницу», великосветские богомольные дамы и девицы запротестовали:

— Не хотим молиться на Лёлю Прахову!

Михаил Васильевич сдался: переделал великомученицу Варвару.

РЯЗАНСКАЯ «ПЧЕЛКА»

Скульптор Анна Семеновна Голубкина (1864–1927), вышедшая из крестьян, с гордостью называла себя «дочерью рязанских полей и взгорий». С малых лет она видела нищету и страдания трудового народа. Рано связала Анна Семеновна свою судьбу с РСДРП и под кличкой «Пчелка» вела революционную работу, участвовала в вооруженном выступлении на баррикадах Пресни. Изведала тюрьмы, ссылки и полицейские надзоры.

Она была изобретательным конспиратором. Член партии большевиков с 1903 года Георгий Алексеевич Николаев

часто отправлялся в г. Зарайск, где жила и работала Голубкина. Он доставлял ей нелегальную литературу. Как-то зимней порой явился он к Анне Семеновне, достал листовки. Она спрятала их под подставку, на которой лепила. Георгий Александрович начал одеваться, чтобы уходить, как хозяйка взглянула в окно и, обернувшись к товарищу, приказала:

— Раздевайтесь! Скорее! И рубашку снимайте.

В мастерскую вошли полицейские. Анна Семеновна продолжала спокойно работать. Не отрываясь от лепки, она бросила полицейским:

— Ищите! А я очень занята.

Обыск оказался напрасным. Но полицейские не уходили, а долго молчаливо наблюдали за ее работой. Наконец один из них прервал молчание:

— Большой дар даден вам господом, Анна Семеновна, и зачем только вы гневите его, зачем лезете в политику? Ну, куда же девался приезжий?

— Никто ко мне не заходил. А это — натурщик. Я леплю его уже третий день.

Обернувшись к Николаеву, она сказала:

— Ну, теперь одевайтесь. Сеанс окончен. Придете завтра.

НАСТОЯЩИЙ СКУЛЬПТОР

А.С. Голубкина не оставила скульптурного автопортрета. Ни за что не хотела она, чтобы кто-нибудь ее нарисовал или изваял. Она была твердо убеждена, что народ интересуется не личностью художника, а его творчеством.

В своих «Воспоминаниях» М.В. Нестеров характеризует Анну Семеновну такими словами: «Это Максим Горький в юбке. Так резко была выражена в ней революционная окраска. Я всегда высоко ценил ее огромную одаренность.

Она была настоящим скульптором, что бывает редко среди женщин».

Только через десять лет после смерти Голубкиной живописец Ульянов и скульптор Мотовилов запечатлели ее образ — с фотографии.

НЕПОЛНОЦЕННЫЙ НОС

Светскую львицу Рябушинскую-Носову художник Сомов написал с пышной причёской, в кружевах, в шляпе со страусовыми перьями.

А.С. Голубкину в этой даме заинтересовали только волевые черты её предков — волжан. Она начала делать скульптурные портрет гранд-дамы, которая ожидала, что он будет такой же роскошный, как сомовский. Но была разочарована. Нос у скульптуры показался Рябушинской укороченным. Она тщательно смерила его верёвочкой и сравнила со своим собственным. Убедившись, что нос скульптуры короче, заказчица заплатила Голубкиной только половину договорного гонорара...

РАДОСТНАЯ УГРОЗА

А.С. Голубкина занималась с любимыми учениками не только в мастерской, но и у себя дома. Эти занятия непременно заканчивались чаепитием.

Как-то приятную идиллию нарушил финансовый инспектор, предъявивший скульптору налог в 4000 рублей.

Она спросила:

— А если у меня денег нет?

— Будем продавать вещи.

— Ну, имущества у меня — только кровать из ящиков, три ломаных кресла да самовар. И на сто рублей не вытянет.

— Будем продавать скульптуры.

— О, это хорошо! Тогда и мне что-нибудь да останется! В таком случае ходите к нам почаще!

«ГОРБУН» РЕШИЛ СУДЬБУ ХУДОЖНИКА

Будучи гимназистом, Валентин Александрович Серов (1865–1911) одновременно учился и живописи у И.Е. Репина. Отдавая всю душу любимому искусству, он привел в восторг своего великого ментора. Зато гимназическое начальство не знало, что делать с нерадивым учеником Серовым: количество единиц и двоек превышало все пределы.

Гимназию он покинул. Дальнейшую его судьбу решил портрет горбуна, который мы видим на картине И.Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии». Пятнадцатилетний Серов писал горбуна с натуры в с. Хотьково, под Москвой. Сам И.Е. Репин был поражен этим портретом и сказал:

— Пора поступать в академию!

ДРАГОЦЕННАЯ СКАТЕРТЬ

Известно, что на портрете «Девочка с персиком» В.А. Серов изобразил дочку С.И. Мамонтова — Верушу, сидящую за столом. Скатерть на этом столе — реликвия. На ней расписывались мелом все прославленные посетители Абрамцева. А потом Веруша вышила эти росписи. Получилась драгоценная коллекция автографов.

«ОХ, Я — ЛОШАДЬ!»

В.А Серов, уже находясь на вершине живописного искусства, всё-таки был недоволен собой. Мучаясь в поисках нужного света, он бил себя кулаком по голове и ругался:

— Ох, я — лошадь!

ИМИТАТОР

В.А Серов был наделён и незаурядным даром лицедейства. Особенно ему удавались комические роли. Он точно имитировал повадки, походки, манеры и голоса людей, зверей, птиц, коров, лошадей, собак...

В пьесе Мамонтова «Чёрный тюрбан» он ржал конём и ворковал голубком. А в драме «Царь Саул», подражая за сценой голосу библейского великана Голиафа, Серов орал так искусно, что последний слог каждой фразы повторялся как эхо.

РОХЛЯ

Старшим мастером в декоративной мастерской художника К.А. Коровина работал добродушный мужик-рохля Василий Белов.

В.А. Серов и Ф.И. Шаляпин иногда подшучивали над ним... При входе в мастерскую, у двери сбоку, был вколочен гвоздь. Белов, быстро входя на вызов художника, вешал на этот гвоздь свой картуз и внимательно выслушивал распоряжение.

Серов вынул гвоздь и на его месте краской нарисовал похожий. Положил и тень от него. Шаляпин позвал:

— Василий!!

Белов вошёл, хотел по привычке повесить картуз, тот упал, снова попытался сделать это, и картуз снова упал. Шаляпин захохотал. Белов посмотрел на него, на гвоздь, и, поняв насмешку, молча ушел. А на кухне обидчиво говорил рабочим:

— В голове у них мало. Одно вредное. С утра — хи-хи да ха-ха. А жалованье получают во какое!!

ЗНАМЕНИТЫЙ БЕДНЯК

В.А Серов органически не выносил стяжательства, скопидомства.

К.А. Коровин и Ф.И. Шаляпин пригласили его в ресторан «Метрополь». Состоятельные жрецы искусства не то шутя, не то всерьёз рассуждали о том, в какой заграничный банк выгоднее перевести деньги. В разговор встрял и Серов:

— А я уже перевёл.

— Как? Куда?

— Шучу...

И в самом деле: знаменитый художник даже перед своей смертью занял у знакомого 400 рублей. При этом переспросил его:

— А вы не боитесь, что я умру, не уплатив долга? Впрочем, если бы это случилось, там есть мои картины, которые можно продать...

ДИТЯ ПРИРОДЫ

Скульптор Павел Петрович Трубецкой (1866–1938) был большим оригиналом. Он ничего не читал, чтобы совсем освободиться от посторонних влияний. Исповедовал вегетарианство. Стремился стать подлинным «дитем природы».

Он был убежден в том, что животные, если их правильно воспитывать, будут мирно жить с людьми. Это свое убеждение художник доказывал на практике. В его просторной мастерской в Петербурге свободно расхаживали лошадь, медведь, волк и два огромных дога.

Проживая в Париже, Трубецкой держал в квартире волка, которого приобрел, когда тот был еще щенком. Как-то, выйдя из квартиры, скульптор забыл запереть дверь. Волк выбрался из квартиры и пошел бродить по парижским улицам. Парижане от него врассыпную! Зверь заметил одну раскрытую дверь, пробрался в квартиру и улегся там на диване. Поднялся переполох. Вызвали Трубецкого. Был большой скандал. Скульптор обязался строго следить за своим четвероногим питомцем...

ПЕРЕКРАШЕННЫЙ ВОЛК

П.П. Трубецкой, уезжая из России в Париж, забрал с собой и прирученного волка. Железнодорожники никак не хотели поместить зверя в вагоне для перевозки животных. Чтобы обмануть кондукторов, Трубецкой выкрасил своего четвероногого друга в черный цвет и выдал его за собаку.

А КАКОВ ГОЛЫЙ «БОГ САВАОФ»?

П.П. Трубецкой был влюблён в характерную наружность Л.Н. Толстого. В первые дни знакомства с писателем скульптор не сводил с него глаз. Это надоело Толстому. Желая отвязаться от Трубецкого, он заявил, что едет в баню. Но тот в восторге воскликнул:

— И я с вами поеду!

Ему страшно хотелось увидеть «Бога Саваофа» неглиже...

И Лев Николаевич взял-таки Трубецкого с собою в баню.

ЧТОБЫ НЕ ПОРТИТЬ УЧЕНИКОВ

Паоло Трубецкой проповедовал:

— Художнику незачем учиться, читать, посещать музеи, талант сам достигает совершенства техники, наблюдая природу и изучая её.

Как это не странно, а он, никогда не читавший Данте, создал ему великолепный памятник, за который получил на конкурсе первую премию.

Трубецкой состоял профессором в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Сначала у него там было 40 учеников, а потом осталось только два. Это потому что, следуя своему педагогическому кредо, он ничему не учил их. За два года он посетил училище только три раза и был доволен, что его ученики работают вполне самостоятельно. Его упрекали:

— Вот вы говорите, что не надо учиться. Однако вы состоите преподавателем.

— Но я не учу.

— Зачем же тогда числитесь преподавателем и получаете жалованье?! Отказались бы!

— Да, жалованье получаю, но отказываться не хочу. Если откажусь, пригласят другого профессора, который будет морочить и портить учеников.

ПАМЯТНИК «ОБОРМОТУ»

Паоло Трубецкой происходил из русского княжеского рода, но родился в Италии, не знал России и русского языка,

был итальянским подданным и католиком. Это не помешало императрице Марии Фёдоровне именно ему доверить заказ на изготовление памятника Александру Третьему.

Скульптор потребовал сто тысяч рублей и всё необходимое для работы, содержание его за государственный счёт, вплоть до оплаты расходов на женитьбу, меблировки квартиры и поездки в Шотландию. Царица повелела принять все его условия.

Назначили комиссию по наблюдению за изготовлением памятника, но Трубецкой сказал, что не пустит ее членов в мастерскую и никаких сведений о работе давать не будет. А председателю комиссии князю Голицыну и вовсе заявил:

— Послушайте, вы — князь, и я — князь, но я — художник, а вы — ничто!..

Комиссия в итоге признала памятник плохим. Среди ее членов был только один художник — А.Н. Бенуа. Его Трубецкой и спросил:

— Как вы, Альберт Николаевич, находите эту работу?

— Не нравится.

— Очень рад. Если бы вы похвалили, то я сломал бы её!! Теперь же я вижу, что она никому не нравится, значит, она удачна!

Памятник всё же был изготовлен и установлен на одной из петербургских площадей. Как известно, он изображал грузную фигуру Александра Третьего, сидящего на битье, поставленном на массивную плиту. Всё в памятнике выражало тяжесть, неуклюжесть, неподвижность и даже тупость.

Вокруг памятника разгорелись нешуточные споры. Николай Второй даже стыдился показывать его иностранным делегациям и дипломатам:

— Только не смотрите на памятник моему отцу: он ужасен!

Но большинство мыслящих людей увидело здесь убийственную сатиру на российское самодержавие. Сам П. Трубецкой приговаривал:

— Не занимаюсь политикой. Я изобразил одно животное на другом.

В народе ходила такая характеристика памятника:

*Давит землю бегемот,
А бегемота обормот.*

Сняли «бегемота» с площади только в 1937 году и ныне он находится во дворе Мраморного дворца, там же — в Питере.

ТОЛСТОЗАДЫЙ СОЛДАФОН

Воспитанный на революционно-демократических идеалах шестидесятников, И.Е. Репин яростно ненавидел царизм. К титулу царя он всегда прибавлял слово «**высокодержимордие**». Экспансивный художник присутствовал на открытии памятника Александру Третьему в Петербурге. Увидев его, он закричал:

— Верно! Верно! Толстозадый солдафон! Тут он весь! Тут и всё его царствование!

Наплевав на вой верноподданной прессы, он прославлял эту карикатуру на царя «миротворца», созданную П. Трубецким.

ПОД МУЗЫКУ БАХА

Скульптор Сергей Тимофеевич Коненков (1874–1971) очень любил музыку, научился играть на самодельной скрипке, на гармонике, дудке и других народных инструментах. До самозабвения восторгался И.-С. Бахом, которого очень хотел запечатлеть в мраморе. Долго и мучительно искал ваятель черты гениального композитора. Наконец слепил его из глины и перевел в мрамор. Попытка получилась неудачной. Чтобы глубже почувствовать величие композитора, скульптор уговорил своего друга, скрипача, играть во время работы сочинения Баха. Под влиянием музыки образ композитора был найден.

Увидев композитора, вырубленного в мраморе, Анатолий Францевич Микули побледнел от изумления:

— Сергей Тимофеевич, скажите прямо: вы будете продавать эту работу?

— Конечно, буду.

— Какая ваша цена?

Автор назвал цену. Микули убежал в консерваторию. Наутро он явился в мастерскую С.Т. Коненкова и подал ему пакет:

— Вот назначенная вами сумма.

— Где вы взяли такие деньги?

— Я продал свою скрипку. Это была скрипка Гварнери.

С.Т. Коненков не хотел лишать артиста драгоценного инструмента, но Микули настоял на своем. И «Бах» навсегда остался в семье музыканта.

БЕЗГРАМОТНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

По окончании учения в Москве и Петербурге Сергей Тимофеевич Коненков создавал скульптуру «Камнебоец»

в своей родной деревне Караковичи на Смоленщине. Его подручным и даже творческим консультантом был родной отец, безграмотный крестьянин Тимофей Терентьевич. Он не только изобретал сыну «из ничего» остроумные помосты для лепки 200-пудовых скульптур, не только приготавливал глину и обёртывал стати мокрыми тряпками, но и решал трудные художественные задачи, над которыми подолгу и тщетно бился сын.

Сергей Тимофеевич вспоминал, что при работе над «Камнебойцем» не удавалась ему левая нога фигуры рабочего. Как он не изменял её, всё выходило не то, чего хотелось. Бросил он работу, попросил отца накрыть статую мокрыми тряпками, а сам ушёл на два дня на пчельник. Когда вернулся, глянул: левая нога на месте, стоит как нельзя лучше! Это отец, насмотревшись на творческие мучения сына-скульптора, сам подвинул ногу!

* * *

Фигуру «Камнебойца» С.Т. Коненков лепил с односельчанина Ивана Куприна. Когда она была готова, крестьяне, приходившие смотреть и оценивать её, восхищались:

Как живой!

И фантазировали:

— Ивана Куприна отольют в Москве из чугуна, приделают к нему пружины — и получится машина, которая сама будет камни дробить.

Эти простодушные слова автор принимал как высшую похвалу его реалистическому искусству.

ДВА САМСОНА

Скульптура С.Т. Коненкова «Самсон, разрывающий узы» имеет высоту четыре с половиной аршина. Для работы

над нею понадобились леса. Делая голову фигуры, мастер оступился, упал и сломал себе правую руку. Лечение продолжалось более двух месяцев. Сергей Тимофеевич в это время лепил одной левой рукой.

* * *

Все детали скульптуры он намеренно преувеличил. Сторонники рутинного академизма подняли вой:

— Это — насмешка над Академией!

— Академия пригрела на своей груди змею!

Но на защиту Самсона, который был дипломной работой автора, грудью встали И.Е. Репин, А.И. Куинджи и гравёр, профессор В.В. Матэ.

Обвинение С.Т. Конёнкова в неправдоподобии образа библейского Самсона убедительно опровергли и студенты Академии. Они отыскивали где-то человека, мышцы которого в натуре были ещё мощнее — и значительно — мышц скульптурного «Самсона». Молодые художники обвязали гиганта канатом и таким образом показали академическим педантам и староведам **живую статую** великана.

* * *

Сергей Тимофеевич получил за «Самсона» звание свободного художника. А.И. Куинджи ободрял его:

— Ваша статуя производит огромное впечатление... Я крайне огорчён тем, что совет не присудил вам заграничной командировки. А возьмите-ка у меня деньги на поездку! Это меня не обременит.

Но Сергей Тимофеевич не принял великодушного предложения. Это понравилось Архипу Ивановичу:

— Вы — гордый, свободный человек. У вас есть на это право. Я ваш поступок одобряю. Таким и надлежит быть художнику.

ПАРАЛИЗОВАННЫЙ ОПТИМИСТ

Любители живописи знают жизнерадостные, солнечные сюжеты Б.М. Кустодиева (1878–1927), который одним из первых художников в стране принял Октябрьскую революцию и изображал типы, сцены и события новой жизни.

От всех его произведений веет неиссякаемым оптимизмом, хотя автор писал их будучи прикованным к креслу из-за паралича ног! Своим друзьям он говорил по этому поводу:

— Я, знаете ли, стал на выдумки горазд. «Русскую Венеру» и «Ночные праздники на Неве» рисовал в наклонном положении, прямо как плафон расписывал. Ну, конечно, трудновато было и уставал скоро...

Это ли не мученик искусства?!

ФОРТЕЛИ ФУТУРИСТОВ

Чудачества первых футуристов — художников и поэтов — были сумасбродны. «Отец российских футуристов» — Давид Бурлюк (1882–1967) повесил два своих произведения на доме, что стоял на углу Неглинной и Кузнецкого моста в Москве. На первой картине виднелось изображение женщины, а на второй — неизвестно что...

К празднику Первомая 1917 года футуристы по-своему украсили этот город: все деревья и заборы в Охотном ряду выкрасили в красный, синий и жёлтые цвета...

По всей Москве они расклеили афиши, приглашавшие жителей в Политехнический музей на «исторический вечер Василия Каменского, который будет держать экзамен на **гения**». На вечере большинством голосов этот поэт и был признан «**гением**»!

А «футурист жизни» Вл. Гольшмидт пошёл дальше Каменского. Он, уже при Советской власти, привёз на извозчике на Театральную площадь постамент из фанеры и гипсовую фигуру, которую слепил с него скульптор В.А. Ватагин. В клумбе у Большого театра Гольшмидт начал рыть землю. К нему подошёл милиционер:

— Что вы здесь роете?

— Я ставлю себе памятник!

— Позвольте, а разрешение райсовета на этот памятник у вас есть?

— Искусство райсовету не подчиняется!

Фигура была поставлена, но на следующий день её сняли. Теперь она находится в Дарвиновском музее.

СТЫЧКА В. МАЯКОВСКОГО С «БУРЛЮКАЛОМ»

По Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества вольготно расхаживал мешковатый и короткопалый человек в сюртуке. Он что-то напевал себе под нос, высокомерно посматривая на всех через лорнетку одним глазом — другой у него был вставной. В.В. Маяковский (1893–1930) почувствовал к наглецу неприязнь и стал задира́ть его:

— Ну, что вы выпятили на меня ваши рачьи глаза? Я вот выверчу из вас ваше вставное «буркало»!

А тот отвечает спокойно:

— Не «буркало», а «бурлюкало»! Научитесь сперва говорить, молодой человек!

Назревал бой, но как-то всё обошлось мирно. Задиристые петухи познакомились. «Бурлюкало» оказался Давидом Бурлюком — поэтом, художником, мечтателем, как и Маяковский, о новом искусстве. Они подружились...

НАДГРОБНОЕ СЛОВО В. МАЯКОВСКОГО

Над могилой художника В.А. Серова говорили многие знаменитости. От имени Московского училища живописи, ваяния и зодчества речь держал воспитанник фигурного класса Владимир Маяковский. Он звал молодых мастеров кисти идти вперёд, искать новое, а не повторять то, что уже сделал покойный учитель.

Профессор Келин подошел к юному оратору и похвалил его:

— Я вам очень благодарен, что вы так хорошо отнеслись к Серову.

А Маяковский утешил своего ментора:

— Подождите, Пётр Иванович, мы вас еще не так похороним!..

ПОРТРЕТ, НАРИСОВАННЫЙ ПАЛЬЦЕМ

В 1913 году в петербургской квартире художника И.И. Бродского (1883–1939), на очередном четверге, собрались художники, чтобы рисовать портрет жены хозяина. В.В. Маяковский, одетый в свою знаменитую футуристическую жёлтую кофту, тоже принял участие в сеансе: взял лист бумаги, обмакнул палец в чернильницу и в несколько минут нарисовал портрет. Художники хвалили его.

III

РЫЖИЙ ПОП

И сегодня произведения итальянского композитора, скрипача, дирижера и педагога Антонио Вивальди (1678–1741) звучат на эстрадах всего мира. Нет ни одного крупного скрипача, в репертуаре которого не было бы сочинений Вивальди...

Получив клерикальное образование, композитор принял сан священника. Однако ревностного служителя церковного алтаря из него не вышло. Во время одной мессы ему пришла в голову заманчивая тема фуги. Оставив молебен, Вивальди ушел из алтаря в ризницу, чтобы записать мелодию. Фанатичные католики донесли инквизиции о кощунственном поступке «рыжего попа», но для смягчения вины назвали его сумасшедшим. Вивальди был лишен права служить мессу.

В 1703 году он снял с себя сан священника и поступил преподавателем в одну из венецианских консерваторий.

ЖАЛОВАНИЕ БАХА

Всю свою жизнь Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) терпел материальную нужду. Служа в Лейпциге кантором церкви Св. Фомы, композитор получал на свою многодетную семью содержание сто талеров и шестнадцать мер пшеницы в год!

Гениальное творение «Искусство фуги» не окупило даже расходов на его издание. Композитор не имел денег, чтобы заплатить за медные доски, на которых оно было выгравировано. Доски были проданы в лом.

ДЬЯВОЛ В ЦЕРКВИ

Бах любил пошутить. В одежде сельского школьного учителя он, например, появлялся в какой-либо отдаленной церквушке и просил здешнего органиста уступить ему место за инструментом. Своей дивной игрой пришелец приводил богомольцев в изумление.

Пораженный его искусством местный органист торжественно объявлял:

— Это играл либо Себастьян Бах, либо дьявол.

БАХ СЕРДИТСЯ

Иоганн Себастьян Бах не выносил фальши в исполнении музыкальных произведений. Однажды на репетиции органист Гёрнер взял неправильную ноту в аккорде. Бах-дирижёр рассвирепел, мгновенно сорвал со своей головы парик и швырнул его в лицо провинившемуся исполнителю. Этот энергичный жест композитор сопровождал криком:

— Сапожник!!! Вам бы только сапоги латать!!!

СЕКРЕТ МАСТЕРСТВА

Тем, кто восхвалял игру Иоганна Себастьяна Баха на органе, композитор досадливо отвечал:

— Это вовсе не удивительно. Надо только попадать пальцами на надлежащие клавиши, и тогда инструмент играет сам.

ГДЕ МОГИЛА ГЕНИЯ?

18 июля 1750 года Баха поразил инсульт, а 28 июля композитор скончался. Его похоронили на кладбище в Лейпциге, при церкви Св. Фомы, в которой он прослужил кантором 27 лет.

В начале XIX века в Лейпциге через кладбище прокладывали новую улицу. По этому случаю были убраны все надгробные камни и памятники. Магистраль этой улицы прошла как раз и через могилу И.-С. Баха. Так что теперь никто не может точно указать, где же покоятся остатки великого музыканта.

ПРЕТЕНЦИОЗНЫЙ ЮНОША

Любознательный юноша спросил Моцарта (1756–1791):

— Как сочинять симфонии?

Великий композитор ответил:

— Вы ещё молоды... Почему вы не начнете сочинять, например, баллады?

— Но ведь вы начали сочинять симфонии, когда вам не было еще и десяти лет?

— Да, но я ни у кого не спрашивал, как сочинять их!

«МОЗГОВЛАДЕЛЕЦ»

Своего младшего брата Иоганна Людвиг Ван Бетховен (1770–1827) недолюбливал. Будучи аптекарем, Иоганн скопил солидный капитал, купил имение и очень этим кичился.

На новый, 1823 год он послал старшему брату визитную карточку, на которой размашисто подписался: «Иоганн Ван Бетховен. Землевладелец».

На обороте этой карточки композитор написал: «Людвиг Ван Бетховен. Мозговладелец».

БРОДЯГА

Рассеянность Бетховена причиняла ему немало неприятностей. Во время летних прогулок он ложился отдохнуть в поле или лесу. Поднявшись, шёл дальше, позабыв взять снятые части одежды. Раз он таким образом оставил в поле сюртук с полным сбором со своего концерта.

В другой раз, глубоко погружившись в свои думы, Бетховен в растрепанном виде и без шляпы забрёл в городок Нейштадт вблизи Вены. Полисмены приняли его за бродягу, арестовали и посадили в тюрьму. К счастью, вскоре выяснили личность арестованного и освободили его.

ЛОШАДИНАЯ МУЗЫКА

Независимость характера Бетховена сказывалась и в его колких, саркастических ответах высокопоставленным особам.

Во время Венского конгресса (1815 год) эрцгерцог Рудольф поручил Бетховену написать музыку для карусели

при кавалерийской школе. Композитор ответил: «Я вижу, что ваше императорское высочество хотите испытать действие моей музыки и на лошадях. Ха, ха, ха! Я хохочу потому, что ваше императорское высочество вспомнили обо мне и при этом случае. Требуемая лошадиная музыка прибудет к вашему императорскому высочеству самым быстрым галопом».

И сам Бетховен не стал писать эту музыку. Её сочинил его ученик Мошелес.

ВЕНСКОЕ РАГУ

Вспыльчивость Бетховена часто доходила до скандальных трагикомических эксцессов.

Зашёл он однажды с приятелем в ресторан «Лебедь». Ему по ошибке подали блюдо, которое он не заказывал. На сделанное слуге замечание об этом, тот ответил грубостью. Бетховен мгновенно вспыхнул, выхватил спорное блюдо и вывалил на голову официанту. Руки виновника были заняты другими блюдами, и поэтому он вынужден был слизывать красный соус этого венского рагу языком, при этом громко ругаясь.

В ответ ему Бетховен ругался еще громче. Но скоро, поняв всю дикую смехотворность этой сцены, он разразился гомерическим хохотом. За ним захохотали и все посетители ресторана.

КОЗЛИНАЯ БОРОДА

Иногда Бетховен шутил зло и грубо. Одна поклонница гениального композитора обратилась к нему с просьбой — прислать ей на память прядь его волос. Он послал ей клочок... козлиной бороды.

КУЛАК, АДРЕСОВАННЫЙ БОГУ

Всю свою жизнь Бетховен оставался холостяком. Внешне был похож на представителя богемы. Не признавал над собой ничьей власти. Мятежный дух не покидал его до конца дней.

Почти вовсе оглохнув, он не слышал своей музыки даже при самом громком исполнении её большим оркестром. Но всё же чуть-чуть различал раскаты грома.

Перед последним вздохом он ещё раз бросил гордый вызов Богу: погрозил кулаком грому... и умер.

КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ В ЦЕРКВИ

Никколо Паганини (1782–1840) уже в юном возрасте начал изобретать новшества в игре на скрипке. В его время выдающиеся скрипачи давали концерты даже в церквях.

В 1805 году Паганини приехал в Лукку, где в монастырской церкви состоялось его выступление. Слушателей удивили и рассмешили необыкновенно толстые струны на его инструменте и неимоверно длинный смычок. Но феноменальная игра артиста столь поразила публику, что она неистовыми овациями перепугала монахов, которые увещевали её не осквернять святое место непристойными возгласами.

ИГРА НА ОДНОЙ СТРУНЕ

В Луке Н. Паганини некоторое время занимался педагогической деятельностью. Тогда же он выработал все свои виртуозные и колористические приемы игры. На придворном концерте он объявил, что будет играть только на струнах ми и ля. И исполнил свое новое сочинение «Любовная

сцена». Струна ми выражала чувства девушки, а ля — излияния ее обожателя. Необычный музыкальный диалог вызвал восхищение слушателей. Княгиня, восторгаясь услышанным, подзадорила Паганини:

— Не думаете ли вы, маэстро, что для вашего таланта достаточно и одной-единственной струны?

Это был вызов. Виртуоз, конечно, принял его. Через несколько недель он сочинил сонату «Наполеон» для струны соль и сыграл ее в очередном придворном концерте. С тех пор игра на одной струне соль стала вершиной его исполнительского мастерства.

СТРУНЫ ИЗ КИШОК ЖЕНЫ

Имя Паганини было окружено многочисленными фантастическими вымыслами, не имеющими ничего общего с действительными событиями биографии маэстро.

Одна из самых чудовищных фантазий рассказывает, будто струна «соль», из которой Паганини извлекал чудесные мелодии и пассажи, была сделана из кишок задушенной им его жены.

ШУТКА ВИЛЬОМА

Паганини владел богатейшей коллекцией струнных смычковых инструментов, но предпочитал играть на скрипке работы Джузеппе Гварнери дель Джезу (1698–1744).

Концертируя в Париже, композитор заметил, что скрипка нуждается в мелком ремонте. Он понес ее к своему другу Жану Батисту Вильому (1798–1875), безупречно имитировавшему смычковые инструменты знаменитых мастеров.

Когда Паганини пришел за своим «гварнери», Вильом вынес ему два совершенно одинаковых инструмента и сказал:

— Бери свой...

Ни по виду, ни по звуку Паганини не мог отличить, какой же подлинный «гварнери», а какой поддельный.

Натешившись шуткой, Вильом указал Паганини его инструмент, а имитацию подарил другу на память...

КОРРЕКТНЫЙ ОТВЕТ

Совершая турне по Европе в 30-х годах прошлого века, Паганини выступал и в Варшаве. Его успех уязвил тамошнего кумира, скрипача Кароля Липиньского (1790–1861).

На обеде, данном одним магнатом в честь Паганини, последнему в бестактной форме задали вопрос:

— Кто, по вашему мнению, в настоящее время является лучшим скрипачом в мире?

Щадя самолюбие Липиньского, Паганини корректно ответил:

— Кто лучший скрипач в мире, я действительно не знаю, но, бесспорно, после него первый — Липиньский...

КРАХ КРУПНЕЙШЕГО АКЦИОНЕРА

Трагический конец жизни Н. Паганини обусловила лихорадка наживы, охватившая весь мир в период бурного развития капитализма. Она не миновала и жрецов высокого искусства, нередко превращая их в торгово-промышленных и финансовых дельцов. Их увлечение не своим делом объяснялось еще и тем, что артистическая карьера не приносила им достаточных для жизни средств.

«Друзья» Паганини, обуянные страстью стяжательства, втянули его в пагубную аферу, намереваясь использовать его капитал и авторитет для открытия в Париже «Казино Паганини».

Доверчивый маэстро мечтал, что это предприятие станет центром пропаганды музыки, живописи, поэзии и других высоких искусств. И поэтому, приняв предложение хитрецов, он приобрел наибольшую часть акций этого общества. А коварные друзья, алкавшие быстрого и лёгкого обогащения, превратили это казино в самый гнусный игорный дом в городе!

Французские законы того времени запрещали игорные заведения — потому 31 января 1838 года «Казино Паганини» было закрыто и опечатано. Разгорелся скандал! «Друзья» немедленно «испарились», а крупнейшего акционера общества Паганини суд приговорил к уплате огромной суммы кредиторам. А до уплаты её великому артисту грозило заключение в долговую тюрьму. Это окончательно подорвало его здоровье.

Судебный процесс по «Делу Паганини» тянулся до последнего дня жизни гения. И только смерть спасла Паганини от окончательного позора и тюрьмы.

ЗАВЕЩАНИЕ ПАГАНИНИ

В завещании Паганини между прочим написал: «Я запрещаю устраивать мне пышные похороны, не хочу, чтобы артисты исполняли реквием... Мою скрипку я завещаю городу Генуе, где она должна храниться вечно».

СКИТАНИЯ

Николо Паганини умер 27 мая 1840 года. Возле него лежала его любимая скрипка...

За вероотступничество музыканта церковники приказали положить его набальзамированное тело в госпиталь для прокаженных в городке неподалеку от Ниццы. Веря в легенду, что покойный когда-то продал душу черту за секрет волшебной игры на скрипке, обитатели городка жаловались начальству, что по ночам дьявольские звуки этого инструмента не дают им покоя...

Между гражданскими и духовными властями Ниццы и Генуи четыре года шли споры и переговоры о перенесении праха Паганини на родину, в Геную, для погребения.

В генуэзском порту запаянный свинцовый гроб с останками Паганини таможенные чиновники вскрыли и обыскали.

И впоследствии в течение полувека гроб много раз вскрывали и переносили в разные места. В 1876 году его захоронили на кладбище Пармы. В 1896 году старое кладбище Пармы закрыли, а прах Паганини опять перенесли на новое кладбище. Там он покоится и ныне.

«ВЫБРОСИТЬ ИЗ ОКНА САМОГО!»

Джоакино Антонио Россини (1792–1868) начал свою музыкальную деятельность в неаполитанском театре «Сан-Карло».

Композитор отличался редчайшим трудолюбием: он писал по 2–4 оперы в год, каждую из которых можно отнести к настоящему искусству.

Деспотичный директор «Сан-Карло» потребовал от Россини срочного создания увертюры к опере «Отелло». Ком-

позитора буквально силой заперли в комнатухе, поставили тарелку со спагетти и пригрозили никуда не выпускать, пока не напишет последнюю ноту увертюры. Россини быстро справился с заданием.

А увертюру к опере «Сорока-воровка» Россини сочинял в день ее премьеры, тоже сидя в «заточении». Директор театра приказал четырем механикам сцены зорко следить за композитором и выбрасывать через окно сочиненные ноты — переписчикам для копирования. В приказе директора значился и такой пункт: «В случае отсутствия нотных листов — выбросить из окна самого Россини».

ШУМ — СТИМУЛ ТВОРЧЕСТВА

В творческой биографии Россини было много невероятного. Он мог сочинять необыкновенно легко, быстро и в любой обстановке. Шум не только не мешал, а, наоборот, как бы вдохновлял его. Работая, например, над оперой «Золушка», он умолял своих друзей шуметь возле него как можно дольше.

— Если вы уйдете, — убеждал он их, — у меня не будет стимула и поддержки...

И друзья от души «стимулировали» его: орали песни и арии во весь голос.

АРИЯ ИЗ ОДНОЙ НОТЫ

В опере Россини «Кир в Вавилоне» одну из партий исполняла бесталанная артистка. Россини проверил ее голос и нашел, что певице под силу лишь единственная нота си-бемоль первой октавы. Он сочинил для нее арию, в которой

надо было тянуть только эту ноту. Остальное дополнил оркестр.

Однотонная ария произвела на публику большое впечатление. Исполнительнице бурно аплодировали.

«ЧЬЕ БЫ ЭТО МОГЛО БЫТЬ?»

Франц Шуберт (1797–1828) начал сочинять музыку с 13 лет. Творил он вдохновенно и быстро. Писал на попавшихся под руку клочках бумаги. Никогда не исправлял первоначальных набросков.

Проживая у своего друга, певца Фогля, Шуберт набросал новую песню на клочке бумаги и ушел на прогулку.

Явился переписчик нот. Фогль дал ему шубертовские черновики. Наутро были готовы беловые копии. Фогль позвал автора:

— Пойдемте-ка к фортепиано, прорепетируем.

Когда исполнили песню, Шуберт сказал:

— Это неплохо... Чье бы это могло быть?!

А это была вчера им написанная песня «Несчастный».

ЗАХРЕБЕТНИКИ ШУБЕРТА

Франц Шуберт в обыденной жизни был непрактичен, как ребенок, и потому испытывал нужду даже тогда, когда находился в зените славы.

Музыкальный директор Вены Лахнер взял у него собрание прекрасных песен и предложил их одному издателю. Лукавый скряга ответил:

— Даю за них самое большее 15 гульденов.

— Добавьте еще хоть пять!

— Никогда! Песни Шуберта не идут...

Спустя 15 лет после смерти Шуберта бессовестный издатель заказал Ференцу Листу (1811–1886) обработку этих песен для фортепиано. Встретив того же Лахнера, он похвалился:

— Вы не можете себе представить, как хорошо идут эти переложённые для фортепиано шубертовские песни! Но я должен уплатить за них Листу 500 гульденов!

БЕРЛИОЗ НА ЭКЗАМЕНЕ

Гектор Берлиоз (1803–1869) начал приобщаться к музыке с двенадцати лет. Мальчик быстро овладел чтением нот с листа. А играть научился только на флажолете, гитаре, флейте. Да и то посредственно. На фортепиано не играл вовсе.

Покинув родной городок Ла-Кот-Сент-Андре, 24-летний Берлиоз в поисках работы очутился в Париже. Его пригласили участвовать в конкурсе басов для поступления в хор. На конкурсе произошел любопытный диалог.

— Что вы принесли?

— Я? Ничего.

— Как ничего?! А что же вы будете петь?!

— Боже мой! Да все, что вы пожелаете! Нет ли здесь какой-нибудь партитуры, сольфеджио, тетради вокализов?

— Ничего такого нет. Но вы же не поете с листа?

— Спою с листа все, что предложите.

— Не сможете ли спеть что-нибудь на память?

— Да, я знаю на память оперы — «Данаиды», «Стратонику», «Весталку», «Кортеса», «Эдипа», две «Ифгении», «Орфея», «Армиду»...

Довольно! Довольно! — вскричал экзаменатор. — Черт побери, что за память! Ну, раз вы такой, спойте нам арию из «Эдипа» Саккини «Она расточала мне...».

— С удовольствием.

И Берлиоз под аккомпанемент скрипки отлично исполнил эту арию и был зачислен в хор.

ЯДОВИТАЯ ОЦЕНКА

Директор Парижской консерватории Л. Керубини написал бледную и бессодержательную оперу «Али-Баба». На первое представление её пришел и Гектор Берлиоз. Он тщетно ожидал чего-нибудь выдающегося в этом произведении, но не дождался. Не сдержав своего негодования, он в конце первого акта сказал:

— Плачу 20 франков за мысль!

В середине второго акта предложил прибавку:

— Даю 40 франков за мысль!

В начале финала снова вскрикнул:

— Даю 80 франков за мысль!

По окончании оперы Берлиоз встал с кресла со словами:

— Нет, я не настолько богат! Сдаюсь!

И ушел. Злыми глазами проводили его ученики консерватории, вынужденные восхищаться произведением своего директора.

САМ СЕБЕ ХИРУРГ

Летом 1827 года Гектор Берлиоз зарабатывал хлеб насущный пением в оперном хоре. Готовясь к конкурсу композиторов, он тяжело заболел ангиной, которая грозила ему смертью. В квартире он оставался один. Помощи ждать было неоткуда.

Когда боль в горле стала невыносимой, он отчаянным ударом перочинного ножа проколол ангинозный нарыв. Эта операция спасла его.

СКРОМНОСТЬ МЕНДЕЛЬСОНА

Перед самым исполнением произведений Мендельсона (1809–1847) в Гевандхаузе раздатчик нот увидел, что забыли партию фортепиано. Мендельсон взялся сыграть её наизусть. А чтобы публика не заметила его превосходства перед другими музыкантами, он поставил на пульт попавшиеся на глаза другие ноты и, играя, смотрел на них и даже перевёртывал листы.

БРАК ПО СУДУ

Роберт Шуман (1810–1856) и Клара Вик (1819–1896) самоотверженно любили друг друга. История их любви полна драматических перипетий. Упрямый, деспотичный отец Клары ни за что не хотел допустить брака с необеспеченным музыкантом. Фридрих Вик увозил дочь в другие города, устанавливал строжайшую слежку за каждым ее шагом, категорически запрещал Роберту приближаться к его, Вика, дому.

Молодые люди были вынуждены обратиться в суд. Но Фридрих Вик затянул разбор дела на тринадцать месяцев. На суде он беспардонно оклеветал Роберта. Мендельсон, Давид и другие крупные музыканты мужественно защищали невинного друга. Суд разрешил брак. И 12 сентября 1840 года молодые страдальцы обвенчались в маленькой церквушке недалеко от Лейпцига.

ПАГУБНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Готовясь к карьере пианиста-виртуоза, Роберт Шуман занимался игрой на фортепиано дни и ночи. Для развития беглости пальцев приобрел немую клавиатуру, с которой не

расставался даже в поездках в экипаже и железнодорожном вагоне. Мало того — придумал особый механизм, который должен был помочь выработать невиданную технику игры.

Свое изобретение Шуман хранил в тайне от окружающих его близких людей. Запершись в комнате, он упражнялся на этом механизме: один конец бечевки привязывал к потолку, а другой — к третьему пальцу правой руки, чтобы он оставался приподнятым в то время, когда остальные пальцы играли самые трудные пассажи. Неестественное, напряженное положение привязанного пальца привело к растяжению сухожилия. Этот палец утратил способность двигаться. Вскоре то же самое случилось и со всей рукой. Лечение мало помогло. Восстановить подвижность руки пианисту не удалось. От мечты стать виртуозом пришлось отказаться навсегда.

ВСТРЕЧА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

От посетителей, мешавших ему работать, Р. Шуман избавлялся двумя способами: или запирался в своей комнате, или, завидев их, скрывался где-нибудь.

Друг его Крэген приехал однажды в Дрезден из другого города, чтобы повидаться с ним. У самого дома композитора гость услышал звуки фортепиано. Дернул ручку звонка — дверь не открылась. Дернул второй раз — не открылась. Зато распахнулось маленькое окошко, из которого выглянул Шуман, ласково кивнул другу и сказал:

— А, Крэген, это Вы? А меня нет дома!

Закрыв окошко и исчез.

Друзья так и не встретились в тот раз...

СЛЕЗЫ МАЛЕНЬКОГО ФРЕДЕРИКА

Трехлетний Фредерик Шопен (1810–1849) при звуках фортепиано заливался слезами. Первоначально его родители и сестры предполагали, что мальчик не терпел музыки. Но вскоре они убедились в обратном: слезы были вызваны сильным эмоциональным восприятием музыки.

Мать Фредерика, Юстина, работала воспитательницей в пансионе. На уроках танцев она играла на фортепиано, а иногда и подпевала. В эти минуты Фредерик не отходил от инструмента. Наслушавшись танцевальной музыки, он как-то ночью пробрался в гостиную и воспроизвел на рояле все, что играла мать в пансионе. Когда она уносила его из холодной гостиной, он умолял:

— Мама, не сердись на меня. Я ведь играл это затем, чтобы заменять тебя, когда ты устанешь.

НОВЫЙ ВОРОТНИЧЕК

Во дворе магната Радзивилла давали большой концерт артистические звезды Варшавы. Наравне с ними выступал и восьмилетний Фредерик Шопен.

Мать сшила ему новый воротничок, который мальчик, готовясь к концерту, тщательно примеривал.

Игра юного пианиста вызвала общий восторг. После концерта мать спросила Фредерика:

— Что больше всего понравилось публике?

— Знаешь, мама, все смотрели на мой воротничок.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Отец Шопена содержал пансион. Когда в его отсутствие воспитанники бедокурили, гувернер просил Фреде-

рика унять проказников. И Шопен придумал остроумное и полезное средство. Он приводил ребят в гостиную и импровизировал им на фортепиано «неслыханно интересную историю» о грабителях и разбойниках: как они забирались через окна в богатые дома, как убегали от преследователей в дремучие леса, как делили добычу, а затем, утомленные, засыпали в тихую ясную ночь.

Незамысловатую фантазию Фредерик иллюстрировал фортепианной игрой, завораживающей сорванцов. Под конец рассказа рояль звучал все тише и тише, убаюкивая пансионеров и самого гувернера...

Как в пансионе, так и позже в Варшавском лицее Шопен «пересказывал» товарищам разные истории тоже при помощи фортепиано.

Это были незабываемые уроки...

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

Фредерик Шопен умер в Париже 17 октября 1849 года и похоронен на кладбище Пер-Лашез. Сердце композитора, по его завещанию, в серебряном сосуде было перевезено в Варшаву и хранилось в костеле Св. Креста. Во время фашистской оккупации польской столицы патриоты прятали эту реликвию вплоть до освобождения Польши Советской Армией.

В 1945 году в день годовщины смерти Шопена, сердце его было торжественно возвращено на прежнее место.

НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ

Ференц Лист (1811–1886) в 1841 году дал в Берлине 21 концерт. Это был неслыханный триумф величайшего ком-

позитора и пианиста. При отъезде его из города улицы, по которым он следовал, были запружены людьми, желавшими еще раз взглянуть на триумфатора. Тысячеголосый хор пел ему «Многая лета».

Увидев это торжество, король и королева, совершавшие прогулку, вознегодовали от того, что «какому-то музыканту» народ оказывает почести гораздо больше, чем им.

ЧУДО СПАСЛО СКИТАЛЬЦА

Почти всю жизнь Рихарда Вагнера (1813–1883) преследовала материальная нужда. За неуплату долгов ему даже довелось сидеть в тюрьме. Скрываясь от кредиторов, композитор скитался по всей Европе.

В Штутгарте в мае 1864 года он остановился в гостинице и узнал, что какой-то человек из Мюнхена упорно добивался свидания с ним. Предвидя беду, должник не спал всю ночь.

Это был королевский секретарь, который наутро передал ему портрет, бриллиантовый перстень и письмо короля Баварского Людвига II. Это чудо и спасло скитальца, который в тот же день уехал на службу в Мюнхен.

Король, высоко ценивший музыку Вагнера, покрыл все его долги, назначил ему ежегодное жалование 8 000 гульденов, соорудил роскошный дом в Мюнхене и виллу на Штарнбергском озере, вблизи королевского замка.

Долги Вагнера к тому времени составляли 40 000 гульденов. Эти деньги в виде мелкой серебряной монеты были погружены на воз, который в торжественной процессии проследовал по всем улицам Мюнхена к дому композитора.

ДО, КОТОРОЕ ПЛАЧЕТ

Музыкальные способности Шарль Гуно (1818–1893) начал проявлять рано. Мать ребенка была преподавательницей музыки. Еще не научившись говорить, маленький Шарль уже получил ясное и точное представление об интервалах, интонациях, мажоре и миноре. Услышав, как за окном кто-то пел песню в миноре, мальчик закричал:

— Мама, почему он поет до, которое **плачет**?

С раннего детства Шарль Гуно имел изощренный слух. Как-то проверяли его музыкальные способности. Поставив мальчика в угол комнаты, брали на фортепиано аккорды, делали модуляции и спрашивали:

— А теперь в какой тональности я играю?

И Шарль ни разу не ошибся. А было ему тогда только шесть лет.

«ДИТЯ МОЕ, БУДЬ МУЗЫКАНТОМ!»

Мать Шарля Гуно ни за что не хотела видеть сына музыкантом. Музыка плохо «кормила». Четырнадцатилетний Шарль учился в лицее. Директор лицея успокоил госпожу Гуно:

— Не беспокойтесь, ваш сын не будет музыкантом. Даю вам слово добиться этого.

И вызвал к себе Шарля:

— Ты хочешь стать музыкантом?

— Да, мосье.

— Брось думать об этом. Музыка не дает положения в обществе.

— Как, мосье? А Моцарт, Россини?

— Ах, вот о чем ты думаешь! Ну ладно, посмотрим, способен ли ты стать таким музыкантом.

Он написал на листе бумаги стихи и подал Шарлю:

— Возьми это с собой и напиши музыку на эти слова.

К следующей перемене романс был написан. Гуно принес его директору:

— Мосье, романс готов.

— Как? Уже?!

— Да, мосье.

— Ну-ка, покажи, спой!

— Но, мосье, мне нужно фортепиано, чтобы сыграть аккомпанемент!

— Нет, нет, не нужно, я могу обойтись без фортепиано.

— Но я не могу без него обойтись для моих гармоний.

— Гармоний?! Каких гармоний?! Да где же твои гармонии?

— Тут, мосье, — ответил Гуно, указывая пальцем на свой лоб.

Шарль спел романс. Потом директор повел его к фортепиано. Гуно повторил свое сочинение под аккомпанемент. И директор расплакался, обхватил руками голову автора, расцеловал его и сказал:

— Дитя мое, будь музыкантом!..

КОРОЛЯ ВАЛЬСОВ АРЕСТОВАЛИ

Молодой Иоганн Штраус-сын (1835–1899) терпел большие убытки, концертируя с оркестром в австрийском городе Бреслау. Чтобы поправить дела, музыканты перебрались в Варшаву, которая входила тогда в состав Российской империи. По неопытности и беспечности оркестранты не оформили паспорта на право въезда в Россию.

На границе всех музыкантов высадили из дилижанса, арестовали и заперли в сарае. А Штраус держал ответ перед комендантом города, генералом Абрамовичем, который принял оркестрантов за мятежных польских студентов. Строгость Абрамовича усилилась еще и тем, что в те дни в Варшаве находилась царская семья.

Штраус изо всех сил пытался доказать свою благонадежность, просил дать ему возможность доказать её. Тогда Абрамович распорядился привести музыкантов в комендатуру, посадил их за решетку, где они и дали ему одному концерт. Оркестранты тянулись изо всех жил, чтобы понравиться генералу. Тот расчувствовался и сказал:

— Тонко сделано, очень тонко... А всё-таки меня вы не проведёте: все Вы проходимцы! Поэтому долой отсюда да подальше!

Но о Штраусе услышала царица и приказала своей челяди пригласить венского маэстро на концерты для придворной знати. Выступления оркестра очаровали публику. А сам Абрамович превратился в дальнейшем в покровителя Иоганна Штрауса.

РУКА ЖЕНЕВЬЕВЫ

Пианист и композитор Жорж Бизе (1838–1875) любил дочь Галеви Женевьеву и хотел на ней жениться. Но Галеви к тому времени умер, а его жена воспротивилась браку дочери с композитором. Принадлежа к семье богатого судовладельца и банкира, она полагала, что человек зарабатывающий средства к жизни своим трудом, не достоин руки Женевьевы. И лишь в 1869 году Жорж Бизе, уже известный всему миру автор знаменитых опер, смог получить руку Женевьевы.

НАИБОЛЕЕ СМЕЛЫЙ ВИРТУОЗ

В эпоху возрождения расцвели все искусства Италии. На склоне холма Монте-Пинчио в Риме кардинал Александр Медичи (он же позже папа Лев XI) построил себе дворец, известный в истории под названием Виллы Медичи.

Наполеон основал в ней отделение Французской Академии искусств. Туда посылались для усовершенствования молодые живописцы, скульпторы, архитекторы и музыканты, получившие на ежегодном конкурсе Академии Большую Римскую премию.

Лауреаты в течение нескольких лет изучали творения великих мастеров искусств, создавали свои произведения, путешествовали по достопримечательным местам Италии...

Жорж Бизе, окончив Парижскую консерваторию в возрасте 19 лет, приехал на Виллу Медичи вместе с другими стипендиатами...

* * *

Вернувшись из Рима в Париж, он попал на вечер к своему учителю, композитору Галеви, где исполнил на рояле с листа незнакомую ему сложнейшую партитуру. «Король пианистов» Ф. Лист, прослушав Бизе, воскликнул:

— Я думал, что только два человека могут справиться с теми трудностями, которыми я начинил эту фортепианную пьесу (Лист намекал на себя и на своего ученика Ганса Бюлова. — *А.Т.*). Я вижу, что ошибся. Нас трое. И ради справедливости я должен добавить: младший из нас троих — наиболее смелый и блестящий виртуоз.

ТЯЖЕЛОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

2-го июня 1875 года в Комической опере Парижа шла «Кармен». Главную партию пела первая и лучшая исполнительница её Галли-Марье. В этот вечер артистку томило тяжёлое предчувствие. Она не находила себе места. В ответ на попытки успокоить её она разрыдалась.

И в тот момент, когда Хозе на сцене нанёс Кармен смертельный удар, — в Буживале умер Жорж Бизе.

УРОК ГЕРЦОГИНИ ГРИГУ

Верный демократическим идеалам Эдвард Григ (1843–1907) никогда и никому не льстил, ни перед кем не унижался.

Во время гастролей великого композитора в Германию герцог одного небольшого немецкого государства любезно пригласил его к себе. Завязался непринужденный разговор. Прервав его, герцог преподнёс Григу орден, надеясь, что тот сочтёт это для себя великой честью и ответит дифирамбом. Но музыкант, процедив сквозь зубы «благодарю вас», небрежно сунул орден в карман и продолжил прерванную беседу. Присутствовавшие замерли в тягостном молчании, из которого их вывела герцогиня. Подойдя к гостю, она с улыбкой сказала:

— Мой дорогой господин Григ! Разрешите мне показать вам, как носится этот орден!

И сама приколола побрякушку к фракку композитора.

МОГИЛА В СКАЛЕ

В Норвегии, вблизи Тролляхаугена, на берегу фиорда, в скале над озером, была высечена могила. Эдвард Григ завещал похоронить его в ней. На скале сделали надпись:

«ЭДВАРД ГРИГ».

А когда скончалась его жена Нина, замечательная певица, надмогильную надпись изменили:

«ЭДВАРД И НИНА ГРИГ».

СРЕДСТВО ПРОТИВ ЕЖОВЫХ РУКАВИЦ

Всемирная известность и богатство не изменили нрава композитора Пуччини (1858–1924). Он по-прежнему оставался «простым», земным и демократичным человеком. В кругу приятелей развлекался разными шуточными затеями и проказами. Такое поведение маэстро огорчало его красивую и нестерпимо ревнивую жену Эльвиру. Она старалась держать мужа в «ежовых рукавицах», запрещала ему якшаться с бездельниками, настойчиво требовала от него постоянного творчества. Ей доставляло большую радость слушание музыки, доносившейся из кабинета Пуччини.

Жёсткий семейный режим надоедал композитору. Чтобы обмануть бдительность жены и продолжать общение с весёлыми приятелями, он прибег к хитрости: нанимал пианиста, который наигрывал отрывки из его опер, а сам уходил из дома. Эльвира была довольна, думая, что муж усердно трудился.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПНЕ

Ещё ребёнком Густав Малер (1860–1911), забыв обо всём окружении, по несколько часов сживал, о чём-то размышляя. Однажды отец взял его в лес на прогулку. Посадил сына на пень, а сам ушёл бродить... Вернувшись через

несколько часов, он увидел мальчика сидящим в прежней позе.

Из глубокой задумчивости маленького Густава мгновенно выводила только музыка.

ГОЛОСА ПРИРОДЫ

Тончайший слух Малера улавливал все голоса природы. Композитор учил: «Вероятно, мы все берём первичные ритмы и темпы у природы. В каждом зверином крике они уже даны нам во всей своей выразительности. Ведь любой человек, а в особенности художник лишь в окружающем мире заимствует всякую материю и всякую форму — конечно, совсем в другом, более широком смысле».

Потому-то в симфониях Малера и слышатся кукование кукушки, крики кур, петухов, павлинов, вороний грай и другие голоса природы.

КОНЦЕРТЫ НА ПРИРОДЕ

Ян Сибелиус (1865–1957) в юности мечтал о карьере скрипача-виртуоза. Поэтому с пятнадцати до двадцати пяти лет он играл на скрипке ежедневно с утра до позднего вечера. Леса, горы, реки, озера, звери и птицы родной страны были источником его вдохновения.

Уходя летом на прогулку на лоно природы, Ян Сибелиус брал с собой скрипку, разыскивал на берегу озера большой плоский камень, становился на него, будто на эстраду, и играл целый концерт...

А то, бывало, устанавливал парус на лодке и, стоя на ее носу, плыл по озеру, импровизируя на скрипке...

Прогулки обогащали Яна Сибелиуса яркими впечатлениями, которые находили отражение в его музыкальном творчестве.

«БАРЫНЯ»

В первой четверти XIX века по рынкам Петербурга бродил худощавый старик. Это был композитор и бывший придворный капельмейстер Осип Антонович Козловский (1757–1831), автор 79 полонезов и в их числе «Гром победы, раздавайся...» на слова Державина.

Предполагают, что и знаменитый полонез «Прощание с родиной» был написан не без участия Козловского, который учил композиции Михайла Огинского.

Осип Антонович с гусями в руках любил бывать среди людей, слушать и записывать народные песни. Музыку популярнейшей русской плясовой «Барыни» на слова Нелединского-Мелецкого (1752–1819) написал тоже он.

ЗА ДВЕ ПОЩЁЧИНЫ

Жизнь Александра Александровича Алябьева (1787–1851) — сплошная трагедия. Первопричина ее — нелепый случай. В 1825 году у композитора в Москве гостили воронежский помещик Времев и отставной майор Глебов. Первый из них проиграл второму крупную сумму денег в карты. Но не уплатил её. Алябьев уговаривал Времева поступить честно, но тщетно. Композитор не сдержался и нанёс игроку две пощёчины.

Времев уехал в деревню и там скончался от апоплексического удара. Заварилось громкое дело об убийстве Времева, в разбор которого были втянуты даже цари — Александр Пер-

вый и Николай Первый. Алябьева и посетителей его квартиры в тот злосчастный день арестовали и предали суду.

В итоге композитора признали виновным «в допущении запрещённой игры, побоев и пьянства». Его приговорили к лишению знаков отличия, чинов, дворянства и ссылке в Сибирь.

Почти три года длился следственно-судебный процесс. Александр Александрович томился в сырой камере полицейского дома. Правда, ему разрешили иметь фортепиано. В эти годы он создал многие свои произведения и между прочим знаменитого «Соловья» (на слова А.А. Дельвига), который вскоре облетел весь мир.

По иронии судьбы — ссылку А.А. Алябьев отбывал в Тобольске, где его отец служил начальником губернского правления. До последнего дня своей жизни знаменитый композитор так и не смог скинуть с себя арестантское ярмо.

СОЛОВЕЙ-БЛАГОВЕСТНИК

Описание обстановки, в которой появился на свет Михаил Иванович Глинка (1804–1857), напоминает страницу из волшебной сказки.

Под окном спальни его матери росло раскидистое дерево. Когда послышался крик новорожденного, с этого дерева донеслась звонкая трель соловья, как бы предвещающая, что младенцу суждено стать «соловьём» русской классической оперы.

Вспоминая об этом впоследствии, отец композитора, недовольный сыном, оставившим службу в учреждении, сердито ворчал:

— Недаром при его рождении у окна запел соловей: вот и вышел скomorox...

ЛЮБВЕОБИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

С раннего детства и до самой смерти Михаил Иванович Глинка был глубоко религиозным человеком. Он умер, держа в руках образок, которым когда-то благословила его мать.

* * *

Маленький Миша любил рисовать мелом церкви на полу комнаты. Будучи кротким ребёнком, он поднимал бунт, если кто-нибудь наступал на его рисунки, топал ножками, сжимал кулачки и сквозь слёзы верещал:

— На церковь наступили!

* * *

Жалостливость мальчика к животным доходила до смешного. Он не мог без возмущения видеть, когда кто-нибудь давил муху, комара или другое насекомое.

* * *

Его бабка, помещица крутого характера, часто ругала прислугу. Мише не выносил этого: убегал к любимой няне, падал ей на грудь и неутешно плакал.

ВИНО ИЗ БАШМАЧКА ЛЮБИМОЙ

Сестра Михаила Ивановича Глинки — Пелагея Ивановна выходила замуж. На свадебный пир понаехало множество гостей. Восемнадцатилетняя миловидная дочка помещика Ушакова приглянулась Михаилу — и он выкинул удививший всех фортель: подошёл к девице, опустился

перед ней на колени, снял с её ноги башмачок, налил в него шампанское и выпил за здоровье красавицы.

БАЛЫ ДЛЯ КРЕПОСТНЫХ

Михаил Иванович Глинка яростно ненавидел крепостное право. К своим крестьянам он относился в высшей степени гуманно, всегда и охотно выслушивал их суждения, проникался духом простонародного поэтического творчества, так благотворно отразившегося на его музыке.

Возвращаясь из-за границы или Петербурга в село Новоспаское, он каждый раз устраивал для крепостных угощение и балы.

Тесное общение с народом доставляло ему большую радость.

«СВЕТРИЛО»

Для набора голосов в придворную капеллу Михаил Иванович Глинка приехал на Украину. Тут он между прочим нашел редкого певца, а затем композитора Семёна Степановича Гулака-Артемовского (1813–1873).

Показывая Глинке вокальное искусство, Гулак пропел ему свой коронный номер «Погасло дневное светило». Михаил Иванович восхитился сильным и свежим басом, но его шокировала странная дикция певца: вместо слова «светило» он пел «светрило», что смешило слушателей.

А генерал Миллер, живший над квартирой Степанова, у которого остановился в Петербурге Гулак, дивился могучему голосу:

— Какая это пушка вчера у вас ревела?!

«БУШМАК», «САМЫВАР», «ПУМАДА»

Михаил Иванович Глинка отлично владел многими европейскими языками и в то же время никак не мог освободиться от таких грубых смоленских диалектизмов, как «бушмак», «самывар» и «пумада» и т.д.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДЕЛИКАТЕСЫ

К временно проживавшему в Милане Михаилу Ивановичу Глинке заехал его друг Ф.М. Толстой. Композитор повёл его обедать в лучший ресторан, чтобы угостить здешними деликатесами — полентой, фритурой и фрикасе из лягушек.

Толстой и не прикоснулся к этим яствам, а Глинка уписывал их за обе щеки. Запивая лягушек белым вином, он приговаривал:

— Что, брат, это небось не по-русски?! Не извольте гузыниться: со своим уставом в чужой монастырь не ходят!

ПТИЧИЙ АККОМПАНИАТОР

Пришлось Михаилу Ивановичу Глинке гостить у своего одинокого друга и врача Л.А. Гейденрейха, страстного любителя певчих птичек. В его кабинете порхали более тридцати пернатых питомцев. Среди них были и соловьи. Птички до того привыкли к хозяину и его гостю, что смело садились к ним на головы, руки и плечи.

Оставаясь один в квартире, Глинка растягивался на ковре, а вокруг рассаживались его голосистые друзья. А когда композитор играл на рояле, они, точно соревнуясь, заливи-

сто вторили ему. Казалось и то, что будто он аккомпанировал их звонкоголосому хору...

В Петербурге Глинка и его сестра Людмила Ивановна занимали обширную квартиру с двумя просторными кабинетами. На полу одного кабинета, усыпанном песком, были расставлены деревца, на которых жили птички, штук сорок. Эти причуды поразили посетившую Глинку певицу Дарью Михайловну Леонову. Михаил Иванович разъяснил ей:

— Я устроил это для того, чтобы птички наводили меня на новые сочинения. Мне довольно одного чириканья какой-нибудь птички, чтобы создать из этого целую музыкальную фантазию.

«ЛИНОЧКА-ГЛИНОЧКА»

Полюбилась Михаилу Ивановичу Глинке очень симпатичная воспитанница театральной школы Линочка. К несчастью, она очень плохо пела. На этот её недостаток Михаилу Ивановичу указывали его доброжелатели. А он добродушно отшучивался:

— Мы созданы друг для друга: она — Линочка, а я — Глиночка.

Прятели так и прозвали композитора — «Линочка-Глиночка»!

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Николай Первый летом 1949 года находился в Варшаве. Комендант его квартиры А.Н. Астафьев был поклонником мастеров искусств. Однажды у него собралась вся придворная знать. У окна одиноко сидел невзрачный человек.

Астафьев попросил тенора П.С. Степанова спеть что-нибудь.

— А кто будет аккомпанировать? — спросил артист.

Хозяин кивнул головой на маленького человека, который нехотя поклонился и сел у рояля:

— Что же мы будем петь?

— Я очень люблю музыку Глинки. Только аккомпанемент труден, а я нот не захватил с собой.

— Я тоже люблю музыку Глинки. А с аккомпанементом мы как-нибудь справимся. Но что же вы хотите петь?

— «Жаворонка».

Аккомпанемент удивил Степанова:

— Так мне еще никто не аккомпанировал!

— А спойте еще что-нибудь Глинки!

Артист исполнил «Не называй её небесной». Аккомпаниатор встал и, улыбаясь, протянул ему обе руки:

— Очень, очень хорошо! А теперь позвольте мне рекомендоваться: я — Михаил Иванович Глинка, автор «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы».

Степанов остолбенел, а за его спиной загредел хохот слушателей.

«ШАПКУ ДОЛОЙ»

В 1849–1851 годах М.И. Глинка проживал в Варшаве. Царским наместником в Польше в те годы был знаменитый и грозный генерал-фельдмаршал Иван Фёдорович Паскевич. Он издал приказ: под страхом гауптвахты — снимать перед ним шапки.

Глинка с товарищем — португальцем Дон Педро не слышали об этом приказе. Прогуливаясь по главной улице Варшавы, они встретились с коляской, в которой ехал Паскевич под конвоем казаков. Он крикнул кучеру:

— Стой!

И набросился на Дон Педро:

— Знаешь кто я?! Шапку долой!!!

Дон Педро молчал, вытаращив глаза. Глинка назвал своего спутника.

Паскевич к нему:

— А ты кто такой?!

— Я — Глинка.

— Ах, Боже мой! Так это вы, Михаил Иванович?! Вообразите, не узнал!! Садитесь с этим шутом ко мне в коляску и отобедайте у меня, покорно прошу!

Паскевич уважал Глинку и любил его музыку.

СВЕТЛЕЙШИЙ ВАРВАР

Многие дремучие невежды из «высшего русского света» не понимали гениальную музыку М.И. Глинки, обзывая её кучерской, пахнувшей мужицкими онучами и тому подобными оскорбительными словами.

Грубейший солдафон, великий князь Михаил Павлович, наказывал офицеров за провинности тем, что посылал их не на гауптвахту, а в Большой театр прослушать оперу «Руслан и Людмила».

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ ПИЛЮЛИ

М.И. Глинка страдал болезненной мнительностью, часто доходившей до смешного. Если он чувствовал пустяшную боль, то воображение рисовало ему настоящие «страсти-мордасти».

Был случай, когда он послал слугу к своему другу и врачу Гейденрейху и велел передать тому, что у него паралич. Врач понял, что Мишель опять чудит, однако к нему пошел.

«Больной» лежал неподвижно, говорил слабым, томным голосом, не шевелил одной рукой, не говоря о том, чтобы попытаться взять аккорд на фортепиано.

Врач прописал пилюли, приказал принимать их исправно и ушел, пообещав назавтра навестить друга. За ночь композитор «выздоровел»! Утром пришел Гейденрейх.

— Ну, как? Легче?!

— Слава Богу, получше.

— Сядь за фортепиано, возьми аккорд.

— Попробую.

Пальцы композитора, как обычно, быстро забегали по клавишам. А «чудодейственные» пилюли были скатаны из... хлебного мякиша!

ИСПОЛНИТЕЛЬ ОПЕРЫ

Проигрывая на рояле оперу «Иван Сусанин», Глинка воспроизводил голосом все вокальные партии, инструменты оркестра, даже барабаны и литавры. Так что слушатели получали полное представление обо всей опере.

САША ЗАГОВОРИЛ!

Александр Сергеевич Даргомыжский (1813–1869) до пятилетнего возраста не произнес ни единого слова. Родители были в отчаянии от мысли, что сын останется немым. Но их успокоил местный лекарь. Исследуя слух Саши, он вынул из жилетного кармана массивные серебряные часы и громко щелкнул крышкой над самым ухом мальчика. Саша от неожиданности вздрогнул и обидчиво взглянул на доктора. Из часов послышался мелодичный звон. Мальчик ра-

достно рванулся к интересной игрушке. Родители облегченно вздохнули. А доктор пророчил:

— У вашего сына отменный слух. Заговорит ваш сын. Да еще как громко! На всю Россию, а может, и на весь мир...

И он не ошибся.

«ВЕСЬМА СКВЕРНО»

Игре на фортепиано Даргомыжского сперва учил пианист Адриан Трофимович Данилевский. Одаренный ученик рано тайком начал сочинять. Накопив целую тетрадь своих произведений, он решился показать их строгому педагогу. Взглянув на них, Данилевский насупил брови, разорвал тетрадь, а клочки разбросал по полу. И отчитал ученика:

— Этакий желторотый птенец! Кажется, и десяти лет ему не минуло, а тоже — лезет в сочинители!

В классном журнале против фамилии Саши Даргомыжского Данилевский гусиным пером вывел: «Весьма скверно».

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ДИРИЖЁРСКАЯ ПАЛОЧКА

9 апреля 1853 года в Петербурге, в зале Дворянского собрания, состоялся первый концерт из произведений молодого композитора А.С. Даргомыжского. Наряду с артистами-любителями в концерте охотно пела Полина Виардо-Гарсиа.

Концерт закончился триумфом автора и Виардо. Весь зал, стоя, восторженно приветствовал Александра Сергеевича. Исполнительница песни Наташи из оперы «Русалка» поднесла композитору тёмно-голубую бархатную подушечку, на которой сверкала позолоченная дирижёрская палочка, усыпанная изумрудами. На палочке были выгравированы имена участников концерта.

«СОВРАЛ НАРОЧНО»

Основатель «Могучей кучки» русских композиторов М.А. Балакирев (1837–1910) не терпел Рихарда Вагнера и Иванова-Нововременского, влиятельного критика того времени. Иванов бездарно сочинил симфонический пролог «Савонарола» и оперу «Забава Путятишна». Милий Алексеевич окрестил их каламбурами: «Соврал нарочно» и «Путята Забавишна».

Ненависть Балакирева к Вагнеру была неистребима. Ему претила помпа, которой окружил себя немецкий композитор. Милий Алексеевич с крайним раздражением называл всё его творчество «мошенничеством».

«МЕРСИ ЗА ДЕНЬГИ!»

М.А. Балакирев служил музыкальному искусству самоотверженно и бескорыстно. Он резко высмеивал композиторов, поклоняющихся «золотому тельцу».

Бельгийская графиня Мерси д'Аржанто любила музыку композиторов «Могучей кучки». Она приезжала в Петербург для личного знакомства с членами этого кружка. Своим фаворитом из них она избрала Цезаря Антоновича Кюи (1835–1918). Он гостил в её замке Аржанто. Созданную там фортепианную сюиту «Мерси д'Аржанто» композитор посвятил графине.

Она заболела и умерла в Петербурге, в квартире Кюи, которому перед кончиной завещала огромную сумму денег.

Просматривая сюиту «Мерси д'Аржанто», М.А. Балакирев острил:

— А знаете, Цезарь во втором издании этой сюиты хочет переделать её название: теперь это будет уже не «Мерси д'Аржанто», а «Мерси за деньги».

ИНТЕРЕСНОЕ ЖЕНСКОЕ ИМЯ

Композитор М.А. Балакирев любил в часы досуга рассказывать в кругу близких смешные истории. Однажды за чаем он до слёз насмешил всех собравшихся у него за столом рассказом о французском литераторе, приехавшем в Петербург, чтобы написать роман из великосветской русской жизни. На вечере в большом собрании француз обратился к одному господину:

— Скажите, пожалуйста, у русских есть особые, национальные имена?

— Есть.

— Назовите, пожалуйста, какое-нибудь женское имя.

— Ну, например, телятина, — ответил шутник.

И на следующий день француз написал новую главу своего романа, которая начиналась так: «Молодая девушка Телятина одна сидела в комнате...»

ПЕРЕД НИМ ОБНАЖАЛИ ГОЛОВЫ

Пётр Ильич Чайковский (1840–1903), после триумфальных представлений «Пиковой дамы» и «Спящей красавицы» и его дирижёрских выступлений, стал всеобщим кумиром. Его боготворили. При встрече с ним на улицах люди останавливались и снимали перед ним шляпу.

«КЛИНСКИЙ ЛАКЕЙ»

Пётр Ильич Чайковский был близок к известному военному деятелю и писателю, генералу М.И. Драгомирову, слывшему большим чудаком и острословом.

За ужином, желая чокнуться с генералом, Пётр Ильич протянул к нему свой стакан с вином:

— За ваше здоровье, ваше высокопревосходительство!

Драгомиров ответил:

— Взаимно, ваше превосходительство!

Чайковский присовокупил:

— На вокзале в Клину лакеи всегда величают меня «ваше превосходительство».

Драгомиров не обиделся на сравнение его с лакеями и в свою очередь шутливо называл Петра Ильича «клинским лакеем».

У ФИГНЕРА ЛОПНУЛИ ШТАНЫ

5 декабря 1890 года в Мариинском оперном театре шла генеральная репетиция «Пиковой дамы». Присутствовал петербургский бомонд и сам царь Александр Третий.

Перед репетицией певший партию Германа Н.Н. Фигнер выпросил у главного режиссера разрешение одеться в костюм дома. А жил артист далеко от театра и потому опоздал к началу репетиции на 20 минут. Все исполнители оперы, дирижер Направник, управляющий императорскими театрами И.А. Всеволожский и П.И. Чайковский, выходили из себя, ожидая, что царь вот-вот разразится гневом и покинет театр.

Потеряв терпение, Александр Третий раздражённо спросил:

— Наконец, в чём задержка?

Сидевший позади царя Всеволожский, наклонившись к нему, громко доложил:

— У Фигнера штаны лопнули, Ваше величество...

Царь расхохотался на весь зал. И правда: когда Фигнер надевал злополучные штаны, они оказались для него узкими и лопнули по всем швам. Пришлось долго починять их.

Это комическое происшествие едва не стоило знаменитому певцу увольнения из Мариинского театра. Но его защитили отходчивый Всеволожский и добрейший Пётр Ильич.

ПЕРЕЧЁРКНУТЫЕ ХВОСТИКИ

Преподавая гармонию и композицию в Московской консерватории, Пётр Ильич Чайковский требовал от учеников аккуратного выполнения заданий. Одна небрежная студентка приписала восьмушкам хвостики не с той стороны. Композитор перечеркнул красным карандашом всю работу и сказал:

— Вам раньше надо пройти науку о хвостах, а потом уж по гармонии решать задачи.

«АВТОРИТЕТНЫЕ АТТЕСТАЦИИ»

Чайковский с исключительным сочувствием относился к оркестрантам. Один скрипач частной оперы попросил у композитора отзыв о его исполнительском мастерстве.

— Очень рад, — несколько раз повторил Пётр Ильич.

Сел и написал отзыв. Вошёл к нему второй музыкант с той же просьбой. Чайковский удовлетворил и её. Затем потянулась к Петру Ильичу целая вереница оркестрантов за подобными аттестациями.

Композитор добродушно рассмеялся:

— Ну, господа, заготовлю к завтрашнему дню для всех.

Переписал артистов, заготовил им «авторитетные удостоверения» и вручил.

ОБРИТЫЙ С.И. ТАНЕЕВ

Композитор С.И. Танеев однажды совершенно обрился и, по мнению окружающих, выглядел некрасиво. В таком виде он вместе с профессором Н.Д. Кашкиным пришел к П.И. Чайковскому, который в это время завтракал. Пётр Ильич закричал:

— Танеев, я человек брезгливый, уйдите, пока я не кончу завтракать!

Танеев со смехом отошёл в сторонку, чтобы Чайковский не видел его.

ОБЛАВА

Клинские ребята, зная доброту Петра Ильича, всегда караулили выход его из дома на прогулку. Он тогда одевал их лакомствами или деньгами.

Но вот случилась у него «карманная сухотка». Он попросил Н.Д. Кашкина идти в лес обычной дорогой, а сам направился туда задворками. Ребята разгадали план Петра Ильича, устроили на него облаву и выловили. Из кошелька Кашкина выдали-таки ребятам «контрибуцию».

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

В клинских лесах росло много грибов. Ловким мастером собирать их был Н.Д. Кашкин. Пётр Ильич уступал ему в этом искусстве. И даже сердился, что другу везло в сборе грибов. Но один раз счастье улыбнулось и Петру Ильичу: он наткнулся на кулигу белых грибов и страшно завопил от восторга:

— Мои, мои, все мои!! Не подходи, не смей брать!!

При этом он упал плашмя на землю, раскинул руки и ноги, чтобы прикрыть грибы.

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

В 1891 году дочь Н.Д. Кашкина окончила лучшую московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишера, где преподавание велось по программе мужских гимназий. Чайковский поздравил абитуриентку и прибавил:

— Ведь теперь вы, Соня, стали такая учёная. Можно вам предложить вопрос?

— Пожалуйста!

— Скажите мне, умеете вы ставить знаки препинания?

— Да, нас как будто этому научили.

Присутствующие при этом разговоре рассмеялись, а Пётр Ильич всерьёз продолжал:

— А я вот не умею, то есть точку, запятую я ещё поставлю, но точку с запятой, две точки, да еще тире, многоточие — этого я совершенно не умею, да и в запятых — слаб. Знаете, вы должны мне дать несколько уроков.

К сожалению, эти уроки так и не были даны по обстоятельствам, не зависящим от обеих сторон.

ЛОВУШКА

Пётр Ильич Чайковский страдал неискоренимой застенчивостью. Певица А.В. Панаева-Карцова с детства мечтала познакомиться с обожаемым композитором, но это ей никак не удавалось. За дело взялся Антон Григорьевич Рубинштейн. Шла опера «Евгений Онегин». Дирижировал его брат — Н.Г. Рубинштейн. Пётр Ильич был в театре. Отец Панаевой вышел из ложи, оставив в ней дочь в одиночестве.

Вдруг двери ложи отворились — вошёл П.И. Чайковский. За ним стоял смеющийся А.Г. Рубинштейн. Смущенный Пётр Ильич попятился было, но Рубинштейн толкнул его в спину. И он растянулся в ложе. Рубинштейн хохотал:

— Вот это ваше место — у её ног. Просите прощения!

Пётр Ильич не знал, куда деваться. Простившись с Рубинштейном, он вылетел из ложи, поняв, что друг заманил его туда обманом.

* * *

Другой случай.

Встретил П.И. Чайковский в вагоне В.А. Вержбиловича. Тот обрадовался:

— Ах, Пётр Ильич! Как кстати! Со мной в одном отделении едет Тургенев. Ему очень хочется познакомиться с вами. Я пойду приведу его.

Вержбилович ушёл. А Пётр Ильич потихоньку пробрался в третий класс, где и прятался до прихода поезда в Москву.

— Зачем вы это сделали? — спрашивали композитора потом. — Разве вы не любите Тургенева?

Страшно люблю, поклоняюсь ему, но что бы я сказал ему? Мне было очень неловко и я сбежал...

«НАСТАВНИЦА» ЧАЙКОВСКОГО

Бросив службу, П.И. Чайковский очень нуждался материально и искал заработка уроками музыки. Его порекомендовали аккомпаниатором к некоей певице Штубе. Та приняла его высокомерно, прочла ему нотацию и даже проэкзаменовала:

— Молодой человек, вы плохо знаете музыку. Приходите два раза в неделю, я буду давать вам уроки...

Минуло много лет. Штубе стала меценаткой Юлией Фёдоровной Абаза. И была безмерно счастлива, когда в её концертной зале появился П.И. Чайковский. Забыв о далёком прошлом, она теперь гордилась им, называя «великим гением».

ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ СЕЛ В ПУСТОТУ

Пианист Александр Ильич Зилоти и Пётр Ильич Чайковский репетировали фортепианный дуэт. Пройдя несколько страниц, Зилоти вскочил со стула:

— Не могу играть на этом инструменте. Я привык к другому. Пересядем!

И, взяв свой стул Александр Ильич перешёл к другому роялю. Пётр Ильич собрал свои ноты и подошел к инструменту, возле которого уже не было стула. Не замечая этого, Пётр Ильич поставил ноты на пюпитр и... сел в пространство. Да хорошо, что стоявшие тут слушатели подхватили его на руки, а то не миновать бы несчастья.

ДЕЛО БЫЛО В АЗАРТЕ

Всегда элегантно одетый, скромный, застенчивый, утончённо корректный, ласковый и рассеянный — Пётр Ильич Чайковский был неотразимо обаятелен. В приятном обществе он любил развлечься карточной игрой в винт, которым увлекался чрезмерно. Эта страсть на одном вечере поставила его в скандальное положение.

Сел он играть в винт с тремя аристократками. Сделав неудачный ход, галантно просил у них извинения. А раз,

допустив особенно нелепый ход, сильно заволновался, забыл даже о партнёрах и разразился самой скабрёзной, нецензурной бранью. Покраснев, как варёный рак, опрометью удалился.

В ПЕРЧАТКАХ НЕ КРЕСТЯТСЯ

Направляясь к профессору Московской консерватории Н.С. Звереву, Петр Ильич Чайковский неожиданно нарвался на неприятность:

— Представьте себе, Анна Сергеевна, — жаловался он сестре Зверева, — прохожу это я сейчас мимо Иверской Божией матери. Снял шапку и перекрестился. Вдруг слышу окрик какой-то проходящей женщины: «У, нехристь! В перчатках крестится!» Окрик этот так взволновал меня, что я тут же, схватив первого попавшегося мне извозчика, поехал к вам. Скажите, пожалуйста, Анна Сергеевна, нельзя креститься в перчатках? Действительно, это большой грех?

ВОТ ТЕБЕ И ПРОСТЕЙШАЯ ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

На званном обеде у хлебосольного профессора Московской консерватории Н.С. Зверева собрались Чайковский, Танеев, Аренский, Зилоти, Пабст и другие крупнейшие музыканты столицы. Присутствовала и известная тогда певица Вера Васильевна Зорина. Красота её голоса, огненный темперамент и искренность пения покорили гостей. Певице посменно аккомпанировали все могикане пианизма.

А когда Зорина изумительно пропела простейшую цыганскую песню «Очи чёрные», все гости были как бы пришиблены сильным впечатлением. Экспансивный Пётр

Ильич Чайковский упал на колени перед артисткой и воскликнул:

— Божество моё, как чудно вы поёте!

ЖИВОГЛОТ

П.И. Чайковский завещал обстановку дома своему хитрому и подлому лакею. Брат Чайковского, Модест Ильич, хотел сохранить в целости кабинет композитора. Лакей устроил ему ловушку. За мебель, стоявшую в этом кабинете, он содрал 5 тысяч рублей. Потом за эти же деньги купил весь дом, а значит — и кабинет. И, конечно, потребовал, чтобы Модест Ильич убирался вон. Пришлось подчиниться.

ПЯТЁРКА В ОКРУЖЕНИИ КРЕСТОВ

Когда Сергей Васильевич Рахманинов переходил на старшее отделение Московской консерватории, почётным членом экзаменационной комиссии был Пётр Ильич Чайковский.

Рахманинов сыграл несколько собственных сочинений. Комиссия поставила за них ему пятёрку с плюсом. А Пётр Ильич прибавил к этой оценки ещё три плюса. Таким образом, пятёрка оказалась окруженной со всех сторон крестами.

«ЧЁРТОВ СЫН»

В концертный сезон 1885–1886 годов Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) исполнил в главнейших столицах Европы семь программ, представивших историю

развития фортепианной музыки с XVI века до его времени. Последний из этих исторических концертов он дал в зале Дворянского собрания в Петербурге.

Отправляясь пешком на это исполнение, композитор переходил через улицу, запруженную извозчиками. Один из них едва не задавил Рубинштейна, при этом злобно крикнув на него:

— Ну, ты там, чёртов сын, чего лезешь?! Разве не видишь — господа едут!

СЛОМАНЫЙ СМЫЧОК

А.Г. Рубинштейн не выносил ошибок солистов и оркестрантов. Дирижуя IX симфонией Бетховена в Петербургской консерватории, он яростно вспылал и сломал смычок скрипачу Фидельману, допустившему фальшь.

В другой раз в исполнительницу партии Царицы ночи из оперы «Волшебная флейта» Моцарта — Н.А. Папаян — маэстро швырнул клавир со своего пюпитра.

ВЕЛИКИЙ ПЛЯС

В 70-х годах XIX века — занятый по горло лекциями в Академии и на Высших женских курсах, Александр Порфирьевич Бородин (1833–1887) всё же выкраивал время и для устройства у себя костюмированных вечеров, на которые приглашал своих друзей-профессоров и музыкантов. И тогда «учинялись великий пляс и чертобесие».

Весёлый, остроумный и оживлённый А.П. Бородин появлялся перед гостями в наряде или Менелая с короной на голове, или китайского мандарина, или студента-медика в красной рубахе, в высоких сапогах...

ПУСТОЙ КОШЕЛЁК

Жалованья А.П. Бородина еле-еле хватало на содержание семьи. А доброта композитора не знала границ. Он никогда не отказывал в помощи нуждающимся. Хотя сам себя при этом лишал насущного. Порой в его кошельке не было нескольких копеек на покупку соли.

Намереваясь предложить деньги студенту или курсистке, Александр Порфирьевич придумывал деликатные способы выполнения этой «операции».

МОЛОДЫЕ ТУЗЫ

В 1872 году в Москве богач Пороховщиков построил гостиницу «Славянский базар». Он заказал И.Е. Репину написать для концертного зала гостиницы большое панно «Славянские композиторы». Рассматривая его эскизы, музыкальный критик В.В. Стасов предложил художнику:

— Знаете ли, вам необходимо поместить в картине еще две фигуры молодых наших тузов: это Бородина и Мусоргского.

Илья Ефимович согласился, а Пороховщиков, узнав об этом, возмутился и скаламбурил:

— Вот еще! Вы всякий мусор будете сметать в эту картину! Бородина я знаю, но ведь это — дилетант в музыке. Он — профессор химии в Медико-хирургической академии. Нет уж вы всяким мусором не засоряйте эту картину! Вам же легче! Богатею вторили газетчики:

— Его музыка — плод пресыщения и недостаточного художественного образования!»

Однако жизнь показала, что всех этих пигмеев заглушил голос истинного витязя культуры — В.В. Стасова.

ПЕРЕЛОЖИЛ «ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ»

Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1908) особенно огорчился, когда из-за занятости научно-преподавательской работой музыкальное творчество А.П. Бородина шло медленно или стояло на одной точке.

Не раз автор «Садко» ходил на Выборгскую сторону, чтобы проведать, как Александр Порфирьевич выполняет свое обещание — писать музыку. Так, в одно из таких посещений друга Николай Андреевич увидел, что его письменный стол был завален счетными книгами, химическими формулами, докладами, отчетами, деловыми письмами, а не нотами. С горечью Римский-Корсаков спросил:

— А переложили ли вы «Половецкие пляски»?

— Я переложил их с фортепиано на стол!!

Скрепя сердце, пришлось Римскому-Корсакову целую ночь вместе с автором оркестрировать эту гениальную музыку для очередного концерта.

В ЧЕСТЬ КОМПОЗИТОРА

Николай Андреевич Римский-Корсаков в дни первой русской революции встал на защиту требований студентов Петербургской консерватории. За это его уволили из состава профессоров.

Вся прогрессивная общественность возмущалась произволом реакционной администрации и в различных формах выражала свою солидарность с композитором. Так, например, на концерте артистов Владимира Ивановича Касторского и Андрея Марковича Лабинского в Воронеже, после объявления ведущего об исполнении романсов Римского-Корсакова, в зале раздались крики:

— Встать!!

И зрители, как один, поднялись с кресел и, стоя, слушали все произведения Николая Андреевича, обозначенные в программе.

По окончании концерта публика подхватила певцов на руки и пронесла их по всему залу под гром аплодисментов и восклицаний:

— Да здравствует Римский-Корсаков!!

Демонстрация в честь великого музыканта продолжалась и на улицах Воронежа.

СОЖЖЕННАЯ СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Сергей Иванович Танеев (1856–1915) всегда говорил людям правду в глаза, какой бы обидной она не была. Ему не понравилась симфоническая поэма П.И. Чайковского (1840–1893) «Воевода». Отрицательное мнение о ней он высказал своему любимому учителю без всяких обиняков. Петр Ильич был недоволен своим творением. Пришел он после концерта в номер гостиницы и сжег в камине партитуру этого произведения.

К счастью, пианист А.И. Зилоти сохранил голоса поэмы, по которым была восстановлена партитура.

Через некоторое время, получив поэму в издании фирмы Беляева, Сергей Иванович с восхищением проигрывал ее много раз и горевал, что своим прежним плохим отзывом о ней причинил автору немало тяжелых минут.

НЕДОТЁПЫ

Сергей Иванович Танеев был рассеян и непрактичен в будничных житейских делах. Он, например, всегда запуты-

вался в московских улицах. Однажды вышел он на Петровку и стал столбом, не зная, куда дальше двигаться — направо или налево. Спрашивать прохожих застеснялся, подозвал извозчика, надеясь, что тот доставит его куда следует. А извозчик, как на грех, оказался таким же недотёпой, как и Сергей Иванович:

— Барин, я первый день езжу по Москве, вы мне покажите, куда вас нужно везти.

Словом, расстался Танеев с неудачным гидом и долго блукал по Москве, пока не добрался до нужного ему дома.

«АХ, ВЫ, САШКИ-КАНАШКИ МОИ!»

Композитор В.В. Андреев (1861–1918) первый в России создал множество оркестров русских народных инструментов и энергично пропагандировал их во всех слоях общества, не исключая и царской фамилии.

Его из Петербурга в Москву телеграммой вызвала великая княгиня Елизавет Фёдоровна только для того, чтобы он научил её играть на балалайке несколько пустячных песенок и в первую очередь «Ах, вы, Сашки-канашки мои, разменяйте мне бумажки мои!»

ДУХОВНОЕ ОСКУДЕНИЕ ТИТАНА

Великий русский симфонист Александр Константинович Глазунов (1865–1936) последние восемь лет жизни провёл в парижском предместье Булонь-на-Сене. Незадолго до смерти композитора его грузная, старческая фигура, грязная одежда и стоптанная обувь вызывали чувство глубокого сострадания.

Ему омерзело эмигрантское прозябание, хотя он формально и не был беглецом из России. Жил Александр Константинович одиноко и болезненно переносил свой отрыв от Родины.

На чужбине оскудело его творчество. Квартет для саксофонов, струнный квартет и баллада для виолончели — вот всё, что создал в Париже этот титан музыки. Не раз он повторял:

— Для того чтобы написать что-нибудь, есть только одно средство: вернуться на берега родной Невы, коснуться родной земли и вдохнуть воздух родного города... Тогда и только тогда на меня вновь снизойдёт вдохновение. Тогда и только тогда я буду способен к творчеству...

Это высказывание Глазунова облетело печать всего мира.

Болезнь почек свела его в могилу. Похоронен он на одном из парижских кладбищ.

ПИСЬМО, ПРОПЕТОЕ НА ЮБИЛЕЕ

Десятилетие МХАТа торжественно отмечали в октябре 1908 года. С.В. Рахманинов (1873—1943) в те дни находился в Дрездене. Он прислал юбиляру поздравительное письмо-шутку, переложенную на ноты. Ф.И. Шаляпин пропел его на юбилейном вечере. Об этом событии К.С. Станиславский рассказывал: «Дорогой Константин Сергеевич, — пел Шаляпин, — я поздравляю вас от чистого сердца, от самой души. За эти десять лет вы шли вперед, все вперед и нашли „Си-и-ню-ю птицу“, — торжественно прозвучал его мощный голос на церковный мотив „Многая лета!“ с игривым аккомпанементом польки Саца из „Синей птицы“. Церковный мотив, сплетенный музыкально с детской полькой, дал забавное сочетание».

РАХМАНИНОВ НА ЭКЗАМЕНЕ

Весной 1892 года С.В. Рахманинов держал выпускной экзамен по композиции. Он написал одноактную оперу «Алеко» и сыграл её на фортепиано перед экзаменационной комиссией, в которую входили Танеев, Аренский и Альтани. Они тут же поздравили Сергея Васильевича с блестящим окончанием консерватории. Совет консерватории присудил ему Большую золотую медаль. А первый учитель и воспитатель композитора, профессор Н.С. Зверев, обнял его, расцеловал, снял с себя золотые часы и подарил их ему.

НЕЗАКОННАЯ ЖЕНИТЬБА

В царской России по закону православной церкви брак между двоюродными братом и сестрой воспрещался. Если случаи нарушения этого закона становились известными властям, то браки расторгались, виновные подвергались покаянию в монастыре, а их дети признавались незаконными...

С.В. Рахманинов решил жениться на кузине — Наташе Сатиной. Пройдя все бюрократические рогадки, жених и невеста уговорили обвенчать их знакомого Сатиных — полкового иерея, который не подчинялся Синоду. Однако жених и невеста обязывались подать прошение на высочайшее имя.

Венчали Рахманиновых в солдатской церкви. По возвращении новобрачных домой как раз пришла и резолюция царя: «Что Бог соединил, человек да не разлучает!»

НЕПОНЯТНАЯ НЕПРИЯЗНЬ

В музыкальном мире хорошо известно, что композиторы-гении А.Н. Скрябин и С.В. Рахманинов с раннего возраста

та не жаловали друг друга. Только после скоропостижной и преждевременной смерти Скрябина от заражения крови — Рахманинов исполнил в концерте одну-единственную программу из его произведений.

А Скрябин за всю свою артистическую жизнь не выучил и не сыграл ни единой пьесы Сергея Васильевича. До сегодня остается загадкой упорная взаимная неприязнь двух русских музыкальных колоссов.

ТРОЙКА РАХМАНИНОВА

Племянница С.В. Рахманинова З.А. Прибыткова училась в Петроградской консерватории композиции у придирчивого и сухого профессора И.И. Витоля.

Педагог задал ей сочинить аккомпанемент к мелодии. Видя бесплодные старания племянницы, Сергей Васильевич пожалел её:

— Не печалься, моя секретаришка, я тебе напишу аккомпанемент, а завтра ты мне скажешь, сколько за него Витоль поставит.

И через 20 минут прелестный рахманиновский аккомпанемент был готов. Проверяя его, Витоль то мрачнел, то строил кислую мину и ворчал:

— Слишком вольная музыка, недостаточно строго. Есть ошибки.

И вlepил за работу тройку. Прибыткова примчалась с ней к Сергею Васильевичу, который хохотал до упаду, повторяя:

— Витоль поставил композитору Рахманинову тройку!!

В ЗАРУБЕЖНОМ БОЛОТЕ

С.В. Рахманинов в период его эмиграции непрерывно гастролировал почти по всему свету. В годы экономических подъемов концертные предприниматели платили ему по 4 000 долларов за однократное выступление. Ходили слухи, что только одними концертами он зарабатывал в год около 200 000 долларов, не считая гонораров за наигранные пластинки и радиопередачи.

Из своих огромных доходов он щедро жертвовал крупные суммы на всякие нужды эмигрантов, больных, бездомных, престарелых людей, на детей-сирот и госпитали раненых советских воинов.

Композитора не покидала страстная мечта о возвращении на родину... Увы... Не суждено было...

ИЗ ДВУХ ЗОЛ МЕНЬШЕЕ

В 1923 году Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) с семьёй переехал в Париж. Долго пришлось ему мыкаться по квартирам, так как домовладельцы не терпели его фортепианную игру. Один управляющий домом категорически запретил пианисту беспокоить соседей роялем. Сергей Сергеевич отрезал ему:

— Хорошо, вы не хотите слушать эту музыку, но я имею право делать у себя, что хочу, и вместо музыки буду сколачивать ящики.

И эту угрозу музыкант выполнил: поставил ящик на центр комнаты и начал дубасить молотком по его крышке.

Домовладелец и соседи умолкли: они выбрали из двух зол меньшее.

IV

БРАУНШВЕЙГСКАЯ АФИША

В музее немецкого города Брауншвейг хранится театральная афиша 1734 года, в которой говорится:

«Для удобства зрителей предлагается, чтобы первый ряд лежал, второй сидел на корточках, третий сидел на стульях, четвёртый ряд стоял. Тогда все будут видеть.

Смеяться воспрещается, потому что будет ставиться драма».

ТАК БЫЛО В «ЛА СКАЛА»

Во второй половине XVIII века в знаменитом миланском театре «Ла Скала» существовал весьма странный обычай. В каждой ложе был камин, карточный стол, буфет с винами и закусками. Во время спектакля зрители, занявшие ложи, как у себя дома, играли в карты, шумели, спорили, ели, пили. И затихали они лишь при исполнении на сцене их любимых арий, дуэтов, трио и т.д. Каждый зритель, сидевший в ложе, выражал свой восторг, как хотел, не стесняясь соседей. В комнатах «Ла Скала», примыкавших к зрительному залу, многие посетители играли в фараон и рулетку.

А те зрители, которые приходили в театр ради музыки, размещались в партере.

ГЛАВНОЕ — ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Французский актер Франсуа Жозеф Тальма (1763–1826) объявил решительную войну всем условностям придворного театра — бархатным камзолам, пудренным парикам, декламации текста пьес нараспев, трафаретным жестам и мимике.

В своей сценической деятельности Тальма неуклонно следовал завету Дидро: «Я никогда не устану твердить нашим французам — естественность, природа! Настоящие одежды, правдивые речи, простая и естественная интрига...»

Тальма ратовал за подлинно реалистический театр. В пьесе Вольтера «Брут» ему поручили небольшую роль трибуна Прокула. Молодой актер сыграл ее своеобразно: надел полотняную тогу, сандалии, обнажил руки и ноги, отказался от парика.

Перед началом спектакля «собственные актеры короля» осмеяли новатора. Актриса Луиз Конта (1760–1813) в изумлении всплеснула руками:

— Как же он смешон!! Ведь он выглядит, как античная статуя!..

В этих словах Тальма услышал лучшую похвалу себе. При его появлении на сцене публика замерла на мгновение, а потом зал потрясли неслыханные овации.

Это было начало торжества реализма на сцене французского театра.

НЕСЧАСТЬЕ ЗА НЕСЧАСТЬЕМ

Выдающийся скрипач, композитор и основатель первого в Норвегии национального театра Уле Борнеман Булль (1810–1880) в детстве мечтал учиться у Паганини. С трудом

добрался он до Парижа, чтобы брать уроки игры на скрипке у гениального маэстро.

Трудно жилось Буллию. Часто ему приходилось голодать. К довершению всех бед у него украли единственное достояние — скрипку. С горя юный музыкант бросился в Сену, но его спасли. Один добросердечный меценат подарил ему скрипку Гварнери.

Став вскоре музыкантом с мировым именем, Булль отправился в концертное турне по Америке. Корабль, на котором плыл артист, потерпел крушение. Очутившись в волнах океана, виртуоз греб одной рукой, а другой держал над головой драгоценную скрипку. К счастью, и на этот раз он был спасен и попал на неведомый отдаленный остров, где прожил несколько месяцев, изучая нравы туземцев и знакомя островитян с европейской музыкой.

На подошедшем к острову пароходе Булль вернулся в Европу и продолжал гастролировать в крупнейших городах мира.

ЛУЧШАЯ РОЛЬ ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ

Трагическая актриса Аделаида Ристори (1822–1906) входила в созвездие создателей итальянской национальной школы сценического реализма.

На гастролях в Мадриде в 1857 году Ристори должна была играть роль Медеи в трагедии Легуве. По пути в театр она встретила монаха, собиравшего подаяние в пользу солдата, приговоренного к смертной казни за то, что со шпагой кинулся на избившего его сержанта. Узнав об этом, Ристори так разволновалась, что едва провела первый акт представления. В антракте она пошла в ложу королевы, пала перед ней на колени и вымолила помилование солдату.

Когда Ристори появилась на сцене во втором акте, то среди зрителей уже разнеслась весть о ее великом благодеянии, — и зал потрясла неслыханная овация.

Роль, сыгранную в ложе королевы, Ристори считала лучшей своей ролью.

КРИТИКИ ПОПАЛИ ВПРОСАК

Во время гастролей во Флоренции Аделаида Ристори, возвращаясь с репетиции, зашла в мастерскую знакомого художника Вальштейна. Он пожаловался актрисе, что получил трудный заказ — написать ее портрет.

— Ну, так что ж? — сказала Ристори. — Мне будет приятно позировать вам.

— Благодарю вас, но вот беда: заказчик — богатый человек, живет в Пизе и поручил оценить портрет театральному критику Барди. А он человек малообразованный, да к тому же будет мстить мне за то, что я недавно публично сконфузил его...

— Пишите потрет! Не бойтесь! Я знаю, как обезвредить Барди.

Вскоре портрет был готов. Но, по замыслу Ристори, его припрятали. Художник загрунтовал другое полотно, а в середине вырезал кружок. Просунув в него свою головку, Ристори, смеясь, спросила:

— Нравится вам мой портрет?

— Но ведь всякий поймет, что это не картина, а живой человек.

— Не всякий... Отложите осмотр до сумерек. Скажите, что наибольший эффект портрет производит именно в сумерки.

Так и было сделано. Ценители восхищались гениально написанной головкой актрисы. Только один Барди расхохотался:

— Извините меня!.. Это — прекрасная женская головка, но не портрет Ристори! Сходства с оригиналом мало. Лоб слишком широк, рот слишком мал. Портрет вообще не удался. Ему недостает жизненности и одухотворенности.

И вдруг портрет громко рассмеялся! А через секунду из-за рамы вышла Ристори! Критики, поняв, что попали впро�ак, были крайне смущены. Посрамленный Барди поспешно скрылся.

ЯДОВИТАЯ ОТПОВЕДЬ

Когда великая французская драматическая актриса Сара Бернар (1844–1923) гастролировала в Нью-Йорке, некий религиозный фанатик обличал ее в своих публичных речах за греховную деятельность.

Актриса прислала ему записку: «Дорогой коллега! Зачем вы так нападаете на меня? Мы, скоморохи, должны ладить друг с другом».

ПРИЧУДНИЦА

Сара Бернар удивляла своих современников многочисленными причудами. В один из дней она, например, заказала себе гроб из грушевого дерева и поставила его рядом со своей кроватью. На крышке гроба выгравировала: «С. Б.» и девиз «А всё-таки». Внутренность гроба велела обить атласом и положила туда все свои драгоценности, сувениры, любовные письма, букеты и прочее.

Знаменитая актриса содержала в своей квартире целый зверинец. Тут были: две русские борзые собаки, дог, пудель, левретка, фокстерьер, три кошки, обезьяны, попугай и множество других птиц... Этот зверинец путешествовал с ней на гастролях.

Но наряду с чудачествами — Сара Бернар серьёзно занималась живописью, скульптурой, устраивала выставки своих художественных произведений.

КАПРИЗЫ БАЛОВНЯ

Великий итальянский тенор Анжело Мазини (1844–1926) даже при исполнении классических оперных партий допускал пространные отступления от авторского нотного текста. Бывало, что в этих вольностях он переходил даже в другую тональность. Тогда дирижер клал палочку и терпеливо ждал, когда фантазер окончит свою вокальную эквилибристику. Оркестранты при этом добродушно смеялись:

— Ничего, ничего... Анжело сам залез, сам и выберется...

А публика встречала импровизации своего кумира восторженно.

БЕЛЫЕ РОЗЫ

Великая итальянская трагическая актриса Элеонора Дузе (1858–1924) начала выступать на сцене с четырех лет. Ее первыми шагами в театре была роль Козетты в инсценировке романа В. Гюго «Отверженные».

Став уже всемирной известностью, Дузе выступала на огромной арене амфитеатра Вероны в роли Джульетты в трагедии Шекспира. А в то время режиссеры указывали ар-

тистам только мизансцены. Одежду, жесты, мимику, интонации, грим актеры подбирали сами. Дузе долго мучилась в поисках всего этого для роли Джульетты. Чтобы успокоиться перед спектаклем, она несколько часов бродила по городу. На последние деньги купила букет белых роз — символ чистой, самоотверженной любви. И на спектакле именно они помогли ей найти нужное творческое самочувствие.

Игра Дузе была столь правдива, что зрители-веронцы в изумлении восклицали:

— Джульетта воскресла!

ЕДИНСТВЕННЫЙ СРЫВ

За всю свою долгую сценическую жизнь Элеонора Дузе только один раз потеряла самообладание. Это было на спектакле пьесы «Фру-фру» А. Мельяка и Л. Галеви. Главная героиня, роль которой играла Дузе, в последней сцене умирает. К ней приводят для прощания ее ребенка. Мальчика для этой роли взяли с улицы. Увидев слезы ласкавшей его женщины, он и сам расплакался. Крепко обнявшись, Дузе и мальчик рыдали на весь зал. Никак не могли отнять ребенка у артистки, и сцена смерти героини была испорчена.

ПЕРВЫЙ ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

По окончании Пармской консерватории Артуро Тосканини (1867–1957) был приглашен в оперную труппу Клаудио Росси на должность второго виолончелиста и второго хормейстера.

В 1886 году труппа выехала на гастроли в Южную Америку. 25 июля она ставила в Рио-да-Жанейро «Аиду» Верди. Два бразильских дирижера, Мигес и Суперти, не ладили

друг с другом. Первой постановкой «Аиды» дирижировал Мигес, показавший полную неспособность руководить прекрасным итальянским оркестром. Певцы и оркестранты запротестовали против Мигеса. Он обиделся и покинул зал.

На следующем спектакле дирижерскую палочку взял Суперти. Но сторонники Мигеса потребовали удалить Суперти. Вдруг из-за своего пульта поднялся совсем молодой виолончелист. Шокированная публика замолкла, готовясь прогнать дерзкого дирижера-самозванца. Но под его волшебной палочкой опера пленила всех. В конце первого акта зал снова бушевал, но уже от восторга. Этот дерзкий юноша был Артуро Тосканини.

НЕ УЗНАЛ

Симфонический оркестр, которым руководил Артуро Тосканини, возвращался из турне по Южной Америке на пароходе. Оркестранты пригласили маэстро послушать радиопередачу из Лондона, в которой звучала «Героическая симфония» Бетховена.

Тосканини с обостренным вниманием вслушивался в музыку, и лицо его с каждой минутой мрачнело все больше и больше. Наконец, он возмутился:

— Что за негодяй берет такие темпы!

Но в этот момент послышался спокойный голос диктора:

— Вы прослушали запись оркестра под управлением Артуро Тосканини...

ОТКАЗ МАЭСТРО

14 мая 1931 года в итальянском городе Болонье открылась ярмарка. Туда приехали и главари фашистов. В театре

«Коммунале» должен был выступить оркестр под управлением Тосканини. От него требовали исполнения гимна фашистов, но дирижер категорически отказался сделать это.

Уйдя из театра, маэстро укрылся в гостинице. Фашисты обманом упросили его вернуться в театр. Но как только он вышел из машины, у подъезда его окружила шайка чернорубашечников с белыми черепами на груди и опять потребовала исполнения своего гимна. Получив второй отказ, фашисты избили Тосканини и его жену. Им едва удалось уехать в гостиницу. Бандиты окружили ее и забросали камнями и мусором номер Тосканини. Ночью маэстро отбыл в Милан.

ПРИЗНАНИЕ МАЗИНИ

Маэстро Верджине, проходя по предместью Неаполя Санта-Лючия, услышал пение молодого тенора Энрико Карузо (1873–1921), сына кузнеца. Пение так очаровало Верджине, что он разыскал родителей певца и уговорил их отдать его к нему в школу.

В то время в Неаполе гастролировал А. Мазини. Верджине привел к нему Энрико. Артист прослушал его и довольно холодно посоветовал:

— Юноша должен долго и упорно учиться...

Спустя несколько месяцев Мазини случайно встретил на улице Неаполя Верджине и открылся ему:

— Дорогой маэстро, у вашего Карузо самый красивый голос, какой мне приходилось слышать за всю мою жизнь.

Энрико поступил в школу пения маэстро Верджине. И с этого времени для Энрико Карузо открылась дорога в высокое искусство.

ЗА ЧТО ОСВИСТАЛИ КАРУЗО?

В 24-летнем возрасте Энрико Карузо уже пел в Миланской опере. Затем небывалый успех сопровождал его выступления в Буэнос-Айресе, Петербурге, Москве и других крупнейших городах.

В 1902 году прославленного тенора пригласили в родной Неаполь, в великолепный оперный театр «Сан-Карло». И тут произошло неожиданное: Карузо освистали!

Скандал был вызван столкновением гордого, независимого нрава артиста с порядками в «Сан-Карло». В театре безраздельно господствовали князь, барон, маркиз и кавалер. От капризов этого всесильного квартета зависели судьбы артистов, певших в Неаполе. Каждый гастролер до появления на сцене должен был засвидетельствовать свое особое почтение «королям театра». В противном случае они утраивали обструкцию.

Энрико Карузо с возмущением игнорировал унижительный для певцов обычай: не поклонился вельможам! И был освистан...

И хотя в следующий вечер его встретили шквалом оваций, однако он поклялся впредь никогда не петь в «Сан-Карло». Клятву свою сдержал.

БОЙ БЫКОВ

В 1913 году Энрико Карузо впервые выступал в Мадриде. Из этих гастролей он вынес два неизгладимых впечатления.

Когда на первом концерте он вышел на сцену, то весь зал встал и низко поклонился ему в знак уважения.

Власти пригласили певца посмотреть бой быков — корриду. Кровь убитого на арене быка-красавца взволновала артиста так, что он покрылся холодным потом. А вернувшись в гостиницу, едва не потерял сознание. Испытание было для него тяжелее, чем роль Отелло.

С тех пор Карузо никогда не посещал кровавых зрелищ.

В ПАРИЖСКОМ КАФЕ

В большое парижское кафе, наполненное народом, вошли старик и мальчик. Мальчик сыграл на аккордеоне песню, а старик, держа в руке тарелку, начал обходить посетителей, собирая монеты. Подошел он и к столику, за которым сидел элегантный плотный мужчина в надвинутой на самые глаза соломенной шляпе и курил сигару. Увидев на тарелке так мало денег, господин спросил старика:

— Вы итальянцы?

— Да, сеньор, мы из Бари...

— И сколько же вы зарабатываете?

— Э-э, сеньор... И не спрашивайте... Мы ведь в Париже... Это такой тяжёлый народ...

— А мальчик играет «О моё солнце»?

— Мы всегда играем её! Хотите послушать?

— Очень!!!

Мальчик заиграл. Сеньор надвинул шляпу еще ниже, чтобы его не узнали и на удивление посетителям кафе во весь голос запел всеми любимую песню. А старику он дал знак собирать монеты. Кто-то узнал Карузо. И тарелка старика несколько раз доверху наполнялась деньгами.

А Энрико Карузо, видя это, улыбался добрейшей улыбкой...

ГОЛОС ВЕЛИКОГО ПЕВЦА

Голос Энрико Карузо по силе, красоте и выразительности не имел себе равных... Исследовали, что его голосовые связки имели в длину 23,5 миллиметра, тогда как у других выдающихся певцов эти связки не были длиннее 21 миллиметра. Карузо обладал невероятной силой голоса, от вибрации которого, писал один отоларинголог, «могли лопнуть оконные стекла, не говоря уже о барабанных перепонках». И очевидцы уверяли, что, когда звучал голос Карузо на высоких нотах, разбивались стаканы и люстры.

В СТРАНЕ «ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА»

Холодной и дождливой осенью 1907 года в порту Нью-Йорка собрались многие эмигранты, прибывшие с юга Италии в Америку в поисках работы. Долго ожидали они, что кто-то внесет в казну за каждого из них 50 долларов, без чего нельзя было поселиться в стране «желтого дьявола». Эмигранты послали делегацию к Энрико Карузо с просьбой о помощи. Великий певец немедленно внес за них необходимую сумму. Сбор со многих концертов певца поступал в фонд благоустройства земляков, часто он переводил деньги нуждающимся шахтерам, институту бедных детей Италии.

Особенно велика была его помощь Красному Кресту во время войны 1914–1918 годов.

Следуя благородным порывам своего сердца, Энрико Карузо на благотворительные цели раздал большую половину своих денежных сбережений.

«ПОЮ, КАК КАРУЗО»

Некий итальянский эмигрант открыл на окраине Нью-Йорка небольшую закусочную. Чтобы выдержать борьбу с конкурентами, он пустился на хитрость: повесил над дверью закусочной свою фотографию, под которой красочно написал:

«ПОЮ, КАК КАРУЗО»

Проходившие мимо этой надписи посмеивались над выдумкой находчивого итальянца, заходили в закусочную и слушали подражателя великого певца. Таким образом эмигрант сумел поправить своё неважное материальное состояние.

Сам Карузо добродушно смеялся над изобретательностью соотечественника и не раз слушал его пение.

ПРАЗДНИКИ В САНТА-ЛЮЧИЯ

Проживая в Америке, Энрико Карузо ежегодно приезжал в свое родное итальянское предместье Санта Лючия. Собирал, друзей, моряков, рабочих, мальчишек, одевал, обувал, снабжал их всем необходимым и обязательно водил в одну из таверн, где угощал всех и пел множество песен.

Каждый приезд Карузо в Санта Лючия жители его ожидали, как большой праздник.

СНИМАЙТЕ ХОТЬ ПАНТАЛОНЫ

В очередной свой приезд в Санта Лючия Карузо притащил своих друзей в фешенебельный ресторан «Ренцо и Лю-

чия». Была жара, но хозяин ресторана запротестовал против того, чтобы певец и его гости сняли с себя пиджаки, так как эта фамильярность могла не понравиться аристократам, находившимся в зале. Карузо увел свою компанию в ресторан «Мирамаре».

— У вас можно снять пиджаки? — спросил он хозяина.

— Снимайте хоть панталоны! Переверните всё вверх дном! Здесь всё в вашем распоряжении!

И назло владельцу «Ренцо и Лючия» под аккомпанемент двух гитар Карузо много пел. Заслышав чудесный голос, клиенты в одну минуту переполнили ресторан, а его хозяин хорошо заработал.

КОНЦЕРТЫ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Чтобы сделать свое искусство доступным для простых людей, Энрико Карузо устраивал свои концерты и под открытым небом. Билеты продавались по самым низким ценам. В 1919 году он пел в Мехико на импровизированной сцене на площади и без помощи микрофона. За день до концерта вывесили простое объявление:

«ЭНРИКО КАРУЗО»

И тысячи людей стеклись на площадь из разных уголков страны. Аудитория составила 35 000 человек.

В сентябре 1918 года Карузо в сопровождении оркестра Метрополитен-опера также под открытым небом и без микрофона выступил перед полумиллионом слушателей. Можно себе представить, какую адскую нагрузку артист дал своему голосу!

Сбор с концерта был отдан на благотворительные цели.

СМЕРТЬ И УСЫПАЛЬНИЦА КАРУЗО

Энрико Карузо умер в Неаполе 2 августа 1921 года в возрасте всего 48 лет. Тело его набальзамировали, положили в хрустальный гроб и поставили в центральном зале отеля «Везувио». Трое суток потоками шли сюда люди, чтобы поклониться праху величайшего артиста и благодетеля.

Хоронили Карузо 5 августа. Величественный неаполитанский собор, одетый в траур, был переполнен итальянцами и туристами с флагами и цветами. Лучший тенор Сан-Карло, Фернандо да Лючия, пропел над гробом друга «Молитву» Алессандро Страделла и зарыдал на весь собор...

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Титта Руффо (1877–1953) родился в Пизе в семье кузнеца. Отец все внимание и любовь уделял старшему сыну Этторе, а Руффо держал в черном теле, принуждал его непосильно работать в кузнице. Когда нелюбимому сыну исполнилось тринадцать лет, отец выгнал его из дома. Мальчик не имел в кармане ни сольдо. Голодал и бедствовал. Ночевал в гробнице на городском кладбище.

Так начиналась трудная жизненная дорога великого итальянского баритона. Он не окончил никакой общеобразовательной школы. На вершину славы поднялся самоучкой.

РИСКОВАННЫЙ ОТКАЗ

В годы фашистского террора в Риме по приказу Муссолини был замучен в лесу зять Титта Руффо — секретарь социалистической партии и депутат парламента. Великий певец гастролировал тогда в Латинской Америке, в столице Колумбии — Боготе.

В день получения известия о гибели зятя Титта Руффо должен был петь главную партию в опере «Риголетто». Но горе так потрясло артиста, что он отказался от участия в спектакле. Этот отказ едва не погубил его.

Билеты на оперу были давно распроданы по баснословным ценам. Зрители, желавшие услышать прославленного певца, требовали его выступления во что бы то ни стало. Они с камнями и палками в руках двинулись к гостинице, где остановился Титта Руффо, чтобы учинить над ним расправу. Только полиция спасла его. После этого певец навсегда вычеркнул из своего репертуара роль трагического шута.

РАЗБОЙ «ЧЕРНОРУБАШЕЧНИКОВ»

Титта Руффо не скрывал своих социалистических убеждений и глубокой ненависти к фашистам. Вернувшись из Латинской Америки, он пел в театре родного города любимую партию Гамлета в одноименной опере французского композитора Тома.

В память об этом незабываемом событии общественность города открыла на стене городского театра мемориальную доску. Бесноватые фашисты молотками раскололи ее на мелкие кусочки, а искусство певца объявили «антинациональным».

Только в 1945 году мемориальная доска была восстановлена.

ЕЁ ПОГУБИЛА ШАЛЬ

Знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан (1878–1928) стремилась возродить древнегреческое танцевальное искусство. Она исполняла свои танцы полу-

обнажённой, босой, в лёгкой тунике. Желая освободить искусство от коммерции, она бежала с Запада в Советский Союз. И в 1921 году основала в Москве свою балетную школу, которая существовала до 1950 года под названием Театра-студии имени Дункан.

В 1922 году балерина вышла замуж за поэта Сергея Есенина. За сочувствие коммунистическому движению во всём мире и за создание танца «Интернационал» артистка была лишена американского гражданства и изгнана из США.

В 1927 году она выступала в Ницце. Однажды она ехала по улице города в открытой машине. Концы длинной шали балерины намотались на колесо, шаль сдавила ей горло, — и она задохнулась.

Такой нелепой трагедией закончилась жизнь великой актрисы...

ЧАПЛИН ХУЖЕ... СЕБЯ!

В США проходил конкурс на лучшее исполнение «роли Чаплина». В этом конкурсе участвовал и сам Чаплин (1889–1977), заняв... третье место (?!). Это очень огорчило чудодея киноэкрана.

По мнению артиста Игоря Ильинского, успех конкурентов Чаплина объяснялся тем, что зрители ценили только технику исполнения роли, забыв главное — «внутренне содержание образа, трагедию маленького человека, изуродованного бездушной капиталистической машиной».

ПЕРВЫЕ АКТЕРЫ НА РУСИ

Поистине бедственным было положение первых актёров на Руси. Они получали жалованье по 2 копейки в день.

В своей «Истории русского театра» П.О. Морозов приводит такую челобитную актёров царю Алексею Михайловичу:

«В нынешнем году по твоему, великого Государя, указу, послали нас, холопей твоих, в Немецкую слободу для научения комедийного дела к магистру Ягану Готтерету, а твоего, великого Государя, жалованья, корму нам, холопям твоим, ничего не учинили. Милостивый Государь, Царь и великий князь Алексей Михайлович, Самодержец, пожалей нас, холопей своих, вели, Государь, нам своего, великого Государя, жалованья на пропитанье, подённый корм, учинить, чтоб нам, холопям твоим, будучи у того комедийного дела, голодную смертью не умереть...»

Царь внял «воплю» рабов и повелел выдавать «поденного корму по четыре деньги человеку в день».

ОЧИЩЕНИЕ ОТ СКВЕРНЫ

Скоморошество на Руси из «игрищ» превратилось в «позорища», т.е. народный музыкальный театр, первый спектакль которого состоялся в 1672 году. Музыка и танцы в театре уже не смущали ни царя, ни духовенство. А всё же царь почитал посещение театра делом поганым, и потому после спектаклей он непременно ходил в баню «для очищения».

ИЗНУРИТЕЛЬНЫЕ СПЕКТАКЛИ

Многие музыкально-драматические представления в XVIII веке в русских театрах затягивались на 2-3 вечера. Спектакль в честь прибытия императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, в Киев начался в 7 часов вечера. У венценосной гостьи хватило терпения смотреть его толь-

ко до 2-х часов утра. Потом она послала спросить, скоро ли кончится представление. Ей ответили: «Не дошли еще до середины».

ПРОСТОЙ ОТВЕТ

При императрице Екатерине Второй (1729–1796) в Россию прибыла на гастроли знаменитая европейская певица и запросила за свои выступления 20 000 рублей. Сумма ошарашила царицу:

— Но ведь это больше, чем я даю моим фельдмаршалам!!!

Певица ответила:

— Вашему величеству остаётся только заставить своих фельдмаршалов петь!

ДОМАШНИЕ ТЕАТРЫ

Помещики, обладавшие огромным состоянием, в роскоши своей жизни старались подражать царскому двору.

Нередко домашние крепостные театры служили хозяевам средством обогащения. Крепостные, обученные пению, игре на сцене и на музыкальных инструментах, танцам, живописи и другим искусствам, ценились при продаже гораздо выше прочих.

Лучшие артисты драмы, оперы, балета и оркестра для московских и петербургских театров в начале XIX века покупались казной у крепостных театров.

ПОСЛЕ ПОРКИ — ПЛЯС

Часто в крепостных театрах таланты развивались, расцветали, но еще чаще подвергались унижениям, оскорблениям, издевательствам и даже гибели.

Один священник записал в своих воспоминаниях:

«Вечером эти же артистки Саша и Даша должны были играть в домашнем театре на сцене и разыгрывать каких-нибудь княгинь или графинь. В антракте барин входил за кулисы и говорил: „Ты, Саша, не совсем ловко выдержала свою роль — графиня N. должна держать себя с большим достоинством“. И 15-20 минут антракта Саше доставались дорого: кучер порол её розгами с полным своим достоинством...

Затем опять та же Саша должна была или держать себя с полным достоинством графини, или играть в водевиле и отплясывать в балете».

На потеху гостям в театре Н. Юсупова крепостных артисток заставляли танцевать голыми...

Жестокий самодур и развратник, орловский помещик граф Каменский, превратил артисток своего театра в гарем. Он одевал их на спектакль, как царевен, и в то же время собственноручно порол их, а то и засекал до смерти за ошибки в игре.

На одну постановку он тратил 30 000 рублей!

Во время спектакля он обычно сидел в ложе. Перед ним на столе лежала книга, в которой он отмечал оплошности артистов. А за ним, на стене, висело несколько плеток. По окончании каждого акта граф шёл за кулисы, где нещадно порол провинившихся исполнителей. Их мучительные вопли доносились до зрителей.

ХРАМ ИСКУССТВ

Из всех крепостных театров России самым богатым и роскошным во всех отношениях был Останкинский — графа Шереметьева. Он ни в чём не уступал первоклассным театрам Западной Европы. Граф-архимиллионер не щадил средств, чтобы сделать свой театр подлинным храмом искусств.

Когда на Останкинской сцене шла опера Гретри «Самнитские браки», то знаменитая крепостная актриса Параша Жемчугова (впоследствии жена графа) играла в бриллиантовом уборе, стоившем 100 000 рублей!

Останкинский дворец графа Шереметьева — уникальный памятник российской культуры эпохи крепостного права. С 1918 года это государственная музей.

«ПРЕДТЕЧА ПАГАНИНИ»

Основоположник русской скрипичной школы Иван Евстафьевич Хандошкин (1747–1804) поражал слушателей искусством импровизации. На одном вечере он подряд сыграл 16 вариаций с небывалой настройкой скрипки: соль, си, ре, соль. Мало того: он не раз виртуозно исполнял соло «на расстроенной скрипичке», как о том объявляли в газете.

За фантастическую скрипичную технику Хандошкина называли «предтечей Паганини». Об эмоциональном воздействии его игры на публику тогда писали: «слушая „Адажио“ Хандошкина, никто не в силах был удержаться от слез, а при неописуемо смелых скачках и пассажах, какие он с истинно русской удалью исполнял на своей скрипке, ноги слушателей и слушательниц сами собой начинали подпрыгивать».

«ЖАЛКИЙ ПОБИРУШКА»

Как известно, Михаил Семенович Щепкин (1788–1863) был крепостным. Раз он поспорил с дворецким графа, что тот будет разговаривать с ним, но не узнает его.

Вскоре подросла ярмарка в Коренной Пустыни, Курской губернии. Граф прибыл туда, зашел в монастырскую церковь помолиться. Выходя из церкви, он увидел на паперти нищего, который поразил его жалкой внешностью, причитаньями и просьбами о милостынке. Расстроенный граф велел шедшему за ним дворецкому подать нищему серебряную монету. Тот подал и расспросил, откуда пришел бродяга.

О своем тяжелом впечатлении от встречи с нищим граф рассказал в своей семье. Но ему тут же открыли, что ужасный нищий был не кто иной, как Миша Щепкин. Позвали в дом дворецкого и Мишу, который показал серебряную монету, полученную им из рук дворецкого на паперти коренской монастырской церкви. Дворецкий пари проиграл...

ЧТО СВЯЗЫВАЛО АКТЕРОВ?

Престарелый Михаил Семенович Щепкин жил летом в Кисловодске. К нему подошли два знакомых московских генерала из круга его поклонников. Один заговорил:

— Скажите, Михаил Семенович, почему французские актеры ловки и свободны на сцене, а наши, даже перво-классные, будто чем-то связаны?

— Снимите крепостное иго — и мы станем развязны и свободны.

ПРИШЕЛЕЦ

Хлебосольство и любовь к людям Михаила Семеновича Щепкина не знали пределов. Он искренне радовался всякому гостю, был ли то его знакомый или незнакомый ему человек.

И раз случилось вот что. Во время обеда в столовую вошел господин среднего роста. Его волосы каштанового цвета были причесаны по-русски, лицо загорелое, прямой нос, глаза — что две вишни, и длинные обвислые усы. Вошедший оглянул всех сидевших за столом и запел по-украински:

Ходить гарбуз по городу,

Питається свого роду.

Михаил Семенович встал, ласково поклонился гостю и пригласил:

Милости просим откушать с нами хлеба-соли!

Все члены семьи Щепкина обращались с пришельцем, как с давним приятелем. Когда хозяин осведомился у него об имени и фамилии, тот представился:

Зовут меня Николаем, а фамилия моя Гоголь...

ПОЛИЦМЕЙСТЕР СЪЕЛ СТАДО

Зайдя в мясную лавку, Михаил Семенович Щепкин увидел в ней полицмейстера, который выбрал, купил телянку, уплатил деньги и приказал мяснику хранить тушу у себя в погребе.

Затем он объяснил:

— А я буду посылать за ним по частям. Понятно?

— Не извольте беспокоиться, понимаем, — сказал мясник, низко кланяясь.

М.С. Щепкин заметил ему:

— Вот вам пример честности. А ты говорил, будто полиция у нас вся на взятках живет.

— Да что вы, батюшка! Вот уж пять лет, как полицейский лакомится нашей телятиной, а за все эти годы мы только два целковых и получили, а по счету выходит, что не один теленок им съеден, а целое стадо!

ЧУДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Несмотря на свою европейскую известность — Михаил Семенович Щепкин до самой смерти сердечно относился к родственникам, проживавшим в глухоманных деревнях Суджанского уезда и в заштатном городишке Мирополье Курской губернии. Он постоянно писал им письма из Москвы и оказывал денежную помощь. А проезжая из столицы на гастроли в провинцию, непременно навещал родные места.

Добродушие и веселые шутки артиста навсегда запомнились его землякам.

В один из очередных приездов на родину Михаил Семенович гостил у бедного двоюродного брата В.И. Уколова.

— Чем, брат, угощать прикажете? — спросил хозяин артиста.

— Чем угощать-то? А вот чем.

Он обратился к невестке:

— Ты, Ульяша, напеки паляниц со сметаной — вот и угощение.

В другой раз Ульяна собралась печь лепешки, накатала их много, а сама куда-то отлучилась. Михаил Семенович зашел на кухню, покрыл все лепешки пятирублевыми ассигнациями и, смеясь, доложил хозяйке:

— Ты снизу под лепешки листы подложила, а я сверху хоть бумажками прикрыл, чтобы мухи не обсидели их.

Любил Михаил Семенович пошутить с торговками на базаре.

Прибыв в Мирополье, он в воскресный день с компанией родичей отправился на рынок. Купил у торговки целый мешок раков. Заплатил деньги и спрашивает:

— А чтодохлых раков нет?!

— Ни, паночку, все, все живые.

— Ну, верить нельзя, глазок-смотрок. Гроши получила, бояться нечего... Высыпь раков на землю.

Баба высыпала раков, а он палкой разгребаёт их и говорит:

— Да, все живые... Да ещё какие проворные! Ну, голубка, гони их за мной!

— Ох, паночку, як же можно?! У меня здесь и сметана, и цибуля останется! Натё ваши гроши...

А Михаил Семенович смеётся и своё говорит:

— Гони, гони!

И, оставив бабе её раков, пошёл дальше по торговым рядам.

* * *

Покупая сметану, он просил мерить её локтями. Кругом «чудного» покупателя стоял смех.

* * *

Увидел Михаил Семенович тележку с пшеничными хлебцами и сел на неё. Возок затрещал и сломался. Торговка завопила:

— Ох, лихо! Пропал возок! Что теперь делать буду?! На чем буду возить булки на базар?

А «чудной» человек ей:

— У тебя муж есть? Он тебе и поправит возок.

И чтобы утешить бабу втридорога заплатил ей и за булки, и за возок. Торговка — бух ему в ноги. А он:

— Отдай гроши, если будешь кланяться! Не люблю поклонов. Иди, Бог с тобой.

* * *

По базару за «чудным» земляком ходили толпы зевак, ожидая его новых шуток.

ПРЯ МЕЖДУ КОРИФЕЯМИ

Тернист был путь А.Н. Островского к славе. Между московскими корифеями сцены беспрестанно происходила жаркая пря. Партия Щепкина, Шумского и Самарина не принимала Островского, а партия Прова Садовского, Григорьева, Васильева и Степанова горой стояла за него, создала блестящую галерею типов «тёмного царства».

Шумский ехидствовал:

— Надеть на актёра поддёвку да смазные сапоги ещё не значит сказать новое слово.

Вслед за ним подтрунивал и Щепкин:

— Бедность-то — не порок, да ведь и пьянство не добродетель!

Но Степанов давал сдачи противникам:

— Михаилу Семёновичу с Шумским Островский поддёвки-то не по плечу шьёт, да и смазные сапоги узко делает. Вот они и сердятся.

Однажды в споре об Островском М.С. Щепкин вышел из себя, грохал кулаком по столу, а костылём — в пол... Но к концу своей карьеры Михаил Семёнович неподражаемо играл роли Островского. А на одном утреннике великий актер помирился с великим драматургом, публично обнял его, расцеловал и пролил потоки слёз...

ПЕРЧАТКИ КАРАТЫГИНА

Великий трагик В.А. Каратыгин (1802–1853) был очень скуп. В целях экономии он, играя роль Чацкого в пьесе «Горе от ума», не надевал перчатки, а лишь держал их в руках. Поэтому одна и та же пара перчаток служила ему очень долго.

ПЕРЕХИТРИЛ

Проживая одним летом «на кумысе» около Самары, актер Николай Карлович Милославский (1811–1882) посещал лотерейную лавочку, наполненную разнообразными предметами. Эти вещи не продавались, а разыгрывались. Но никто не мог выиграть ни одной ценной. Милославский заинтересовался этим секретом. Ему приглянулись две великолепные вазы, которые никому не доставались. Он понял мошенничество торговца и смекнул перехитрить его.

Запомнив номер ваз, Милославский дома искусно подделал лотерейный билет и протиснулся в лавочку, набитую народом. Подошла его очередь. Он запустил руку в колесо и к общему удивлению вытянул номер ваз! Плут-торговец был ошарашен: ведь он не клал в колесо номеров лучших вещей! Но делать было нечего: пришлось выдать Милославскому дорогой выигрыш.

«Счастливец» зашагал домой. Торговец догнал его:

— Господин Милославский, скажите, пожалуйста, как вы выиграли вазы?

— Очень просто: заплатил вам двугривенный, полез в колесо и вытянул из него десятый номер.

— Не может этого быть!

— Почему?

— Потому что, признаюсь вам откровенно, этого номера в колесе не было.

— Откровенность за откровенность: этот номер я сам сделал.

— Но ведь это — подлость!

— А с вашей стороны разве не подлость выставлять на соблазн хорошие вещи и не пускать их в лотерею?

— Я про них случайно забыл.

— Ну, а я вам умышленно напомнил...

НЕИСТОЩИМ НА ВЫДУМКУ

Вряд ли кто из русских актеров мог сравниться с Василием Васильевичем Самойловым (1813–1887) в искусстве перевоплощения, в чем ему помогал талант живописца и ваятеля. Василий Васильевич умел в любой пьесе сыграть с одинаковым успехом все роли. В его обширном репертуаре соседствовали Гамлет и Король Лир, Кречинский и кардинал Ришелье, станционный смотритель и лакей, шут и Лжедмитрий.

Самойлов владел «тайной» делаться на сцене и низким и высоким. Однажды он вышел на сцену гигантом. А секрет был прост: Самойлов подобрал артистов ниже себя ростом, декорации и все бутафорские предметы уменьшил против

их действительных размеров. Понизил и дверь, через которую он выходил на сцену, наклоняясь...

Василий Васильевич утверждал и доказал, что нет маленьких ролей. И это он особенно убедительно продемонстрировал исполнением роли толстого лысого генерала в одном водевиле. Генерал сидел, молча, среди гостей. И лишь уходя домой, оглянул комнату и произнес одну-единственную фразу:

— А это квартира у вас казенная?

При этих словах он повернулся спиной к публике. Лысина его кончалась бугрообразным затылком с тремя уморительными складками. Зрители разразились гомерическим смехом. На этот эффект и был рассчитан грим генерала. А грим делал сам Василий Васильевич.

В режиссерской работе он был неистощим в изобретении всевозможных деталей. Уча актеров на репетициях, блестяще играл их роли. Даже женские...

НАКАЗАННАЯ АЛЧНОСТЬ

Знаменитая певица Полина Виардо (1821–1910), в числе других артистов, была приглашена на музыкальный вечер к графу И.И. Воронцову-Дашкову, крупному сановнику при дворе Николая Первого и высококультурному человеку. Никто из артистов и не подумал предъявлять графу какие-то особые условия. Только Полина Виардо, чрезвычайно жадная до денег, потребовала за свое выступление громадные по тем временам деньги — пятьсот рублей. Самолюбие вельможи было уязвлено, однако он принял условие певицы.

Когда она исполнила свои номера, лакей поднес ей на подносе конверт с гонораром. Граф и графиня любезно поклонились Виардо, но не пригласили остаться её на вечер.

По Петербургу разнеслось известие о бестактности и алчности певицы. А Воронцов тонко отомстил ей: всем прочим артистам, выступавшим на вечере, он подарил по две тысячи рублей!

ВЫСШАЯ НАГРАДА АРТИСТУ

Великий украинский драматург, режиссер и актер Марк Лукич Кропивницкий (1840–1910) премьеру своей пьесы «Мироед, или Паук» ставил в Киеве. Сам автор играл роль кулака Бычка так реалистично и убедительно, что в зрительном зале каждую минуту взрывались возмущенные крики в адрес мироеда. А когда на сцене один из героев обратился к Бычку со словами: «Скажи, богопродавец, что мне с тобою делать?!» — в первом ряду кресел в зале вскочил зритель и закричал:

— Бей его, мерзавца!!

И при этом направился к сцене.

ПОЗДНЯЯ СЛАВА

В созвездии талантов Московского Художественного театра блистало и имя артиста Артема (Александра Родионовича Артемьева (1842–1914). Он был «крещенной собственностью» рязанского помещика. В двадцатилетнем возрасте юноша тайком добрался до Петербурга и поступил в Академию художеств... истопником.

Маленький, тощий Артемьев зачастую служил ученикам академии натурщиком. С течением времени истопник и сам пристрастился к живописи и лепке. Подрабатывал он и раскрашиванием фотографий. В этом искусстве добился большого успеха и был приглашен на работу в первокласс-

ную московскую фотографию. Вскоре ему посчастливилось попасть в Школу живописи, ваяния и зодчества, «душой» которой были Полenov и Саврасов. Их творчество, проникнутое искренним состраданием ко всем униженным и оскорбленным, было близко Артемьеву.

Окончив школу живописи, Александр Родионович 25 лет работал учителем чистописания. Одновременно, скрывая от директора гимназии (это занятие считалось позорным для педагога гимназии), Артемьев участвовал в самодеятельных спектаклях. И вдруг 15 ноября 1887 года произошел счастливый поворот в его судьбе: К.С. Станиславский привлек Александра Родионовича к участию в спектаклях Московского музыкально-драматического любительского кружка. А через десять лет взял Артемьева в состав труппы МХТа под псевдонимом Артем. Ему было тогда 56 лет. Артист уже часто прихварывал. Тем не менее, К.С. Станиславский и Вл. Немирович-Данченко считали его незаменимым в чеховских пьесах. В случаях болезни Артема они заменяли эти пьесы другими, но не назначали ему дублеров.

«Неподражаемый артист!» — так характеризовал Артема Станиславский.

Антон Павлович Чехов называл Артема **своим** актером. А образы Чебутыкина («Три сестры») и Фирса («Вишневый сад») Антон Павлович создавал специально для него.

ЕЗДИЛА НА КЛЯЧАХ

Великая актриса Мария Николаевна Ермолова (1853–1928) ездила не в карете, а на извозчике, у которого была самая плохая лошадь. Дорогой она расспрашивала его про жизнь

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ШЕСТВИЕ ЕРМОЛОВОЙ

С невиданной пышностью прошел 17 июня 1879 года бенефис Марии Николаевны Ермоловой в Воронеже. Актрисе буквально засыпали цветами и подарками. Меценат Васильев прислал роскошную коляску, чтобы отвезти бенефициантку из театра домой.

После спектакля вся труппа провожала героиню дня к коляске. А публика стояла шпалерами на всём пути от театра до коляски и неистово приветствовала свою любимицу.

В коляску, обвитую цветами, впряглась учащаяся молодёжь. При свете факелов, под шквал аплодисментов и ликующих криков Марию Николаевну и её горничную довели до гостиницы.

НА ТО ОНА И САВИНА

Выдающаяся русская артистка Мария Гавриловна Савина (1854–1915) гастролировала в Полтаве. После спектакля вся труппа ужинала в клубе, на террасе, увитой диким виноградом. За террасой, в саду, кушали два местных помещика, которые смотрели спектакль и теперь обменивались впечатлениями, восхищаясь игрой Савиной:

— Нет, ты обратил внимание, как она провела эту сцену? А? Удивительно! А как она вот это слово сказала?

— Не понимаю, чему ты удивляешься! На то она и Савина, чтобы играть хорошо!

— Чёрт её возьми совсем!

Савина признавалась потом, что более лестной рецензии об её игре она никогда не получала.

«ПОБРЯКУШКИ» и «ВЕЧНО ТАЛДЫЧИТ»

Проходят века, а суть женщин-актрис, похоже, остается неизменной!

Две звезды русского драматического театр — М.Г. Савина и П.А. Стрепетова (1850–1903) — жили не в ладах.

Все изощрённые приёмы игры Савиной Стрепетова называла «побрякушками», а Савина провозглашала, что Стрепетова «вечно талдычит одно и то же»!

ВСТРЕЧА С УБИЙЦЕЙ ПУШКИНА

В.И. Немирович-Данченко (1858–1943) жил долго. На своем веку он был знаком со многими интересными людьми.

Еще до создания Художественного театра он некоторое время проживал в Париже. Там он познакомился с графиней Паниной, ежедневно сопровождал её в прогулках по аллеям Люксембургского сада. Среди чопорных парижан «высшего света» Владимир Иванович приметил высокого, статного, красивого, безукоризненно одетого старика, который каждый раз при встрече с графиней Паниной галантно кланялся ей и следовал дальше.

Владимира Ивановича очень удивляло то, что графиня никогда не отвечала на приветствия старика и проходила мимо, как бы не замечая его.

Как-то Немирович-Данченко осмелился спросить графиню:

— Ваше сиятельство, кто этот человек? Отчего вы не отвечаете на его приветствия? Он всегда кланяется вам, а вы...

— Он обязан мне кланяться, ведь он был мне представлен... Но я никогда не отвечала ему... И не отвечу!

Почему?!

— Это Дантес!

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

Многие комичные положения В.И. Немирович-Данченко были мишенью для дружеских шуток и острот в стенах Московского Художественного театра. Его так и прозвали: «Двадцать два несчастья».

Въезжал он на пролётке во двор театра. Колесо задело за тумбу, пролетка резко качнулась — и величаво восседавший на ней Василий Иванович подскочил и клюнул носом в спину извозчика. Сверкающий цилиндр режиссёра угодил под колесо и был расплюсчен. Хозяин подобрал его, нанял другого извозчика и укатил домой под смех многих зрителей.

В другой раз «Двадцать два несчастья» опрокинул себе на живот и колени стакан очень горячего чая. Однажды дунул в портсигар и запылил себе глаза едкой табачной пылью.

Репетируя с артистами пьесу, присел на край режиссёрского стола. Крышка перевернулась, и на виновника полетели графин, чернила и лампа.

Как-то, проходя между креслами в партере, он споткнулся о чью-то ногу и растянулся на полу.

Распекая актрису за ошибки, вдруг закружился, заорал «ай! ай! ай!», захлопал себя ладонями по бокам и груди, затем сбросил пиджак на пол — и ну бешено топтать его! Оказалось, что в кармане пиджака вспыхнули спички и прожгли в нем и штанах несколько больших дыр. Репетицию отменили.

«ДЕРЗКОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Владимир (1863–1934) и Анатолий (1865–1916) Дуровы учились в военной гимназии. Больше других предметов их увлекали гимнастика и акробатика. За это впервые в его

жизни и поплатился Владимир Леонидович. В актовом зале шли экзамены по закону божьему. За столом, покрытым зеленым сукном, восседал весь педагогический синклит. Его возглавлял священник. Он вызвал:

— Дуров Владимир!

По рядам учеников пробежал смешок.

— Воспитанник Дуров! — повторил законоучитель.

Ученик на руках, вверх ногами, пошел к экзаменационному столу. Его товарищи сдержанно хохотали, а педагоги хранили гробовое молчание. Священник ерзал в кресле от злости. Протянув руку к стене, на которой висели портреты царя и царицы, он возопил:

— При высочайших особах, при священнослужителе, при господе Боге, который все видит, такое надругательство!..

И кадета Владимира Дурова немедленно отправили домой. Педагогический совет исключил его из гимназии «за дерзкое поведение во время экзамена закона божьего в присутствии царских портретов».

ЧЕСТЬ, ОТДАННАЯ СОБАКЕ

В.Л. Дуров выучил собачку Бишку «грамоте» и «арифметике». Выступления артиста в цирке с демонстрацией талантов Бишки не раз смотрел генерал-губернатор Москвы, князь Долгоруков, постоянно боявшийся покушения на его жизнь. Поэтому хозяин Москвы приказал Дурову обучить его огромного сенбернара Барри так, чтобы он, услышав звук взводимого курка, бросался на человека в револьвером в руке.

Дуров выполнил это распоряжение Долгорукова.

Однажды дрессировщик вёл по тротуару улицы своего губернаторского питомца. Будочник строго крикнул Дурову:

— Эй, господин, очистите панель! Ступайте со своей собакой на мостовую!

Артист вздумал пошутить с полицейским:

— Известно ли вам, любезный, чья это собака?

— Не могу знать.

— Ну, так читайте, что написано на ошейнике!

Будочник по складам прочёл: «Собака Барри принадлежит его сиятельству князю Долгорукову».

И, вытянувшись во фронт, отдал честь псу.

СОБАЧИЙ КОНЦЕРТ В.Л. ДУРОВА

Вторую собаку генерал-губернатора Москвы, князя Долгорукова, лайку Гювен, В.Л. Дуров научил прыгать через палку и лапой гасить сигару хозяина. Но перед сдачей Гювена князю — собака исчезла. На поиски её была поднята на ноги вся полиция Москвы. Долгоруков пригрозил Дурову:

— Отыщи собаку во что бы то ни стало! Иначе упеку, куда Макар телят не гонял!

На улице Грачёвке обитали живодёры и всякие тёмные дельцы, скупавшие краденые вещи. Дуров в отчаянье отправился туда. Из одного двора до него донесся визг нескольких собак и глухой лай Гювена. Но хозяин двора уверил, что собак не держит. Тогда Владимир Леонидович обратился за помощью к полицейским и перед ними пустил в дело свою необыкновенную способность подражать голосам животных. Во дворе живодера раздался как бы концерт большой своры собак. И в ту же минуту Дуров и полицейские услышали ответный лай Гювена и других четвероногих пленников, запятанных под полом в тайнике сарая.

Живодер, получив от полицейских изрядную долю зуботычин, открыл люк тайника. Украденные собаки были возвращены их хозяевам, а Дуров избежал счастливо ссылки в места, «куда Макар телят не гонял».

«ШШШ!.. ВАЛЬ ИДЕТ!..»

В.Л. Дуров имел «бой» с курским губернатором, бароном Валем. «За усердную службу» этого сатрапа назначили петербургским градоначальником. В цирке Чинизелли в то время гастролировал Владимир Леонидович. На одном представлении полиция необычно засуетилась и потребовала предоставить ложу для неожиданно приехавшего в цирк градоначальника.

Узнав об этом, Дуров преподнёс ему сюрприз: во время исполнения своего номера он заметил, что тяжелая портьера отвернулась, и в ложе появился Валь со своей свитой. Дуров прервал монолог на полуслове, поднялся на барьер, приложил палец к губам и, обратившись к зрителям, многозначительно произнес:

— Шшш!.. Валь идет!

Наутро по всему Петербургу разнёсся этот сатирический каламбур.

МАСТЕР ОСТРОУМИЯ

А.Л. Дуров тоже, как и его брат, был талантливейшим острословом и каламбуристом.

В одном провинциальном городе он в цирке рассказывал много комических басен и стихов. А публика хотела увидеть его номер со свиньями.

— Покажите свиней! — орала зрители.

Это надоело Дурову, и он откликнулся:

— Мне кажется и без моих свиней здесь свиней достаточно!

Раздались многочисленные свистки. В это время на манеже появилась свинья. Указывая на неё, Дуров сказал:

— Одна только эта свинья не свистит!

ПРИКАЗ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ВЫПОЛНЕН!!

А.Л. Дуров гастролировал в Петербурге, в цирке Чинизелли. Реклама о представлениях не понравилась ему. Он придумал свою.

По Невскому проспекту ехала великолепная коляска, в которой восседал сам гастролёр, раскидывая во все стороны медали со своим изображением. Толпы охотников за этими медалями загрохотали на улице. На ней остановилось движение.

На следующий день Дурова потянули к градоначальнику Грессеру, который накинулся на артиста:

— Какова цель ваших демонстраций?

— Просто хочу оставить петербуржцам нечто осязаемое о себе. Позвольте, ваше превосходительство, предложить вам один из таких жетонов.

— Благодарствую, уже имею... Прошу вас положить этой памяти предел... Вы вносите сумятицу, творите сумбур... Есть у вас еще эти штучки?

— Есть, ваше превосходительство!

— Так потрудитесь их выбросить!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Анатолий Леонидович ушел от градоначальника и в тот же день снова ехал по улицам, разбрасывая медальки. Его опять вызвали к Грессеру. В ответ на его рык — Дуров не-

винно доложил, что он просто выполнял распоряжение градоначальника.

У Грессера полезли от удивления глаза на лоб, а Дуров продолжал:

— Вы приказали выбросить остаток, вот я и выбросил всё что было!!!

«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В.Л. ДУРОВА

Репризы Владимира и Анатолия Дуровых, по свидетельству современников, поднимались до значительных по тем временам сатирических высот. Они были направлены против полицейского произвола, взяточничества, мракобесия, что вызывало ярость у властей. Особенно досталось Владимиру за его «Железную дорогу».

На представлении все «пассажиры» поезда занимали места согласно их «общественному положению»: породистые собаки занимали вагоны первого класса, поросята и петухи ехали во втором классе, морские свинки — в третьем, а безбилетный журавль шагал по шпалам...

Перед отходом поезда Дуров знакомил зрителей с пассажирами и грузом:

— Утки — всем известные газетные утки. Горшок земли — это крестьянские земельные наделы. Вербки — веревочные нервы рабочих. Гнилая шпала — работа инженеров. Громадная дубина — политический градусник. Рваные штаны символизируют министерство финансов...

ДУЭЛЬ КЛОУНА С ЖАНДАРМОМ

В одном цирковом представлении после фокусов и номеров с участием животных Владимир Леонидович Дуров

рискнул иносказательно обозвать царя дураком. Он сделал это так.

Вынул из кармана серебряный рубль, на котором, как известно, до революции была выгравирована голова Николая II.

— Я обладаю феноменальной силой пальцев, — обратился клоун к зрителям. — Я могу гнуть подковы и ломать рубли.

И он предложил публике убедиться, что рубль его действительно серебряный, а не оловянный. Здоровенный парень взял рубль и, пыхтя и краснея, принялся ломать его, но не согнул. Дуров попросил его:

— Не задерживайте публику, полно вам дурака валять...

После представления к В.Л. Дурову явился жандармский полковник и взревел:

— Что вы позволили себе сказать?!

Дуров, сохраняя вид невинного младенца, ответил вопросом:

— Что я сказал? Не понимаю.

— Что вы сказали, показывая фокус с рублем?

— Полковник, в чем дело? Объясните мне.

— Полно вам-то дурака ломать! Потрудитесь не притворяться.

— Я вас не понимаю, полковник.

— На кого вы намекали, когда сказали: «Довольно дурака ломать»?

— Я намекал?! Ага, так вот вы на что намекаете! И вы, жандармский полковник, допускаете такую мысль!!! Я буду жаловаться на вас!..

Дуров так насел на жандарма, что тот поспешил улизнуть.

ХОР СВИНЕЙ

В.Л. Дуров пришёл к исправнику сибирского города Канска — подписать афишу циркового представления, в программе которого между прочим значилось: «Хор свиней исполнит несколько песен».

— А где текст песен? — спросил исправник.

Анатолий Леонидович ответил:

— Свинячьего языка я не понимаю и по-свински не разговариваю.

А вечером на арене цирка Дуров продекламировал стихи:

*Тут, отлично знаю я,
И цензура не поможет.
В наше время и свинья
Без цензуры петь не может.*

ПРОХВОСТ ДУМБАДЗЕ

После объявления «куцой конституции» в 1905 году в Ялте гастролировал со своими дрессированным животными В.Л. Дуров. А в то время в Крыму свирепствовал пресловутый царский каратель генерал Думбадзе. В.Л.Дуров задумал осмеять и «конституцию», и жестокого сатрапа.

На одном представлении клоун-сатирик вывел на арену цирка собаку под кличкой Лорд и скомандовал:

— Лорд, лови себя за хвост, но смотри не оторви его, а то будешь собака куца, как наша «конституция».

Об этой злой шутке клоуна донесли генералу Думбадзе, который на следующий день издал приказ о цирковых представлениях. В этом приказе между прочим говорилось: «Обязать Дурова ни о хвосте, ни о конституции не говорить ни слова».

А публика восторженно встречала номер Дурова с Лордом и требовала повторять его. Владимир Леонидович раз ответил на это требование:

— Думбадзе **про хвост** (прохвост!) запретил говорить.

Последовал второй приказ Думбадзе: убраться Дурову из города немедленно.

МЕСТЬ КЛОУНА

После революции 1905 года реакция в России свирепствовала повсеместно. Недаром тогда говорили:

— Вся страна оказалась под надзором держиморд...

В это время Анатолий Леонидович Дуров выступал в цирке Воронежа. Полицмейстером в этом городе был Васин.

Дуров вывел на арену свинью. Рассыпая искры остроумия, смешил зрителей и как бы нечаянно выронил из кармана рублевую бумажку. Свинья сию же минуту подхватила ее. Дуров крикнул:

— Полюбуйтесь-ка: свинья сумела поднять наш русский рубль, а наш министр финансов никак этого сделать не может!..

За эту шутку Васин выслал Дурова из города. В другой раз, выступая в этом городе. Анатолий Леонидович отомстил Васину. Клоун появился на арене с тремя свиньями разного возраста. Партнер спросил его:

— Это ваши свиньи?

— Нет. Вот этот поросенок Сашин, вот этот поросенок — Колин, а вот этот жирный кабан — Васин.

Ну, конечно же, полицмейстер снова изгнал Анатолия Леонидовича из Воронежа.

СУМАСБРОДНЫЙ ПРИНЦ

В Московской театральной школе блистала юная балерина Калмыкова. Она вскружила голову страстному балетоману, поэту и композитору, принцу Ольденбургскому. Он часто посещал Москву. Специально для него по утрам в Большом театре давали особые спектакли. В них исполнялись его музыкальные произведения и непременно первый акт балета «Наяда и рыбак», которым Калмыкова показывала своё искусство. Артисты играли в гриме и костюмах, при полных декорациях и освещении. А в зрительном зале сидел только принц. Никого другого туда не допускали.

РАЗУМНЫЙ, НО НЕВЫПОЛНИМЫЙ ОТВЕТ

Однажды к московскому частному владельцу драматического театра Коршу обратился священник с жалобой:

— Мало народу ходит в церковь... Что делать?

Корш посоветовал:

— Вам репертуарчик надо переменить, батюшка. Я вот каждую пятницу новую пьесу ставлю. И у меня народу полно!

Но «переменить свой репертуарчик» батюшка был не волен...

КУМА АРТИСТКА

В спектакле «Власть тьмы» Л.Н. Толстого К.С. Станиславский (1863–1938) задумал впервые показать на сцене подлинную дореволюционную русскую деревню. Для изучения всех мелочей ее быта режиссер, артисты, костюмеры

и художник театра специально ездили в деревню. Привезли с собой предметы крестьянского обихода, а также крестьян — старика и старуху, кума и куму.

Попросили крестьянку порепетировать роль Анисьи. В книге «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславский пишет об этом: «И что же? Экспромт деревенской бабы произвел совершенно ошеломляющее впечатление. Вот кто впервые показал, что такое подлинная деревня на сцене, что такое подлинная душевная тьма и ее власть... Решено было выпустить новоиспеченную актрису-бабу на сцену. Но обнаружилось одно непреодолимое препятствие. В тех сценах, в которых куме приходилось на кого-нибудь сердиться, она бросала текст Толстого и пользовалась своим собственным текстом... Напрасно мы просили и убеждали ее отказаться от бранных слов на сцене: по ее мнению, это было бы ненатурально для подлинного деревенского человека.

Между тем она так сочно, так полно, так верно передавала внутреннее и внешнее содержание толстовской трагедии, так оправдывала каждую подробность нашей натуралистической постановки, что она оживала и становилась необходимой».

Играла кума столь гениально, что после нее никому из прославленных актеров МХАТа нельзя было показаться на сцене.

УСЛУЖЛИВЫЙ ШОФЕР

Перед первой постановкой «Синей птицы» М. Метерлинка на сцене МХТа К.С. Станиславский счел необходимым посетить автора, от которого, кстати, получил приглашение. Метерлинк жил тогда в купленном им бывшем монастыре в Нормандии, недалеко от Парижа.

К.С. Станиславский, по русскому обычаю, накопил множество подарков. У конечной станции, куда он прибыл, не оказалось ни одного носильщика. Тут стояло несколько автомобилей, толпились шоферы.

При выходе у Станиславского спросили билет. Пока приезжий шарил в карманах, свертки с подарками разлетелись в разные стороны. Один из шоферов крикнул:

— Господин Станиславский!

Этот шофер помог ему собрать подарки и повел к своей машине. Сели. Поехали. В пути К.С. Станиславский спросил шофера:

— Как поживает ваш господин Метерлинк?

— Метерлинк? Я и есть Метерлинк!

И оба долго смеялись.

ТАЛАНТЛИВАЯ ЛОШАДЬ

К.С. Станиславский, репетируя «Дети солнца» А.М. Горького, искал достоверные детали. Для изображения жаркого летнего дня он поставил на сцене лошадь в конюшне. Лошадь неправдоподобно махала хвостом, отгоняя мух и оводов. Станиславский показал, как талантливая лошадь должна махать хвостом. Один поклонник театра тут же начал гудеть по-шмелиному. Бегая вокруг лошади, он гудел и пугал ее.

Она и замахала хвостом так, как хотел режиссер. Константин Сергеевич в восторге низко кланялся обоим:

— Благодарю, благодарю вас, господа...

ВЫРУЧИЛА ПЯТИЭТАЖНАЯ РУГАНЬ

Готовясь поставить на сцене МХТа пьесу М. Горького «На дне», К.С. Станиславский со всеми своими артистами

и художником Симовым отправился «на дно», т.е. в ночлежку на Хитровом рынке в Москве, для наблюдения быта босяков. Среди ночлежников встречались и многие «бывшие люди» из интеллигентов. Они нередко переписывали роли для артистов Художественного театра.

К этим знакомцам К.С. Станиславский и привёл свою экскурсию. С ней пришёл и писатель Гиляровский, человек богатырского сложения.

Экскурсанты принесли босякам хлеб, водку, колбасу. Шла мирная беседа. Но вот один из «дновцев» показал гостям его любимый рисунок, вырезанный из какого-то журнала. Художник Симов не одобрил этого рисунка. И в миг произошло неожиданное. Босяки, сидевшие в компании, забушевали, схватили бутылки, табуретки и с дикими ругательствами ринулись на артистов. «Но тут бывший с ними Гиляровский, — пишет К.С. Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве», — крикнул громоподобным голосом пятиэтажную ругань, ошеломив сложностью её конструкции не только нас, но и самих ночлежников. Они остолбенели от неожиданности, восторга и эстетического удовлетворения. Настроение сразу изменилось. Начался бешеный смех, аплодисменты, овации, поздравления и благодарности за гениальное ругательство, которое спасло нас от смерти или увечья».

Да, воистину не узнаешь, **что и когда** окажется полезным!!

РОКОВЫЕ ОШИБКИ

Даже самые эрудированные и опытные педагоги могут допускать роковые ошибки, оценивая способности экзаменующихся. Разительный пример — провал великого артиста

Ивана Михайловича Москвина (1874–1946) на вступительном экзамене в драматическом училище при московском Малом театре. Юноша читал «Песнь о вещем Олеге». Уже на пятом стихе его вежливо остановили и сказали: «Благодарим вас». Это означало: «Вы никуда не годны».

Кое-как удалось Ивану Михайловичу попасть в училище Филармонии. Но и здесь вначале не заметили его гениальности. И ни кто иной, а сам талантливейший драматург и мудрейший режиссёр Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943) вынес тогда Москвину убийственный приговор:

— Москвин, придётся нам с вами расстаться, не вижу данных у вас никаких, чтобы продолжать артистическую карьеру.

К счастью, строгий судья вскоре увидел свою тяжёлую ошибку, исправил её и полюбил Ивана Михайловича.

Училище Филармонии Москвин окончил, но ни в какой московский театр его не приняли. Он уехал в Ярославль «набивать руку» и усваивать игровые трафареты.

Через год он вернулся в Москву и пробился в театр Корша, где, по его выражению, играл «всякую ерунду-водевили».

В 1898 году К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко организовали Художественно-общедоступный театр. В него и взяли И.М. Москвина. В исполнении роли царя Фёдора Иоановича в трагедии А.К. Толстого впервые ослепительно заблистал его актёрский талант.

«ТРАК»

К.С. Станиславский нередко забывал текст своих ролей, путал, ошибался, говорил «не то». Поэтому в Художественном театре, где обычно все актёры играли без суфлёра, для

Константина Сергеевича делали исключение — ставили за кулисами в разных местах суфлёров. Но и это не спасало его. Он иногда неожиданно запинаясь на середине фразы и произносил дальше несуряцицу.

В трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоанович» К.С. Станиславский, исполнявший роль Шумского, должен был крикнуть Годунову — «Поклянись на кресте!». Как раз перед этой фразой Константин Сергеевич впал в «трак», замолчал, а через несколько секунд в отчаянии воскликнул — «Поклянись на крыльце!».

И от этой вариации он не мог избавиться в последующих постановках трагедии. «Опасную» фразу пришлось выбросить из роли.

«УБЕРИТЕ ЖИВОТ»

Временами на К.С. Станиславского нападала хандра. Он становился капризным, раздражительным, терял свою утончённую деликатность и требовал от актёров невозможного, например:

— Марья Петровна, — кричал он на репетиции своей жене, артистке Лилиной, — уберите живот!

— Ах, Костя, ну, куда же я его уберу?!

— Куда хотите... Мне все равно...

На сцене поднималась кутерьма. Участники репетиции мотались туда-сюда, как угорелые, а режиссёр продолжал кричать:

— Что вы делаете?! Это чёрт знает, что происходит! Я не могу работать в этом сумасшедшем доме!!

Истерзав себя и актёров, он скрывался из театра на 3-4 дня. А успокоившись, возвращался в него по-прежнему жизнерадостный, корректный, полный творческих находок.

РЕБЁНОК

Будучи безупречным в нравственном отношении, К.С. Станиславский до глубины души презирал всякую распущенность, богемщину, нечистоплотность...

Американская танцовщица Айседора Дункан захотела танцевать перед ним совсем обнажённой. И предложила ему посмотреть этот танец.

Константин Сергеевич сконфузился до слёз. Но дабы не обидеть коллегу по искусству, он с тяжёлым смущением процедил:

— О... Очень рад... Пожалуйста... Только... разрешите... я позову свою жену. Ей тоже будет интересно... вас посмотреть...

Дункан расхохоталась:

Боже мой! Какой вы еще ребёнок!

ОН СУНУЛ ДЕРЕВЯШКУ ПО-ПРАВДИШНОМУ

В четырехлетнем возрасте Костя Алексеев впервые выступил на сцене в постановке живых картин «Четыре времени года». Это было на даче в посёлке Любимовке, в 30-ти верстах от Москвы по Ярославской железной дороге. Костя изображал зиму. Маленькую срубленную ёлку поставили посреди сцены и обложили внизу ватой. В кучу хвороста воткнули зажженную свечу так, чтобы пламя не доставало до веток.

Одетому и загримированному под Деда-Мороза Косте дали в руку деревяшку и строго объяснили:

— **Как будто** суй деревяшку в костёр, но Боже упаси подносить её к огню!

А Косте такое сование показалось неправдоподобным и бессмысленным. Он размышлял: «Зачем мне **как будто** совать, коли я могу сунуть её в костёр по-правдишному?»

И сунул. Вата загорелась. Вспыхнул пожар, поднялась суматоха. Злосчастного артиста «сгребли в охапку» и унесли в дом...

Несомненно — в этот вечер духовно родился гениальный реформатор театра.

ПРЕОДОЛЕВАЯ НЕЛОВКОСТЬ

К.С. Станиславский в юности отличался большой неловкостью. Друзья и знакомые, жившие в небольших комнатах, ожидая его прихода, убирали в безопасные места вазы и статуэтки, чтобы он их не задел и не разбил.

На одном многолюдном балу Константин Сергеевич повалил кадку с пальмой. А в другой раз, танцуя с любимой барышней, споткнулся и, чтобы не растянуться, ухватился за ножку рояля. На грех, ножка эта была подломленной. Танцор вместе с роялем рухнул на пол.

Страстно желая посвятить себя театру, Константин Сергеевич принялся упорно преодолевать свои физические недостатки. После рабочего дня в конторе отца он с семи часов вечера до четырёх ночи, «доходя до мании», работал над жестом, мимикой, голосом, дикцией, интонацией.

Эти творческие муки и помогли ему стать примером предельного и всестороннего совершенства актёрского мастерства.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Еще в ранней юности К.С. Станиславский испытывал свой дар перевоплощения, мистифицируя родных и знакомых.

Нарядившись и загримировавшись под нищего и изменив голос, он раз пришёл к богатому московскому дяде просить милостыню. Тот, совершенно не узнав племянника, подал «нищему» мелкую монету. А когда Костя сорвал с себя грим и рубище, дядя сначала разинул рот от удивления, а потом хохотал до упаду.

БУКЕТ ИЗ СТОРУБЛЕВОК

Русская актриса Вера Федоровна Комиссаржевская (1864–1910) в сценическом творчестве выражала страстный протест против самодержавно-капиталистической действительности. Она активно помогала революционному движению...

Бакинский шеф жандармов боготворил актрису. В своей квартире он устроил ее концерт — только для богатых. Цены билетов были не ниже 50 рублей. В антракте толстосумы поднесли Комиссаржевской букет из сторублевков.

На концерте присутствовал друг Веры Федоровны, член ЦК партии большевиков Леонид Борисович Красин. Понюхав букет, он сказал ей: «Хорошо пахнет... типографской краской».

Спустя несколько дней Красин уехал с этими деньгами за границу — покупать оборудование для большевистской подпольной типографии.

«МОДИСТКА»

В.Ф. Комиссаржевская помогала революции не только деньгами, но и распространяла нелегальную большевистскую литературу. К ней в театр часто заходила «модистки» с картонной коробкой. Сверху в картонке в самом деле ле-

жали наряды для актрисы, а под ними — нелегальная литература.

Вера Федоровна и «модистка» запирались в артистической уборной: актриса примеривала принесенные костюмы.

Комиссаржевская забирала из коробки литературу, прятала ее в гардероб, а в коробку клала другую литературу. «Модистка», мило улыбаясь театральным филерам, уносила книги, газеты и брошюры, чтобы раздать их по заводам и фабрикам.

БОЙ В ТЕАТРЕ

Чутко улавливая рост революционных настроений трудящихся масс, В.Ф. Комиссаржевская поняла, что старый театр, рассчитанный на эстетов, отжил свое время, что нужен новый театр — трибун революционных идей.

Мечта актрисы сбылась: осенью 1904 года в Петербурге, в здании Пассажа, открылся ее «Драматический театр». Замыслу Веры Федоровны отвечала драматургия А.М. Горького. И первым спектаклем на сцене «Драматического театра» Комиссаржевской были «Дачники».

После третьего действия актеры и автор вышли к рампе раскланиваться. Реакция злобно восприняла спектакль: слышался свист, затрещали трещотки, загудели гудки, застучали сотни ног. Актеры шмыгнули за занавес. А Горький стоял у рампы и гневно бросил в толпу:

— Бейте, не боюсь!

А с галерки донесся гром аплодисментов в адрес Алексея Максимовича. Вера Федоровна носилась по сцене и кричала:

— Какая низость! За что? Это заговор! Против меня! Чтоб я не ставила революционных пьес... вернулась бы в болото! Буду ставить! Буду!!

Вместо четвертого акта спектакля прошел митинг. Вера Федоровна, стоя на авансцене, произносила пламенные монологи. Зрители ежеминутно вызывали Горького. Потерпевшие поражение заговорщики покидали зал. Спектакль закончился триумфом. Но вскоре «Драматический театр» Комиссаржевской власти закрыли за неблагонадежность.

ТРУДНЕЙШЕЕ АРИОЗО

Оперный тенор Иван Васильевич Ершов (1867–1943) обладал дивным голосом: сильным, приятным и ровным во всем его диапазоне. Из всех русских теноров никто не отваживался петь в опере «Жизнь за царя» М.И. Глинки арию Собинина «Братцы, в метель...», ибо в ней есть четыре верхних до и два ре-бемоль.

В день 60-летия первой постановки оперы Ершов поразил слушателей: спел сложную арию легко и свободно...

«ТРОНОВ НЕ ЖАЛЕТЬ!»

Великий русский тенор Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) помогал революционерам.

В 1905 году пресловутый царский сатрап Трепов приказал войскам: «Патронов не жалеть!» — для подавления восстания рабочих. В журнале «Сигнал», широко распространявшемся в демократических кругах, первые две буквы приказа были слегка затушеваны. Выходило: «Тронов не жалеть!» в связи с этим журнал закрыли.

Значительные средства на издание «Сигнала» поступали от Леонида Витальевича Собинова.

В 1905 году на одной петербургской квартире собиралась большая группа революционно настроенных студентов и артистов. Душой кружка был Л.В. Собинов. В кружке пели революционные песни, декламировали острые сатирические произведения. Пламенные стихи читал и Леонид Витальевич Собинов. Позже стало известно, что он был и их автором.

ЭТО НАДО ЧУВСТВОВАТЬ

Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) затруднялся объяснить тайну художественного творчества артиста. Он признавался художнику К.А. Коровину:

— Знаешь, я все-таки не могу объяснить. Это надо **чувствовать**. Можно уважать работу, удивляться труду... Но вот бык или вол трудится, работает двадцать часов, а он не артист. Артист думает всю жизнь, а работает иной раз полчаса. И выходит, что он артист. А как? Неизвестно...

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

Среди артистов разгорелся спор по вопросу, что такое искусство. Шаляпин незаметно удалился в соседнюю комнату. Потом внезапно распахнул дверь, стал на пороге смертельно бледный, со взъерошенными волосами, дрожащими губами, с полными ужаса глазами и произнес:

— Пожар!

Поднялась паника, крики... Но Шаляпин вдруг рассмеялся:

— Теперь понятно вам, что такое искусство?..

РЕВАНШ

Многие театральные рецензенты недолюбливали Ф.И. Шаляпина. Для нападок они выискивали сучки да задоринки в его частной жизни. Фёдор Иванович ждал случая дать им реванш. И случай этот скоро выпал.

В доме артиста на Новинском бульваре в Москве собралась весёлая компания. Были тут и театральные критики. В зале особняка на столе, покрытом тёмным бархатом, лежал гипсовый портрет Шаляпина. Певец сам вылепил его, глядя в зеркало. Гости восторгались работой хозяина. Один рецензент спросил:

— Отчего бы вам, Фёдор Иванович, не заняться скульптурой? Сделать большую интересную работу...

Что же? Я, признаться, собираюсь вылепить не такой пустячок, как это, а символическое изображение.

— А именно?

— Барельеф этакий... с натуры... монументальный...

— А что же он будет символизировать?

— Нашу театральную прессу!

— О, о! Bravo! Это интересно! Аплодируем уже заранее. Ждем!

— Да-а... Немножко меня, знаете, материал смущает... Из чего лепить?

— А из чего вы думаете?

— Из г...на!!!

Наступила театральная пауза... Журналист Яблонский выкрикнул:

— Нам бросили перчатку! Мы её поднимаем!

И в ту же минуту журналисты покинули зал.

ПОДАРОК ВЕЛИКОГО ПЕВЦА

Ф.И. Шаляпин нередко после утомительных спектаклей любил отдохнуть и развлечься в цирке. Там он смотрел выступления и прославленных борцов. Со знаменитым Иваном Поддубным соперничал тогда пятикратный чемпион мира Кристиан Шульц.

Однажды схватка этих богатырей происходила на подмостках театрального заведения «Фарс». Virtuозные приёмы борьбы Шульца так восхитили Фёдора Ивановича, что он зашёл к силачу в раздевалку, где познакомился с ним и подарил ему золотое кольцо с янтарным ободком и печаткой. Этот драгоценный сувенир хранился у К. Шульца до конца жизни...

ОТВАДИЛИ

Шаляпин и Коровин облюбовали на речке Нерли местечко для рыбной ловли. Но сюда повадился поп из ближайшего села... Друзья решили отшить непрошеного рыболова. Достали большой бычий пузырь, надули его. Коровин нарисовал на нем страшную рожу. Потом «проказники» прикрепили к пузырю водоросли и привязали веревку с грузилом.

Пришел поп. Закинул удочки. Заговорщики спрятались в кусты, опустили пузырь на дно. Коровин шепнул Шаляпину:

— Тащи веревку!

Федор Иванович дернул. Из воды вынырнула страшная голова. Поп смертельно испугался, вытащил удочки. Но, подумав, что голова ему померещилась, снова закинул их. Страшное зрелище повторилось. Поп не выдержал; бросил удочки и, подхватив фалды подрысника, удрал домой.

Слух о водяном в омуте на Нерли понесся по всей округе...

РЕДКОСТНАЯ РОЛЬ ШАЛЯПИНА

В квартире В.А. Гиляровского собралось много гостей. Были тут и солидные персоны, и студенты-филологи, товарищи дочери Гиляя — Надюши. Приехал и Ф.И. Шаляпин.

Ужин запаздывал... Молодёжь шумно веселилась в зале. Почтенные же гости разместились в комнате рядом со столовой. Оставшиеся беседовали в кабинете хозяина.

Неожиданно в квартире раздался хватаящий за душу мучительный собачий вой. Все гости шарахнулись в ту комнату, откуда он доносился. И увидели: возле маленького круглого стола сидел в кресле Шаляпин и, подперев рукой щеку, протяжно, истошно выл по-собачьи. Его фигура, лицо и глаза выражали грусть, тоску и одиночество.

Гости замерли, наблюдая за великим артистом в его новой, никем не виданной роли. В комнату вошел Гиляй:

— Федя, кончай! Подогретое красное вино на столе, а горячий окорок сейчас подадут!

Художник К.А. Коровин крикнул:

— Шаляпина в новой роли видели! Радуйтесь!

— Да, в новой, — жалобно отшучивался Федор Иванович, — станешь в новой, когда есть хочется... Музыку для неё написал Коровин, а слова — Гиляя...

В столовой Шаляпин поднял тост за здоровье Надюши, а Коровин продолжил:

— И за новую роль Шаляпина, которую мы едва ли увидим в Большом или Мариинском!

— И не увидишь, Костя! Исполнил я её только один раз, и не в свой бенефис, а в квартире Гиляя, на празднике Надюши, потому что очень проголодался!

ТРИУМФ В «ЛА СКАЛА»

Итальянский композитор и поэт Арриго Бойто создал оперу «Мефистофель», но на родине ее автора ее отвергли. Пятнадцать лет заживлял Бойто тяжелую рану...

Миланский оперный театр «Ла Скала» считался центром высшей музыкально-драматической культуры, академией бель канто (прекрасного пения).

Чтобы добиться всемирного признания, певцы и певицы всех стран непременно должны были получить соответствующую аттестацию в этом театре. Но в нем свирепствовал террор клакеров, т.е. банды «зрителей», за взятки создававших артистам успех шумными аплодисментами. Артиста, не подкупившего их, клакеры освистывали, бросали на сцену тухлые яйца, гнилую капусту и т.д.

В 1901 году Федор Иванович Шаляпин должен был выступать в «Ла Скала». С этой целью он, бросая вызов итальянским музыковедам, приготовил оперу Арриго Бойто «Мефистофель».

С клакерами Федор Иванович не церемонился: выгнал из своего номера отеля их шефа, явившегося за взяткой, и напечатал об этом в миланской газете возмущенное письмо.

Опера, великолепная игра, оригинальное истолкование образа Мефистофеля, необычные костюм и грим настолько покорили зрителей, что клакерам не удалось сорвать спектакль. Публика вызывала на сцену и автора оперы, и чтобы просить у него прощения... Сам композитор, Арриго Бойто, нервничал дома, ожидая конца спектакля. Когда он узнал об успехе, сказал удовлетворенно:

— Я отомщен.

РУССКАЯ ПЕВИЦА ПОКОРИЛА И КАРУЗО!

Антонина Васильевна Нежданова (1873–1930) вскоре после окончания консерватории в 1912 году получила приглашение выступать на сцене парижского театра «Гранд-Опера» в партии Джильды из «Риголетто» Верди. Молодой русской актрисе предстоял труднейший экзамен — петь с королями оперной сцены Титта Руффо и Энрико Карузо!

Впервые Нежданова встретила с Карузо на репетиции. Он вальяжно сидел в кресле, откинувшись на спинку и положив ногу на ногу. Курил толстую сигару, не обращая ни на кого внимания. Величайший тенор мира был явно недоволен какой-то молодой, никому неизвестной партнершей — Джильдой...

А когда Антонина Васильевна исполнила труднейшую арию Джильды из второго акта оперы, театр потрясла бурная овация. Ей аплодировали и солисты оперы, и оркестранты, и хористы, и даже рабочие сцены. И добродушный Титта Руффо яростно хлопал и выкрикивал:

— Мольто Бене! Мольто Бене! (Очень хорошо!).

Был покорен Неждановой и сам Энрико Карузо. Он подбежал к певице, поцеловал ей руку и сказал:

— Простите мою неучтивость, мадам, я не знал, с кем имею дело!..

ПОДВЕЛИ ОБОРЫ

А.В. Нежданова имела обыкновение являться в театр за два часа до начала спектакля, чтобы, не торопясь, тщательно загримироваться, одеться, настроиться на творческий лад, проверить все мелочи обстановки на сцене.

Но даже у нее бывали «проколы».

Однажды, участвуя в постановке «Ивана Сусанина» в Большом театре, Нежданова пела партию Антонида. Ее партнерами были в тот раз Л.В. Собинов и Ф.И. Шаляпин.

Костюмер, одевая Антониду-Нежданову, плохо завязала оборы на её лаптях. Как раз в начале исполнения самой ответственной арии эти оборы развязались и мешали движениям артистки по сцене. Боясь запутаться и упасть, Антонина Васильевна пропела, стоя на одном месте.

КТО ПЕЛ?!

Летом 1925 года Антонина Васильевна Нежданова отдыхала на итальянском курорте. Утром на маленькой террасе под тентом она пила кофе. Из находившегося рядом курзала до неё донёлся прекрасный голос выступавшей там певицы, исполнявшей партию Виолетты из оперы «Травиата» Дж. Верди. Труднейшая каденция из первого акта оперы так раззадорила Нежданову, что она, не поднимаясь со стула, повторила ее с таким блеском, который поразил внимание зрителей, скопившихся на концерте в курзале. Во взбудораженной толпе слышался один и тот же изумленный вопрос:

— Кто пел?!

Но он так и остался без ответа.

ВЫБОР ПСЕВДОНИМА

В плеяде знаменитых русских актеров — и Александр Алексеевич Пожаров (1874–1953). Свою сценическую деятельность он начал в 1895 году в Воронеже в труппе А.М. Медведева. В следующем году поступил на драма-

тические курсы при Московском театральном училище, в класс знаменитого А.П. Ленского.

Артист обладал голосом редкой красоты. Совершенствовал его у оперных певцов, даже у Федора Ивановича Шаляпина.

В 1901–1902 гг. Александр Алексеевич играл в театре Корша, в котором и приключилось с ним интересное событие. Изумительным исполнением роли Алеши в драме Найденова «Дети Ванюшина» Пожаров буквально потряс зрителей, которые бурно аплодировали ему, вызывая на сцену:

— Пожаров!! Пожаров!!

А многим зрителям, сидевшим в дальних рядах зала, послышалось: «Пожар! Пожар!» Испуганная толпа хлынула к выходу. Образовалась давка.

После этого происшествия администрация театра попросила виновника беды переменить фамилию. И он выбрал псевдоним «Остужев», с которым и вошел в историю русского театра.

КУХАРКА НЕ ВЫДЕРЖАЛА

Василий Иванович Качалов (1875–1948) очень много трудился над подготовкой ролей. Часто он всю ночь громко произносил реплики, диалоги и монологи. Кухарка сочла хозяина сумасшедшим, разговаривающим с самим собою, испугалась его и ушла из дома великого артиста.

С ТОСКИ-ПЕЧАЛИ

Когда жена Василия Ивановича Качалова смертельно заболела, знаменитый артист с тоски-печали пил коньяк. А свою любимую собачку Джипси он угощал тогда сахаром,

пропитанным коньяком. Спустя некоторое время, хозяин и его четвероногий друг сильно хмелели и... засыпали.

БЕЗУМНЫЙ ПИЭТЕТ

Обожание В.И. Качалова его поклонницами доходило до абсурда. Они преследовали своего кумира неотступно. Скрываясь от них, он засекретил домашний телефон, из квартиры выходил черным ходом.

Горничная артиста продавала его поношенные носки по 25 рублей за пару, носовые платки шли по 15-20 рублей! Даже окурки расхватывались по рублю за штуку!

«НЕВЫНОСИМОЕ СОСЕДСТВО»

У рязанского плотника Степана Ивановича Пирогова было пять сыновей. Все стали известными басами на русской оперной сцене. Григорий Степанович Пирогов (1885–1931), получив звание солиста императорских театров, приехал в родную Рязань проведать семью и дать благотворительный концерт в зале дворянского собрания. Артист хотел, чтобы и его отец порадовался за успехи сына.

Перед началом концерта Григорий Степанович спросил администратора:

— А отца моего устроили?

— Григорий Степанович, батюшка ваш изволят в сапогах ходить, а в зал Дворянского собрания входить в сапогах не полагается... Но вы не тревожьтесь: устроим папашу за колоннами.

— Как это за колоннами?! — вспыхнул артист. — Посадите его в первом ряду, да рядом с губернатором! А не посадите, — концерта не будет!

Администратор умолк и скрылся. Пирогов взял отца за руку, повел его по ковровой дорожке через весь залитый огнями зал и усадил в первом ряду, возле губернатора. Степан Иванович, комкая в руках картуз, робко спросил сына:

— Куда ты привел меня, Гриша?

— Ничего, отец, ничего!

Губернатор сидел, едва сдерживая гнев.

Публика встречала каждый номер концерта овацией. Но князь не выдержал соседства мужика и после первого отделения концерта покинул зрительный зал...

Черносотенная газета «Голос Рязани» на следующий день разразилась рецензией на концерт, в которой обвиняла Григория Степановича в «потрясении основ империи».

НА ЧУЖБИНЕ

В числе русских эмигрантов после революции 1917 года оказались такие корифеи искусства, как артисты Московского Художественного Театра М. Чехов, Германова, Рощина-Инсарова, великая балерина Анна Павлова и многие другие. Их старания создать русские театры в Нью-Йорке, Берлине, Париже, Лондоне и проч. не увенчались успехом.

Гениальный Чехов так и не прижился в Голливуде, оставил сцену и занялся птицеводством на своей ферме в Америке.

Так бесславно потухли на чужбине ярчайшие звёзды российского искусства.

ЦАРИЦА БАЛЕТА

Так искусствоведы и публика называли русскую балерину Анну Павлову (1881–1931), которая блистала на всех лучших сценах мира.

В январе 1931 года были запланированы её гастроли в Гааге. По пути туда артистка простудилась. Заболела воспалением лёгких, перешедшим в гнойный плеврит. Сырой и холодный климат Голландии доконал её.

У постели смертельно больной балерины днем и ночью в качестве медсестры дежурила королева этой страны.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

В 20-40-е годы XX века в Париже действовали три эмигрантские оперы: «Русская опера» Церетели, «Парижская русская опера» К. Агренева-Славянского и опера М.Н. Кузнецовой-Бенуа.

Оперы первых двух антрепренеров кое-как перебивались. Между сезонами все артисты добывали хлеб насущный кто как умел: водили автомобили, чинили авторучки, сторожили дворцы богачей, слесарили и проч. Артистки превращались в прислуг, швей, нянек, кухарок...

Талантливый оперный дирижёр и хормейстер К. Агрнев-Славянский вместе с женой, первой меццо-сопрано, перед спектаклями сами ставили декорации, заколачивали гвозди, раздавали артистам костюмы и пр. И только потом принимали участие в представлении.

С малым составом труппы и с мизерной материальной частью они объездили многие города Европы, Африки и Америки, первыми познакомив тамошних жителей с русским музыкально-драматическим искусством.

Судьба третьей оперы была очень любопытна и печальна. Бывшая солистка Мариинки М.Н. Кузнецова-Бенуа вышла замуж за миллионера и сына знаменитого композитора — Массне. Дряхлый жених подарил в день свадьбы неве-

сте, вместо драгоценностей, русскую оперу. Подарок стоил ему 4 000 000 франков!

Оперу обставили с предельной пышностью, здание её находилось в аристократическом центре Парижа. Пели великие артисты, декорации писал выдающийся художник К.А. Коровин. Под руководством знаменитых дирижеров ставились наиболее великие спектакли: «Князь Игорь», «Снегурочка», «Борис Годунов», «Хованщина» и проч.

Однако из-за мирового кризиса, поразившего капиталистическое общество, триумфу театра вскоре пришел конец. За долги с молотка продали в Мексике всё театральное имущество. Лопнули и узы Гименея, связывавшие антрепренершу с Массне...

Публика еще долго искренне сожалела о печальном конце русской эмигрантской оперы, привлекавшей её особой экзотикой, замечательной музыкой, высочайшей культурой исполнительского мастерства, невиданными ранее массовыми сценами и реализмом постановок по системе К.С. Станиславского.

РАСПЛАТА ЗА ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Михаил Иванович Жаров (1899–1981) был одним из любимейших киноартистов в СССР. Он иногда снимался в ролях, где приходилось много выпивать. И делал это он столь правдоподобно, что зрители зачастую считали его любителем «закладывать за галстук», хотя в жизни он был человеком строжайшей нравственности, трезвости, благоразумия и благородства.

Артист старался не бывать в ресторанах из-за боязни, что к нему там непременно подходили бы поклонники с просьбой выпить с ними.

Как-то в Гагре один из курортников, узнав артиста, привязался к нему с разговором:

— А, товарищ Жаров! Приехали отдыхать? А может, лечиться?

— А может, и лечиться...

— Сердце?

— Да, сердце...

— Ай, яй, яй! Сердце! Вот видите... нельзя много... того... закладывать... Пора и успокоиться, уважаемый наш дядя Миша!

— Послушайте, дорогой племянник! Ведь я с вами, кажется, никогда не выпивал...

— Да вы не обижайтесь... Все знают по кино, что вы любите заложить... Ох, и вкусно же вы пьете!!! Однажды, смотря вашу картину, я не мог дожидаться конца, пошёл в буфет и выпил так же, как вы, — с удовольствием!

ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ

Первая в СССР звуковая кинокартина «Путёвка в жизнь» (1931) трижды обошла экраны всего мира. Так велика была ее популярность!

Роль жулика Жигана в ней блистательно, без грима сыграл М.И. Жаров. Публика прочно запомнила ее. Это обстоятельство приносило артисту массу неприятностей.

Если он появлялся где-либо на людях, все шарахались от него, как от чумного. И тогда Жаров слышал тревожные разговоры:

— Чёрт его знает! Говорят, он артист, а может, жулик!

— Лучше от греха подальше!!!

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Это было во время гастролей артистов Большого театра СССР в именитом «Ла Скала». Иван Иванович Петров (р. 1920) пел партию Бориса в опере Мусоргского «Борис Годунов»

Однажды в номер гостиницы Ивана Ивановича позвонила Валли Тосканини, дочь знаменитого дирижера, и сказала, что его желает видеть одна дама.

Вечером Петров был в директорской ложе.

Через несколько минут там появилась высокая, худощавая, уже немолодая женщина с черными, слегка седыми волосами.

— Я слышала вас в «Борисе Годунове». Вы произвели на меня неизгладимое впечатление... И я решила сделать вам маленький подарок. Надеюсь, он вам будет приятен. — И, немного смущаясь, продолжала: — Я решила преподнести вам перстень моего отца. Федор Иванович надевал его в последние годы, когда пел Бориса...

Марина Федоровна протянула певцу массивный сверкающий перстень Шаляпина. Придя в себя, Петров взволнованно сказал:

— У меня нет слов, какими я мог бы поблагодарить вас!.. Этот перстень я буду хранить до конца жизни, как самую дорогую реликвию...

СУВЕНИР МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА

Гастролируя в США в 1956 году, знаменитый виолончелист Мстислав Леопольдович Ростропович (1927 — 2007)

много играл и в доме знаменитого писателя Лиона Фейхтвангера в Лос-Анджелесе.

Как только маэстро окончил последнюю пьесу, писатель подошел к нему, сунул в руку грифель и энергично опрокинул стул, на котором сидел виолончелист во время игры, и попросил его дать автограф на днище. Изумлённый музыкант оставил писателю любопытный сувенир...

V

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ ДРЕВНОСТИ

Римский ученый Плиний Старший (23–79) оставил после себя большой научный труд. Его монументальная «Естественная история» — свод всех знаний древнего мира. Всю свою жизнь Плиний Старший посвятил науке и погиб как настоящий ученый. С целью увидеть извержение Везувия, он подплыл к нему на корабле, подошел к самому кратеру. Чтобы вытерпеть непереносимый жар, подвязал к голове подушки, но... задохнулся в облаке удушливого газа.

МАГ, КОЛДУН И АСТРОЛОГ

Философ Роджер Бэкон (ок. 1214—ок. 1292) первым изучил свойства вогнутых и выпуклых стекол, изобрел очки, разработал устройство телескопа, подготовил открытие пороха, найдя способ очищения селитры. Ему принадлежит также открытие телефона, самодвижущихся повозок, летательных аппаратов.

В народе распустился слух, что Роджер Бэкон — маг, колдун, астролог, что он сделал из стали человеческую голову, которая говорила и прорицала будущее.

Монахи донесли папе Николаю III, что Роджер Бэкон продал душу дьяволу. Фанатики осудили его сочинения как

«опасные и подозрительные учения», а самого автора заточили в тюрьму на 15 лет.

РАЗНОСТОРОННЕЕ ДАРОВАНИЕ

Бернар Палисси (ок. 1510—1589) известен в истории науки и искусства главным образом как керамист, скульптор, живописец на глиняных и металлических изделиях. А между тем этот необыкновенный художник хорошо знал химию, физику, геологию, астрономию.

В Париже он основал естественно-исторический кабинет, в котором в 1575—1584 годах читал блестящие лекции по физике и естественным наукам. Он же первый указал на значение солей для плодородия почвы.

В своих лекциях и опубликованных сочинениях Палисси выступал убежденным противником схоластики и алхимии, был поборником изучения природы путем наблюдений, анализа и опытов. За проповедь идей, противоречащих учению католической церкви, и принадлежность к гугенотам Палисси в 1588 году заключили в Бастилию, где он и умер.

В Лувре экспонируются его изумительные художественные поделки из керамики и металла.

ПЕРВЫЙ АНАТОМ

Андреас Везалий (1514–1564) — основоположник анатомии. Он один из первых среди медиков начал вскрывать трупы. Им же создан семитомный труд «О строении человеческого тела», который католические изуверы объявили еретическим. Везалию запретили вскрывать тела умерших для анатомических исследований. Доведенный до отчаяния, он сжег часть своих рукописей и материалов.

Инквизиторы судили Везалия и приговорили его к паломничеству в Палестину. На обратном пути, уже больной, Везалий попал в кораблекрушение, был выброшен на о. Занте, где и умер.

ОЧКИ

В древнем Риме стеклянных очков не было. На бой гладиаторов близорукий Нерон смотрел через монобль из полированного изумруда. Но видел все-таки смутно: изумруд малопрозрачен.

Первые стеклянные очки изобрел английский ученый и философ Роджер Бэкон. Способ изготовления очков был строго засекречен. Поэтому пара очков стоила более тысячи золотом!

Простую задачу — как носить очки, люди решали триста лет! Первые обладатели очков прикрепляли их к шляпе. Приходилось читать и писать, не снимая шляпы. Пробовали вставлять стекла в железные кольца. Очки походили на пенсне. Их непрерывно поддерживали рукой, они сползали с носа. Позже вставляли стекла в ремни, которые завязывали на затылке. И только в конце XV века изобрели заушники. Примерно тогда же И. Кеплер (1571–1630), немецкий астроном, научно обосновал, что в зависимости от остроты зрения нужно носить разные очки.

РАССЕЯННЫЙ ГЕНИЙ

Рассеянность Исаака Ньютона (1643–1727) была анекдотической. Посетил ученого его друг. Не застав хозяина дома, гость съел его обед и ушел. Вернувшись домой, Ньютон увидел на столе пустую посуду и удивился:

— Однако, как мы, философы, рассеяны: оказывается, я уже пообедал!..

ПЕРВЫЕ ФОТОСНИМКИ

Первый фотоаппарат изобрел Луи Жак Манде Дагер (1787–1851), французский художник и изобретатель. Съёмки тогда представляли собой утомительные и пренеприятные процедуры. Чтобы снимок вышел четким, клиенту вымазывали лицо мелом, а уж потом наводили на него аппарат. В таком положении человек, не шевелясь, должен был сидеть перед фотокамерой не менее получаса.

ОТВЕРГНУТЫЙ ОРДЕН

Простота и скромность немецкого химика Роберта Бунзена (1811–1899) стали притчей во языцех. Он сделал много открытий, но, говоря о них на лекциях, никогда не упоминал своего имени, пользовался неопределенной формулой: «Это было открыто», «Это исследовали» и т.п.

После того, как весь мир узнал об открытии спектрального анализа, Наполеон III прислал Бунзену орден Почетного легиона, но ученый не принял его, ссылаясь, что изобретение якобы принадлежало одному Г.Р. Кирхгофу (1824–1887), немецкому физику.

ОТКАЗАЛСЯ ОТ ТИТУЛА

Скромность, бескорыстие и презрение ко всяким почестям отличали Вильгельма Конрада Рентгена (1845–1923) даже после открытия им рентгеновских лучей. Он отка-

зался взять на них патент. Во всем мире бурно развивалась рентгеновская техника, находившая применение во многих отраслях человеческой деятельности. А материальное положение автора великого открытия ничуть не улучшилось. Не польстился Рентген и на высокооплачиваемую должность в Академии наук.

Кайзер Вильгельм II пожаловал ему дворянское звание. Чиновник, сообщая ученому об этой милости, написал на конверте: «Доктору фон Рентгену». Рентген ответил императору: «Поскольку я до сих пор не подавал специального прошения и не намерен таковое подавать, мне не подобает носить частицу «фон».

СТРАШНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

10 февраля 1923 года Вильгельм Конрад Рентген скончался от рака желудка. Болезнь была вызвана теми самыми лучами, которые он открыл. Перед смертью ученый завещал сжечь все его личные и деловые бумаги. Странное и страшное завещание! Но оно было неукоснительно исполнено. Несомненно, что в огне камина погибло много гениальных идей великого физика...

ФЕЕРИЧЕСКИЙ БАЛЕТ

Усовершенствовав лампочку накаливания, Эдисон (1847–1931) оборудовал электрическое освещение нескольких театров в Нью-Йорке, Массачусетсе и Бостоне. В одном нью-йоркском театре с рекламной целью поразить зрителей Эдисон устроил так, что у каждой балерины во время тан-

цев вспыхивала во лбу электрическая лампочка. Массовые сцены балета превращались таким образом в феерическое зрелище...

На представлении «Иоланты» в бостонском театре присутствовал Эдисон с женой. Заметив, что свет в зале и на сцене начал тускнеть, изобретатель быстро очутился у силовой установки, где кочегар почивал сном праведника. Эдисон засучил рукава и принялся кидать уголь в потухающую топку. Приведя все в порядок, он вернулся в зрительный зал. Мэри Эдисон перчаткой смахнула с лица мужа угольную пыль...

НЕУДАЧНАЯ ПОПРАВКА

Австрийскому физику, пионеру и исследователю радиоактивности Лизе Майтнер (1878–1968) в начале 20-х годов присудили ученую степень за диссертацию «Проблемы космической физики».

Сообщая об этом в газете, репортер нашел название исследования бессмысленным и заменил его своим: «Проблемы косметической физики».

ЛЕГКАЯ ЗАДАЧА

Альберта Эйнштейна (1879–1955) попросила позвонить одна знакомая, сказав при этом:

— Только номер телефона у меня трудно запоминающийся — 24361.

Эйнштейн успокоил ее:

— Ничего трудного. Две дюжины и 19 в квадрате.

ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ

Альберт Эйнштейн очень любил кинокартины Чарли Чаплина и однажды написал ему:

«Ваш фильм «Золотая лихорадка» понятен всем в мире, и Вы непременно станете великим человеком.

ЭЙНШТЕЙН».

Чаплин ответил:

«Я Вами восхищаюсь еще больше. Вашу теорию относительности никто в мире не понимает, а Вы все-таки стали великим человеком.

ЧАПЛИН».

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

Суждения Альберта Эйнштейна по социально-философским и политическим вопросам отличались смелостью, независимостью, глубиной и ясностью выражения. В этом отношении особенно характерны два эпизода из его биографии.

В 1929 году он поселился в вилле Капут на берегу озера, недалеко от Потсдама. Сюда к нему со всего света приезжали туристы, чтобы увидеть и самого творца теории относительности, и его знаменитую башню.

Посетил Эйнштейна и Чарли Чаплин, который привел с собой невысокого сухощавого англичанина с жёстким лицом. Эйнштейн не расслышал имени гостя, когда Чаплин представлял его.

За обедом хозяин и Чарли разговорились о нищете и безработице в странах капитала. Свой горячий обличительный монолог киноартист закончил словами:

— Капиталистическая система неисправима. Она по-прежнему сопротивляется попыткам внести в нее решительные изменения.

Альберт Эйнштейн продолжил мысль друга:

— Оставив в стороне все теории, скажу вам, что сделал бы я, если бы мне дали власть: собрал бы в одну кучу все деньги, обращающиеся на планете, и сжёг бы их!

Чарли улыбнулся, а потом захохотал во всё горло. Эйнштейн присоединился к нему. Громовой дуэт смеха смутил англичанина: он вдруг встал, сухо-учтиво раскланялся и вышел. Присутствовавшие за столом недоумённо переглянулись, а Чаплин разъяснил:

— Сэр Филипп Сассун из Лондона. Упросил меня взять его с собой к вам. Он один из самых богатых людей во всей Британской империи. Сын баронессы Алины де Ротшильд. Владелец доков в Бомбее, золотых рудников в Африке, угольных копей в Шотландии.

И новый взрыв хохота потряс комнаты.

* * *

Гитлер предлагал 50 000 марок за «голову» А. Эйнштейна. Виллу Капут гестаповцы окружили и разгромили, но сам Эйнштейн успел 10 декабря 1932 года уплыть в Америку на работу в Калифорнийском технологическом институте. И там он бесстрашно вскрывал язвы несправедливости, вёл «подрывную пропаганду» против военных заводов.

Широкое распространение получило его письмо к студентам, в котором он утверждал: «В наш век научные открытия часто применяются во зло человечеству. Ядовитые газы убивали и калечили людей в последнюю войну. В мирное время те же открытия и изобретения используются на фабриках, где людей превращают в рабов. Важно, чтобы в

науке не просто делались открытия, но делались так, чтобы не извращалось назначение науки».

* * *

Капиталистические короли задумали «приручить» непокладистого Эйнштейна. С этой целью они организовывали пышные банкеты в его честь. Один из них проходил в Голливуде, куда учёного завлѣк Чарли Чаплин. Долго и терпеливо слушал Эйнштейн трафаретные славословия в его адрес, наконец, не выдержал, поднялся с кресла и прервал златоустов:

— Благодарю вас за все те вещи, которые вы обо мне сказали. Если бы я поверил в их правильность, я был бы сумасшедшим, но поскольку я точно знаю, что я не сумасшедший, я в них не верю.

Это выступление произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

ЭЙНШТЕЙН — МУЗЫКАНТ

Многие, вероятно, не знают, что творец теории относительности, Альберт Эйнштейн, был и прекрасным музыкантом. Он отлично играл на рояле. Фантазирование на этом инструменте было его ежедневной потребностью. А на скрипке он виртуозно исполнял даже такие сложные произведения, как «Чакона» И.-С. Баха.

На музыкальное развитие гениального физика оказал наибольшее влияние величайший венгерский скрипач, педагог и композитор Йозеф Иоахим.

И УЧИТЕЛЬ ПАЛ В НОГИ УЧЕНИКУ...

Биографы Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) одним из первых его наставников называют дьячка Семена Никитича Сабельникова, который постиг грамоту в подьяческой и певческой школе при холмогорском архиепископском доме.

Под руководством Сабельникова Ломоносов прошел псалтырь и часослов. Когда же «эрудиция» дьячка иссякла, он смиренно «пал в ноги своему ученику и повинился, что обучать его больше не понимает».

ДВОРЯНИНИН ПОНЕВОЛЕ

В начале января 1731 года двадцатилетний М.В. Ломоносов достиг Москвы. Первую ночь в столице он провел в «обшевнях» (в саях) в рыбном ряду. Потом земляк-приказчик приютил его у себя, пока Михаил Васильевич хлопотал о поступлении в Славяно-греко-латинскую академию. Так как крестьян туда не принимали, то Ломоносов скрыл свое социальное происхождение, назвавшись холмогорским дворянином. Толковые ответы юноши на экзамене очень понравились ректору академии, и он, не потребовав у переростка никакого документа, зачислил его в первый класс.

МЕТОД «КАЛЬКУЛЮС»

В славяно-греко-латинской академии воспитанники получали жалование по три-четыре копейки на день. А в некоторые месяцы им и этого не выдавали. Многие терпели «глад» и «хлад».

Учебников не было. Их заменяли тетради с рукописными лекциями, которые передавались от одного класса к другому.

Из расплющенных свинцовых дробинок делали карандаши. Осенью «академики» группами ходили на московские реки и пруды для сбора гусиных перьев, которыми и писали весь год.

Главная учёба состояла в долбёжке латинских спряжений и правил риторики. Питомцев принуждали разговаривать на «чистой латыни». Для этой цели придумали устрашающий метод «калькулюс». Если ученик вводил в свой разговор русские слова, то ему вешали на шею футляр с бумажным списком. Получивший эту «награду» обязан был в свою очередь поймать товарища с речевой ошибкой и повесить ему на шею позорный «калькулюс». Тот, кто ложился с ним спать, подвергался насмешкам и даже порке розгами.

Неизвестно, миновал ли «калькулюс» М.В. Ломоносова.

ДВА ВОЗА ДЕНЕГ ЗА ОДУ

Михаил Васильевич Ломоносов был выдумщиком развлечений для придворной клики. К дням официальных торжеств он сочинял оды. Императрица Елизавета Петровна не скупилась на оплату трудов ломоносовской музыки. За поздравительную оду ей в 1748 году она пожаловала своему барду 2000 рублей.

Медяки на сумму 25 рублей весили тогда полтора пуда. Так что упомянутую премию Михаилу Васильевичу Ломоносову доставили на двух возах.

АНТОГОНИСТЫ

Михаил Васильевич Ломоносов похоронен на кладбище Невского монастыря. В числе провожавших его в послед-

ний путь присутствовал и всегдашний его противник Сумароков. Указав на покойника, он сказал академику Штелину:

— Угомонился дурак и не может больше шуметь.

Штелин возразил:

— Не советовал бы я вам сказать это ему при жизни.

Екатерина Вторая повелела выбить в малом количестве золотую медаль с надписью, составленной ею самой: «Российскому слову великую пользу принесшему».

А граф А.П. Шувалов написал на французском языке оду, прославляющую Ломоносова и осмеивающую зависть и невежество Сумарокова.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА

Немногие, вероятно, знают, что первой русской женщиной-писательницей была старшая дочь Александра Петровича Сумарокова — Екатерина.

Как известно, Ломоносов и Сумароков были непримиримыми литературными врагами. Екатерина Сумарокова, скрывшись под именем мужчины, написала стихотворение «Против злодеев», в котором умоляла Бога о смягчении «злых сердец», т.е. Ломоносова и его сторонников:

*На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
А на небо глаза возвожу,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы к небу возносит печально:
Ах, злодеи нас мучат нахально!
Правосудное небо, воззри,
Милосердие нам сотвори
И все действия мои разбери.*

*Во всей жизни минуту я каждую
Утесняюсь гонимый и стражду,
многократно я алчу и жажду!
Иль на свет я рождён для того,
Чтоб гоним был, не зная для чего,
Чтоб не трогал мой стон никого?
В день и в ночь мной тоска обладает;
Томно сердце всечасно рыдает, -
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, Боже, злые сердца!*

ВРАГ ВСЕХ «СУЕ»

Вступив в должность ректора Казанского университета, Н.И. Лобачевский (1792–1856) объявил беспощадную войну схоластике, поощрял в преподавателях и студентах свободу суждений и критики. На совете профессоров всегда ратовал:

— Господа! Нужно готовить работников, а не пустобрехов. Из программ и лекций следует удалить **суемудрие, суесловие, суеверие и суемыслие.**

ПРОКАЗЫ ЛОБАЧЕВСКОГО

Учась в Казанской гимназии, Николай Иванович Лобачевский часто изобретал всяческие шалости, но изобличить его в них никому не удалось: он так искусно носил маску елейности, благонравия и невинности.

Учитель латинского языка Гилярий Яковлевич как-то задремал на уроке, держа перед носом кондуитный журнал. Лобачевский умудрился прибить гвоздём к столу этот об-

личительный документ. Очнувшийся латинист вскипел гневом и воскликнул:

— Ты, Лобачевский, будешь разбойником!

Однако жаловаться на «разбойника» он не посмел: спать-то на уроках никому не разрешалось.

* * *

Инспектор гимназии Иван Фёдорович Яковкин, прогуливаясь с женой по улицам Казани, увидел поразившее его зрелище: Николай Лобачевский лихо мчался верхом на корове, держась за рога, хлеща её бичом и гикая на всю улицу. За коровой с улюлюканьем бежала толпа студентов и тоже яростно стебала животное хворостинами.

Яковкин сторел от стыда. На следующий день началось расследование позорного происшествия. Выяснилось: Лобачевскому нужны были деньги на покупку учебников. Он заспорил с товарищем Перевощиковым, что прокатится по улицам города верхом на корове. Прокатился и заработал деньги на учебники.

* * *

Инспектор Яковкин иной раз всерьёз думал, что в Лобачевском сидит нечистый дух. Вот еще какую штуку отмочил этот неуёмный озорник. Он снова ударился об заклад с Перевощиковым, обязавшись перепрыгнуть через вновь прибывшего в университет преподавателя прикладной математики Никольского. Подкараулив, когда этот педагог после лекции медленно спускался по лестнице со второго этажа, Лобачевский разбежался сверху, оперся обеими руками на плечи Никольского и перепрыгнул через него.

Педагогический совет решил исключить Лобачевского из учебного заведения. Но его выручил оскорблённый преподаватель, заявив:

— Нет, такого способного студента нельзя исключать. Пусть исправляется.

УПЕРШИТЬСЯ В СТЕНУ ЛБОМ

Размышляя о пространстве и времени, Николай Иванович Лобачевский забывал всё окружающее. Нередко, погруженный в свои думы, он ходил по комнате, наткнулся на стену и, упершись в неё лбом, простаивал в таком положении целые часы.

Тоже самое бывало с ним даже в зале Дворянского собрания во время концертов. Не обращая внимания на всё, что творилось на сцене, великий математик, опираясь на колонну, напряженно обдумывал идеи своей «Пангеометрии».

СИЛА ЗЕЛЕНОГО РОСТКА

После постройки Казанского университета на его дворе остались громадные каменные глыбы. Казалось, они будут нерушимо лежать тут века. Но одна из них всё же треснула: в щель проклюнулся нежно-зелёный росток. Это он расколол многопудовую глыбу и тянулся к солнцу.

Наблюдая это чудесное явление, Николай Иванович Лобачевский раздумывал, что и его «Воображаемая геометрия» также, как этот росток, пробьёт когда-нибудь тяжёлую плиту «людского невежества».

Известно, что многие математики, современники Лобачевского, считали его геометрические исследования бредом сумасшедшего.

БЕСПРИСТРАСТИЕ ЛОБАЧЕВСКОГО

Объективность Лобачевского в оценке учебных успехов студентов особенно ярко сказалась на переходном экзамене его сына Николая в Казанском университете. Студента экзаменовали химик Бутлеров и математик Ковальский. Николаю Ивановичу показалось, что экзаменаторы дают его сыну поблажки. И он сам начал задавать ему дополнительные вопросы из математики. Юноша оробел, затрясся и запутался. Лобачевский поставил ему единицу.

По тогдашним правилам, студенту, получившему на переходном экзамене такую отметку, грозило исключение из университета. Но на защиту Николая стали профессора Попов, Бутлеров, Котельников и Ковальский. Они доказали строгому ректору, что Николай просто не успел ответить на последний вопрос. Экзамен продолжили, и студент перешел на второй курс.

С тех пор Николай Иванович больше не появлялся на экзаменах, когда испытывали его сыновей.

ОРДЕНА — ДЕТЯМ НА ИГРУШКИ

Н.И. Лобачевскому было совершенно чуждо чувство тщеславия. Полученные им от «царской милости» ордена он презирал, никогда не носил, а отдавал детям на игрушки. Даже к грозному и туповатому министру Норову Лобачевский явился на аудиенцию без орденов, за что подвергся гонению.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

В 1819–1826 годах попечителем Казанского университета состоял махровый реакционер Магницкий. Он провозгласил: «Весь вред в университетах произошёл от образования и книг». И ввёл в курс наук «богопознание и христианское учение». Идея, возможно, была и неплохая. Но воплощение её было никудышное. Книги «вредного направления» были изъяты из университетской библиотеки и сожжены публично.

Во всех аудиториях поставили доски с библейскими изречениями. Каждый преподаватель получил инструкцию о чтении лекций. Одна из них, утвержденная императором Александром Первым, гласила: «Профессор теоретической и опытной физики обязан во всё продолжение курса своего указывать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес».

Профессор математики Никольский вынужден был вещать своим студентам:

— Государики мои! Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви через ходатая Бога и человека, соединение горнего с дольным, земного с божественным... Как без единицы не может быть числа, так и мир не может быть без единого творца...

* * *

Особым приказом Магницкий запретил профессорам медицины «богомерзкое и богопротивное употребление на анатомические препараты человека, созданного по образцу и подобию творца».

С горечью подчиняясь этому приказу, профессора решили предать земле весь анатомический кабинет с подобающей почестью: положили в гробы все препараты, сухие и в спирте, отслужили панихиды и в торжественной траурной процессии отнесли на кладбище.

ВЕРНОЕ СНОТВОРНОЕ СРЕДСТВО

Простоватый, малообразованный, но либеральный для своего времени и уважающий людей науки Михаил Николаевич Мусин-Пушкин принял бразды попечителя Казанского учебного округа и университета после крайнего реакционера Магницкого.

Мусин-Пушкин возмутился тем, что на танцевальных вечерах в дворянском собрании не бывали студенты и приказал привести их сюда. Профессор Никольский привёл троих, самых смелых. Но они, войдя в танцевальный зал, принялись истово креститься на иконы и отвешивать поклоны направо и налево. Попечитель усмотрел в этом плоды воспитательной системы Магницкого, обругал студентов «дураками» и прогнал.

* * *

Заинтересовался он университетскими лекциями. Зашёл в аудиторию адъюнкта философии и российской словесности Хламова. Этот квазиучёный мямлил так нудно, что попечитель заснул. Хламов заметил это и умолк.

Очнувшись от наступившей тишины, Мусин-Пушкин спросил:

— Ты что же, братец, не продолжаешь?

— Боялся беспокоить ваше превосходительство.

— Ну, и хороши же, должно быть, твоим лекции! Стану страдать от бессонницы, обязательно наведаюсь к тебе. Ужо убаюкаешь!

— Так точно, ваше превосходительство!

ПО ПРИМЕРУ ОСКОРБЛЕННОГО МОНАРХА

Русский царь Александр Второй и его министры ненавидели философа, хирурга и педагога Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) за его либерализм в народном просвещении и смелую, правдивую критику беспорядков во всём государстве. Они предложили великому ученому уйти в отставку. Об этом случае Николай Иванович вспоминал:

— После такого подлого поступка министра просвещения, графа Толстого, я предпочел сделать так, как тот итальянский монах, который, покидая протестантскую Германию, взошел на холм, снял штаны и сказал: «Смотри, варварская страна, голые ягодицы!»

ДВУХМИНУТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Николай Иванович Пирогов, заняв пост ведущего хирурга в Дерптском университете, пользовался среди врачей большой популярностью. Они постоянно стремились посмотреть, как он искусно и быстро извлекает камень из мочевого пузыря.

К очередной такой операции назначили мальчика. Николай Иванович ласково успокаивал его:

— Тебя долго мучила болезнь. Потерпи всего лишь две минутки, и я твою болезнь прогоню... Эти господа, что пришли смотреть на нас, я надеюсь, не услышат от тебя ни

звука. Думай о чем-нибудь приятном, а я тем временем сделаю тебя здоровым...

И менее чем через две минуты Николай Иванович обратился к мальчику и зрителям:

— Вот и всё! Больше мальчика болезнь мучить не будет.

— Это удивительно! — ахнули все наблюдатели операции.

«ХИРУРГ ПИРОГОВ ПЕРЕД ВАМИ»

В 1838 году Николай Иванович Пирогов получил научную командировку в Париж, где его интересовали госпитали и встреча с профессором медицинского факультета университета — Вельпо...

Толстый человек в чёрной ермолке сидел в просторном кабинете за большим столом и читал книгу. Лицо его ежеминутно оживлялось улыбкой; от удовольствия он потирал свои маленькие руки; а красный карандаш его отчёркивал страницу за страницей.

Профессору доложили о незнакомце, который желает видеть его. Войдя к Вельпо, посетитель отрекомендовался просто:

— Я русский врач. Приехал в Париж учиться.

— Зачем так далеко ехали, молодой человек? Не только во Франции есть достойные учителя. Ваш приход как раз застал меня за чтением сочинения вашего почтенного соотечественника. Весьма интересная и поучительная книга! Прошу садиться.

Незнакомец сел, а Вельпо продолжал:

— Скажите, молодой человек, не знаком ли вам профессор Дерптского университета Пирогов?

— Знаю профессора Пирогова.

Вельпо вскочил с кресла. Подбежал к посетителю и, показывая ему испещрённую красным карандашом книгу, восторженно заговорил:

— Это замечательно, что вы знакомы с таким крупным учёным! Не откажите в любезности, когда возвратитесь на родину, сказать ему о моей признательности и моём уважении. Эта книга могла бы составить честь хирургической науке любой страны!

— Я с удовольствием выполню ваше поручение, дорогой профессор. Тем более, что для этого не нужно возвращаться в Россию: хирург Пирогов перед вами...

И опешивший Вельпо бросился обнимать Николая Ивановича и расхваливать его работу...

«Я ЛЯГУ НА ПОЛУ»

Как попечитель Одесского учебного округа, Николай Иванович Пирогов часто проверял обучение детей в сельских школах. Везде он появлялся запросто и неожиданно. На его одежде не было никаких регалий.

Посетил попечитель и гимназию в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск. — *И.Топоров*). В запылённом сюртуке он быстро прошёл в здание. Надзиратель остановил его:

— Что вам здесь угодно, сударь?

— Да мне вот к ученикам нужно.

— Сюда не дозволено входить всякому.

И надзиратель взял Н.И. Пирогова за руку, чтобы выводить его из помещения. Но по коридору в этот момент шёл инспектор гимназии, который лично знал попечителя учебного округа. Неприятное недоразумение скоро разъяс-

нилось. На извинения надзирателя Николай Иванович махнул рукой и поспешил в класс...

* * *

В одном селе на берегу Днепра, вблизи почтовой станции, стояла приходская школа. Туда заходили проезжие, скучавшие в ожидании лошадей. Зашел так-то в школу и какой-то господин, одетый по-дорожному. С разрешения учителя он сел за парту среди школьников, слушал урок. А потом сам задавал детям вопросы.

Это был попечитель учебного округа Николай Иванович Пирогов. Он остался ночевать у учителя. Хозяин напоил его чаем и принялся готовить постель гостю на своей кровати. Николай Иванович запротестовал:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я лягу на полу. Да и вы со мной ляжете рядом. Побеседуем, пока заснётся.

Учитель после рассказывал:

— И о чём только он не расспрашивал! И обо мне самом, и о моей школе, и о нашем местечке!..

А наутро педагог и попечитель выкупались в Днепре и расстались друзьями.

ПРЕКРАСНОДУШНЫЙ БАРИН

Основатель отечественной научной школы ботаников-географов, ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902), пренебрежительно относился к хозяйственным делам в его имении. Как-то, гуляя в лесу, он увидел старого крестьянина, срубившего большое дерево. Несчастный тащил его домой. Видя, что мужику трудно, Андрей Николаевич не выдержал, подошел к нему и предложил:

— Дай я тебе помогу!

Мужик с благодарностью принял предложение. Получилась забавная картина: барин, кряхтя, волок из своего леса дерево укравшему его крестьянину...

СВИДЕТЕЛЬ — ЛЯГУШКА

Трактат И.М. Сеченова (1829–1905) «Рефлексы головного мозга» впервые вышел в свет в 1866 году. Светские и духовные мракобесы усмотрели в нем философию нигилизма и пропаганду безнравственности. Против автора возбудили судебное дело. Когда Ивана Михайловича спросили, какого адвоката он намерен взять для защиты на суде, ученый спокойно ответил:

— Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и проделаю перед судьями все свои опыты. Пускай тогда прокурор меня опровергает!

ПРОТИВНИК ПОМПЫ

Простота и скромность были яркими чертами характера Ивана Михайловича Сеченова, его образа жизни. Ученый решительно отказывался от всяческих чествований его, как публичных, так и в близком кругу.

Накануне 35-летия его профессорской деятельности к нему в лабораторию пришла делегация от Московского университета. В состав ее входили прославленные профессора: физик А.Г. Столетов, химик В.В. Марковников, физиолог растений К.А. Тимирязев. Они просили Ивана Михайловича согласиться на проведение юбилея. Но тот категорически отказывался от какого бы то ни было торжества. Никакие доводы делегации не могли сломить упорства ученого. Он

грозились сбежать из Москвы, если юбилейное заседание состоится.

БУРЯ В АКАДЕМИИ

Царские власти уволили из Медико-хирургической академии великого физиолога Ивана Михайловича Сеченова. Его обвинили в «нравственном развращении молодёжи» и в «заражении её революционными идеями». Второе обвинение было вполне обоснованным, а первое — чудовищное клеветническое извращение лекций мирового ученого по физиологии.

Вместо Сеченова военный министр назначил профессора Циона, которого на выборах «прокатали на воронях». Студенты и прогрессивные профессора Академии не терпели Циона, этого реакционера, противника дарвинизма, материализма и учения Сеченова. Свой протест против Циона молодежь выражала так бурно, что он потребовал поставить полицейских у дверей его аудитории. А это еще более обозлило студентов.

На втором курсе Цион читал лекцию о работе сердца, в которой сказал, что сейчас же вырежет сердце у живой собаки и покажет, как оно будет биться на тарелке. Эта жестокость вызвала взрыв негодования аудитории. Взбешенный дерзостью студентов Цион, не задумываясь вырвал сердце у несчастного животного. Но в ту же минуту в лектора полетели книги, тетради, чернильницы, промокашки — всё, что было под руками у слушателей. Профессор едва спасся бегством.

Последовала расправа. Занятия на втором курсе прекратились. Зачинщиков бунта арестовали. В ответ на репрессии студенты всех курсов бойкотировали все лекции в Академии.

«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ» В КАРЦЕРЕ

Иван Михайлович Сеченов с малых лет презирал в людях трепет и угодничество перед начальством. В Инженерном (Михайловском) замке, где в юности учился физиолог, немецкий язык преподавал Миллер — трусливый и низкопоклонный человек.

Изредка в училище приезжал великий князь Михаил Павлович. И тогда Миллер весь трясся и был бледен, как покойник. Его-то и избрал Иван Михайлович мишенью для своего ядовитого смеха.

Шёл урок немецкого языка. Педагог читал балладу Шиллера. Внезапно в класс влетел юнкер и испуганно прошептал:

— Великий князь идёт!

Воспитанники вскочили с парт, а Миллер ринулся с кафедры и вытянулся «во фронт». В класс вошёл небольшого роста человек в маске и с огромной форменной бумажной каской на голове. За ним торжественно шествовала «свита». Процессия проследовала через всю комнату. Грянул хохот учеников. В класс ворвался дежурный офицер. Поняв проказу, он схватил в охапку «великого князя», сорвал с него маску и увидел раскрасневшееся и смеющееся лицо Сеченова. И организатора инсценировки лишили ефрейторского чина и покадили в карцер.

ПАЛЬТО ЦВЕТА «ЛОНДОНСКОГО ДЫМА»

Как вольнослушатель Московского университета, И.М. Сеченов не имел право носить студенческую форму. А любил щегольнуть элегантной одеждой. И задумал он купить себе модное пальто цвета «лондонского дыма», чтобы в нем

попасть на празднование 100-летнего юбилея университета 13, 14 и 16 января 1855 года.

Отправился Сеченов в магазин вечером. И при свечном освещении выбрал пальто нужного цвета. А на следующий день, при солнечном свете, он обнаружил, что его покупка имела ужасный желто-коричневый оттенок.

Так Иван Михайлович и не посмел явиться на юбилейное торжество...

ОПЕРАЦИЯ ПРИ ПОМОЩИ КИТОВОГО УСА

21 июня 1856 года И.М. Сеченов, получив в Московском университете степень лекаря с отличием, поехал на отдых в родное село Тёплый Стан Курмышского уезда Симбирской губернии.

Тут он раньше, по окончании четвёртого курса, впервые испытал свой врачебный талант — лечил нянюшку Настасью, разрезав на её поясице большой фурункул. Операция была варварской, но пациентка героически вытерпела её.

Теперь Сеченову довелось на родине второй и последний раз выступить в роли лекаря-чудодея, о котором Настасья раззвонила по всей округе...

Пришёл к Ивану Михайловичу молодой мужик с жалобой, что у него в пищеводе застрял большой кусок хлеба. Крестьянин слёзно молил:

— Выньте его барин, Христа ради, помру я с ним и только! Уж так меня душит, так душит, что и сказать нельзя! Уж я и палец в рот закладывал, и пихал его, и назад хотел... Ни туда, ни сюда, окаянный!

Никаких хирургических инструментов у Ивана Михайловича не было. Взял он у сестры пластинку китового уса от

корсета, навязал на её конец кусок губки, смочил деревянным маслом, сунул всё это приспособление в рот пациента, и кусок пошел, куда следует.

Мужик на радостях грохнулся на колени и давай класть поклоны в ноги доктора, чем очень огорчил его.

ВЛАСТЬ ПРЕДРАССУДКОВ

Двойственность натуры И.М. Сеченова представлялась загадкой и даже таким крупнейшим учёным, как профессор Ценковский и Илья Ильич Мечников.

«Отец русской физиологии», создатель материалистического метода в изучении психологии, никогда не мог освободиться от самых несуразных предрассудков, укоренившихся в нём с первых лет его жизни. Он ни с кем не здоровался через порог, хоть убей — не соглашался подать кому-либо солонку с солью, боялся и чурался числа 13 и т.п.

«СТРАНСТВУЮЩИЙ МУЗЫКАНТ»

Основоположник нервизма — нового направления в медицине — профессор Военно-медицинской академии, Сергей Петрович Боткин (1832–1889), страстно любил музыку. Ежедневно после изнурительных трудов в клинике и приёма больных у себя на дому — он в двенадцать часов ночи играл с учителем на виолончели. Когда же учитель не приходил на урок, ученый играл один, а жена аккомпанировала ему на фортепиано. Игра продолжалась далеко за полночь. Так отдыхал Сергей Петрович.

Уезжая куда-либо вдаль, он непременно брал с собой чемодан с книгами и футляр с виолончелью. С этими веща-

ми профессор появлялся даже на заграничных курортах, где его принимали за странствующего музыканта.

САМОЕ ПРОСТОЕ СРЕДСТВО

К Сергею Петровичу Боткину пришла на приём толстенная пациентка и спросила:

— Скажите, доктор, какие упражнения самые полезные, чтобы похудеть?

Он ответил:

— Поворачивать голову справа налево и слева направо.

— А когда?

— Когда вас угощают.

«РУССКИЙ ФАУСТ»

В 1894 году Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907) пригласили в Кембридж и Оксфорд для получения присужденной ему степени доктора наук. Церемония награждения обставлялась по-старинному, чрезвычайно торжественно. Высокие избранники одевались в средневековые мантии с широкими рукавами и черные бархатные береты. Цвет мантий был разный: у естественников и философов ярко-красный с синими отворотами, у филологов и историков фиолетовый, у музыкантов белый.

Наш гений с его пышной гривой волос очень уж походил на гетевского героя. Недаром Дмитрия Ивановича в Англии прозвали Фаустом...

В Оксфорде процессия новоизбранных профессоров следовала по улице в университет. Одетые в средневековую одежду, ученые величественно шагали парами. Головы их венчали бархатные береты. Только один Дмитрий Иванович

Менделеев шел с непокрытой головой, свой берет неся в руках. Оказалось, что английский берет был ему мал...

ЧЕМОДАННЫХ ДЕЛ МАСТЕР

В 1903 году у Д.И. Менделеева образовалась катаракта. Химик не мог ни писать, ни читать. Но, чтоб не сидеть без дела, приспособился клеить разные вещи: рамки, шкатулки, столики, чемоданы. Материалы для клейки чемоданов Дмитрий Иванович покупал в одном и том же магазине. Однажды, набрав нужного товара, ученый выходил из магазина. В это время некий покупатель, заинтересовавшись его импозантной фигурой, осведомился у купца:

— Кто это?

Купец хвастливо ответил:

— А это известный, знаменитый чемоданных дел мастер!..

УСМЕРЕНИЕ ЩЕНКА

Дмитрий Иванович Менделеев окончил Петербургский Главный педагогический институт с золотой медалью и получил право на преподавание химии и физики в гимназиях. Ему предложили выбирать службу в Одессе или в Симферополе. Он предпочёл первую. Но канцелярист департамента внутренних дел перепутал фамилии — и в Одессу поехал Янкевич.

Менделеев возмутился, отправился к директору департамента Гирсу и в его приемной поднял шум, резко критикуя беспорядки в этом учреждении.

Гирс донес министру Норову о буйстве Менделеева. Молодого учёного вызвали к министру для отеческого внуше-

ния. В одном углу приёмной сидел Гирс, в другом — Менделеев. Три часа ждали они, пока не ушли все просители. Наконец, опираясь на палочку, из своего кабинета появился министр. Он остановился посреди приёмной, поглядел на Гирса и Менделеева:

— Вы что это в разных углах сидите? Идите сюда!

Те подсели. Норов директору:

— Что это у тебя там писари делают? Теперь в пустяках напутали, потом в важном деле напортят. Смотри, чтобы этого больше не было!

А затем министр повернулся к Менделееву:

— А ты, щенок! Не успел со школьной скамьи соскочить и начинаешь старшим грубить. Смотри, я этого впредь не потерплю... Ну, а теперь поцелуйтесь!

Противники не шевелились.

— Целуйтесь, говорю вам!

Поцеловались.

А всё-таки Дмитрий Иванович не избежал Симферополя.

НЕМУДРЯЩИЙ СОВЕТ

У Дмитрия Ивановича Менделеева часто открывались горловые кровотечения. Врачи пророчили ему скорый конец. Друзья уговорили его показаться петербургской знаменитости — Эдекауэру. Тот прописал последнее средство — юг. И дал рекомендательное письмо к Н.И. Пирогову, который был тогда Главным хирургом действующей армии в Севастопольской обороне.

Н.И. Пирогов с интересом выслушал Менделеева, осмотрел его и весело сказал:

— Натек-ка вам, батенька, письмо вашего Эдекауэра. Сберегите его да ему когда-нибудь и верните... И от меня поклон передайте. Вы нас обоих переживёте.

Хирург подробно растолковал Дмитрию Ивановичу, как «приноровиться к шалостям сердца, неизбежным, но неопасным».

НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО МЕНДЕЛЕЕВА

Разойдясь со своей первой женой, Дмитрий Иванович Менделеев полюбил юную художницу Анну Ивановну Попову, дочь донского казака. Но эта красавица уже имела жениха. Сознывая безнадёжность своих намерений относительно её, Дмитрий Иванович глубоко страдал и ежедневно тайно от родственников писал ей письма, но не отсылал их, а аккуратно опускал в особый ящик, который хранил, как реликвию. Это длилось много лет.

Уезжая в заграничную командировку, Д.И. Менделеев через А.Н. Бекетова передал эти письма Анне Ивановне, которая ознакомилась с их содержанием только после замужества.

Последнее письмо Дмитрия Ивановича, опущенное в заветный ящик было прочитано адресатом по кончине мужа. Письмо это было запечатано. На конверте надпись: «Анне Ивановне Менделеевой, вскрыть после моей смерти»...

За 27 лет супружеской жизни с Анной Ивановной Д.И. Менделеев написал ей ещё множество писем. Но вся драгоценная переписка великого учёного с женой пропала бесследно...

КОНТРАСТНЫЙ ХАРАКТЕР

Д.И. Менделеев обладал характером, полным контрастов. Зачастую он раздражался, орал на сотрудников, метал

гром и молнии, а через минуту успокаивался, шутил и смеялся с теми, кого приводил в трепет.

Один лаборант принёс ему на проверку свою работу. Учёный распёк его за ошибки. Обескураженный автор хотел было бежать вон, но Дмитрий Иванович благодушно остановил его:

— Куда же вы, батюшка?! Сыграем же партию в шахматы!

И сыграли.

* * *

На лекции химика служитель Семён в опыте допустил грубую ошибку. Менделеев дал ему взбучку. Придя в свой кабинет, он вдруг вспомнил, что обидел Семёна. Вскочил, побежал через лабораторию к служителю, нашёл его, стал перед ним на колени и поклонился:

— Прости меня, брат Семён!

А тот заломался:

— Оно, извольте видеть, Дмитрий Иванович, так сказать, оно, конечно...

Менделеев, ненавидевший неискренность, вскипел:

— Ну, не хочешь, так чёрт с тобой!

И убежал обратно.

ВЕЛИКОДУШИЕ МЕЦЕНАТА

Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) жил в Петербурге в бедной и тесной квартире, в которой размещались скелеты животных, банки с препаратами и прочие лабораторные принадлежности. Один из слушателей ученого, Иннокентий Михайлович Сибиряков, получив по наследству многомиллионное состояние, предложил учителю в полную

собственность 200 000 рублей и большой дом на Бассейной улице.

26 августа 1893 года было положено основание института имени П.Ф. Лесгафта.

Однако великодушие Сибирякова пришлось не по нраву родственникам. Боясь растраты огромных капиталов, они объявили его психически больным и заточили в монастырь на Афоне, где тот и скончался в 1901 году...

ПРОСЬБА РАДИ БОГА

После триумфального возвращения Николая Михайловича Пржевальского (1839–1888) из третьей экспедиции в Центральную Азию в октябре 1881 года — его имя в Петербурге стало самым популярным. Многие считали знаменитого путешественника всемогущим и потому засыпали его всевозможными просьбами: похлопотать о пенсии, жилье, чине, награде и проч. Были и курьёзные просьбы. Так, одна старушка писала ему: «Вам, родимый мой, все власти нашего города ныне бьют челом. Кум мне сказывал, что Вас повесили в Думе, что Вы в почёте в нашем городе, что Вам всё сделают. Так, ради Бога, отыщите мою собачку, кличка её Мурло, маленькая, хорошенькая, с бельмом на глазу; крыс и мышат ловит. И буду я, вдова безутешная, весь длинный век за Вас Бога молить! Живу я на Петербургской, Зелениной, № 52 дома, у сторожа гвардейского, что под турку ранен, Архипом прозывается».

ЗА ДВА СТАКАНА ПРОСТОКВАШИ

Один парижский коммерсант просил И.И. Мечникова (1845–1916) разрешить производство простокваши на бол-

гарской палочке, открытой ученым. Делец думал соблазнить Мечникова участием в прибылях, но тот ответил:

— Я своими исследованиями не торгую. Вы, очевидно, попали не по адресу.

После этого Мечникову делали предложения и другие искатели наживы, но он от них отказывался.

Много лет служил в Пастеровском институте старый сгорбившийся швейцар. Илья Ильич призвал его к себе, расспросил о семье, о зарплатке, о парижских ценах на продукты продовольствия, одежду, обувь, квартиры... Потом написал что-то на бумажке и подал ее старику:

— На этом листке написано, что все мои права на изготовление простокваши при помощи болгарской палочки я передаю безвозмездно в полное ваше распоряжение. Буду счастлив, если это поможет лучше устроить будущее вашей семьи. В случае удачи вашего будущего предприятия вы будете обязаны доставлять мне ежедневно два стакана простокваши...

Швейцар остолбенел от удивления.

Вскоре он организовал торговое предприятие «Фермент» с широковещательной рекламой о продаже простокваши, «изготовленной по способу знаменитого профессора Мечникова».

Неписанный договор о двух стаканах простокваши старик добросовестно выполнял...

ОДАРЕННЫЙ СВИСТУН

И.И. Мечников был одарен и незаурядными музыкальными способностями. Но родители не заметили этого и не учили мальчика музыке, ссылаясь на то, что его братья и сестры не интересовались этим искусством. Не играя ни на

одном инструменте, Илья Ильич точно насвистывал любое раз услышанное им музыкальное произведение, будь то легкая ария или самая сложная симфония.

Его любимыми композиторами были Моцарт, Бетховен и Чайковский...

БОЛЬШАЯ ДОЛЯ ЯДА СПАСЛА

Смерть его первой жены и тяжелая болезнь глаз повергли Илью Ильича Мечникова в отчаяние. Перспектива полной слепоты внушала ему мысль о самоубийстве. Он принял большую дозу морфия, надеясь быстро прекратить свои физические и душевные страдания. Но смерть миновала его. Ничем не укротимая рвота сотрясала слабое тело больного. Организм не принял много яда и выбросил его.

А прими Илья Ильич морфия меньше, он погиб бы непременно.

Большая доза яда и спасла его. Поразительный парадокс!

ЛЕКЦИЯ НА БЕГУ

Пережитые страдания расстроили нервную систему и ослабили память И.И. Мечникова. Как-то читая лекцию в Одесском университете, он вспомнил, что не захватил с собой препарат для демонстрации. Схватился за голову, сбегал с кафедры, юркнул из аудитории и по коридору помчался в свой кабинет. При этой беготне он ни на секунду не прекращал читать лекцию.

Когда Илья Ильич вернулся на кафедру, студент обратился к нему:

— Господин профессор, мы не слышали ваших объяснений в перерыве.

Илья Ильич, опомнившись, всплеснул руками, попросил прощения за рассеянность и, добродушно улыбнувшись, повторил ту часть лекции, которую прочел коридору и своему кабинету.

ВЕДРО ВОДЫ ВМЕСТО АПЛОДИСМЕНТОВ

Чтобы дать отдых своим больным глазам, И.И. Мечников уехал в Неаполь, где кстати он хотел продолжить исследование строения и жизни асцидий. Но ему попалась очень неудобная квартира, выходящая на самую шумную улицу. Тут целый день горланили продавцы самых разных товаров, визжали мальчишки, вели темпераментные разговоры прохожие.

А по ночам — всюду раздавались серенады. На каждом балконе стояла юная красавица, а внизу, на мостовой, ее поклонник с мандолиной в руках напевал серенаду.

Ученый не выносил этой пытки: брал ведро с водой и выливал на голову певцу серенады. Поднимался скандал, а на следующий день всё повторялось. Измученный Илья Ильич покинул Неаполь и отправился в Триест, на Адриатическое море, чтобы продолжить изучение иглокожих...

НЕВИДАННАЯ ПРОЦЕССИЯ

После убийства Александра Второго во многих высших учебных заведениях России проходили студенческие волнения. Особенно частыми они были в Одесском университете, где молодежь активно поддерживали прогрессивные профессора во главе с Ильей Ильичом Мечниковым.

Ректор университета, махровый черносотенец Ярошенко задумал расправиться с Мечниковым, как с «самым неудобным человеком». И незамедлительно уволил его.

Илья Ильич сидел однажды в своей зоологической лаборатории и грустно смотрел на все оборудование, которое он собирал с большими трудами.

В лабораторию вошла группа студентов, чтобы выразить ему любовь и благодарность и возмущение действиями Ярошенко. Илья Ильич был взволнован до слез. Студенты на руках вынесли любимого учителя на двор, впряглись в пролетку, посадили на нее Илью Ильича и повезли его по широким улицам Одессы. Многочисленная толпа сопровождала невиданную процессию, которая остановилась на месте назначенной сходки молодежи. На зеленой траве, покрывавшей берег моря, И.И. Мечников провел с учениками последнюю беседу о вечных проблемах жизни и перспективах развития науки, которую душили тогда в России темные силы царизма.

«Я — НЕ ОБЕЖАНА»

В Петербургской медико-хирургической академии долго господствовали бездарные профессора-немцы. От них много лиха терпели гениальные русские ученые — Сеченов, Мечников и другие, знакомившие студентов с учением Дарвина. А туповатый схоласт Брандт никак не мирился с эволюционной теорией. На всех своих лекциях он, коверкая русские слова, долбил студентам:

— Дарвин гаварит, шо шеловек проишходит от обежана, ему нравится это, а я не хошу, я — не обежана!..

ПРОПОВЕДНИК «БОГАНЕТ»

Этими словами ребяташки прозвали своего сверстника Илюшу Мечникова, который еще в девятилетнем возрасте читал им много безбожных «лекций».

А так как мальчишки больше увлекались своими играми, то «лектор», чтобы собрать шалунов в свою аудиторию, давал каждому из них по 2 копейки за лекцию.

Таким образом Илья Ильич Мечников был единственным в мире лектором, который платил слушателям за внимание...

И ПРОФЕССОР ПРОИГРАЛ!

Профессор Московского университета, один из основоположников отечественной педиатрии Нил Федорович Филлитов (1847–1902) очень любил играть в шахматы.

Пригласили его как-то к больному мальчику. Осмотрев его и сделав необходимые указания о лечении, профессор увидел у кровати больного шахматную доску с расставленными на ней фигурами.

— Ты играешь в шахматы? — спросил Нил Федорович.
— Может быть — сыграем?

Начали играть. Всего через несколько минут профессор получил мат. В следующие визиты профессора к мальчику игра возобновлялась. И Нил Федорович неизменно проигрывал...

А мальчик тот был — будущий чемпион мира по шахматам — великий А. Алехин!

СОРЕВНОВАНИЕ С ШОФЁРОМ

Строжайшая дисциплинированность во всех его занятиях была присуща Ивану Петровичу Павлову (1849–1936). Он выходил из дома и прибывал в лабораторию точно в определённое время, а нарушение этого порядка называл распушенностью, чего не прощал не себе, не своим сотрудникам. Даже во время болезни учёный вставал в обычное время, делал полный туалет, надевал костюм, а не халат и сидел или полулежал на диване, читая лёгкую литературу.

К 50-летнему возрасту Иван Петрович начал полнеть. И полноту свою он тоже называл распушенностью. Для борьбы с нею уменьшил питание.

Ни на минуту не опаздывал Павлов на собрания и заседания, подавая пример аккуратности своим сотрудникам. Под старость Иван Петрович завёл автомобиль для поездок в лабораторию и обратно домой. И тут он установил соревнование с шофёром, который обязывался подавать машину учёному точно в назначенное время. А Иван Петрович в этот момент должен был выходить из парадной двери. Соревновавшиеся постоянно сверяли свои часы.

Но договор на соревнование был расторгнут в первые же дни его действия, ибо шофёр, боясь опоздать, приезжал заранее и некоторое время стоял вблизи квартиры Павлова. Был заключён новый договор.

ЗАЯДЛЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

Страсть коллекционирования возникла у Ивана Петровича Павлова еще в ранней его юности. Сначала он собирал книги, потом растения, бабочек, марки, картины русских художников. Увидев красную бабочку, он ползал за нею по

траве, чтобы поймать. А марками Павлов увлекался даже тогда, когда работал уже в Институте экспериментальной медицины. Это учреждение находилось под высоким покровительством принца Ольденбургского.

Как-то институт посетил сиамский принц со свитой. Павлов показывал ему свою лабораторию. Улучив подходящий момент, он спросил одного члена свиты:

— А нельзя ли получить коллекцию сиамских марок?

И ведь получил их через некоторое время!

У всех своих знакомых из научного мира Иван Петрович «забронировал» марки, которые приходили с заграничной корреспонденцией.

В дни его болезни Павлов просил снять со стены какую-нибудь картину и поставить на стул перед ним. Лежа он любовался ею, внимательно вглядывался в детали, разгадывал идейное содержание.

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ

Лучшим отдыхом для Ивана Петровича Павлова была физическая работа. Ей он отдавал целиком три месяца летней жизни на даче. Физиолог добровольно брался топить печи и в этом деле проявлял большую хозяйственную смётку. Для каждой печи он нарезывал поленья одинаковой длины, укладывал их на поду так, чтобы они сгорали одновременно. Закрывал печи вовремя, чтобы не было угара.

Утром Иван Петрович два часа прилежно, до пота, работал в цветнике. Купался во всякую погоду. С 11 до 12 часов играл в городки с соседями и подростками сыновьями. Хотя бил он левой рукой, но в меткости и силе удара не уступал молодым партнерам.

В походах за грибами Павлов непременно вызывал ко-

го-нибудь на соревнование. Перед отъездом с дачи раз он отправился в лес за грибами. Соревновался с академиком Фаминцыным, у которого сбор оказался больше. Этого азартный Павлов не мог стерпеть. Высыпал он собранные грибы на землю — и бегом опять в лес. Набрал грибов еще полную корзину и таким образом одержал победу над соперником.

Все дорожки на своей даче Иван Петрович чистил сам.

Погружённый в научные проблемы, великий физиолог отдавал обильную дань музыке, устраивал в своей квартире концерты струнного квартета и вокального кружка, состоявшего из артистов Ленинградского театра оперы и балета. Особенно любил слушать произведения Мусоргского.

ПОБЕГ ОТ ЮБИЛЕЯ

В 1924 году исполнилось 75 лет жизни Ивана Петровича Павлова и полвека его научной деятельности. Общественность хотела достойно отметить эти события. Но из-за своей чрезмерной скромности юбиляр сбежал от торжеств в Колтуши, где со своими сотрудниками играл в городки подряд три дня по 7-8 часов в день!

Для скромности и галантности Павлова характерна и такая его черта: провожая гостей из своего дома, он непременно помогал им надевать пальто.

НАУКА — НЕ БИРЖА

Когда Иван Петрович Павлов получил Нобелевскую премию, один из его приятелей предложил ему играть на бирже, чтобы увеличить денежный капитал. Учёный отрезал неумному благодетелю:

— Эти деньги я заработал непрерывным научным трудом, а наука никогда не имела, не имеет и не будет иметь ничего общего с биржей!

ЧУДО И.П. ПАВЛОВА

Некто Качалкин не выносил сильных раздражителей. Шум вызывал у него глубокое торможение коры головного мозга и беспробудный сон. В 1898 году он заснул и спал 22 года, не просыпаясь. Ничто не могло его разбудить. Академик И.П. Павлов разгадал тайну этого длительного сна. В три часа ночи, когда в городе царил тишина, он тихонько, на цыпочках, подошёл к постели Качалкина и шёпотом сказал: «Вставай!» И больной проснулся. Шёпот, как слабый раздражитель, оказался для Качалкина лучшим лекарством.

Так слово воскресило человека!

НЕСБЫВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Великий физик и математик нашей эпохи Лев Давидович Ландау (1908–1968) с юных лет был строптив и самостоятелен в мышлении. Он блестяще учился в гимназии по точным дисциплинам. Но почерк его представлял редкостные каракули. Преподаватель словесности громко обличал Ландау с кафедры за этот почерк:

— У меня глаза на лоб полезут, если я стану разбирать такие почерки!

А Ландау ему:

— Писаря из меня не получится!

— Боюсь, что из вас вообще ничего не получится!

Как видите, злой ментор попал пальцем в небо!

НЕУДАЧНЫЙ СЫН

На уроке словесности у гимназиста Льва Ландау произошла очередная стычка с педагогом.

— Ландау, скажите, о чем думал Лермонтов, когда писал «Героя нашего времени»?

— На этот вопрос мог бы ответить только один человек.

— Уж не вы ли?!

— Ни в коем случае.

— Я так и полагал. Так кто же?

— Михаил Юрьевич Лермонтов!

— Садитесь, единица!

Затем горе-педагог прочёл нотацию о «легкомысленном отношении» гимназиста Ландау к учению и выразил сожаление, что у почтенного инженера Давида Львовича Ландау такой неудачный сын.

СТРАННЫЙ СТУДЕНТ

Лев Ландау мало заботился об опрятности своей одежды и обуви. До самых холодов он ходил сандалиях и белых парусиновых штанах, на которых заметны были следы от сидения их обладателя на траве, крыльце, бревне и лестнице.

Зачастую на лекциях студент Ландау, углубившись в свои думы, забывал снять кепку, не слушал профессора и не отвечал на вопросы товарищей. Но в результате этой задумчивости зарождалась какая-нибудь из его знаменитых заповедей.

ВОПРЕКИ ЭТИКЕТУ

Как и многие ныне корифеи науки, Лев Давидович Ландау презирал великосветский этикет. Так, к своей неве-

сте он иногда приходил в одной калоше, но с охапкой роз. И звал её пойти с ним в театр. Та, разумеется, отвергала приглашение, ссылаясь на «головные боли».

* * *

На первую свою лекцию в Украинском физико-техническом институте (УФТИ) в Харькове Ландау явился в сандалиях на босу ногу, в широких парусиновых брюках и голубом пиджаке. Это причудливое облачение молодого учёного произвело фурор в аудитории.

* * *

Будучи уже всемирно известным физиком, Ландау, проходя по улицам города, не стеснялся купить в ларьке редиску, обернуть её носовым платочком, усевшись на крылечке, съесть попку.

* * *

Как-то пригласили Ландау на важный прием. Все другие гости явились сюда в сюртуках и белых манишках, при всех регалиях. Слышались изысканные разговоры. Всё шло чинно и благородно. Внезапно в зал влетел Ландау — в босоножках, в простой клетчатой рубашке. Он сиял и улыбался на все стороны, врезавшись кричащим диссонансом в симфонию пышных нарядов и речей. Весь присутствующий бомонд был шокирован, но замолк: ведь перед ним была одна из крупнейших звёзд мировой науки.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА ДАУ

Один из друзей юности Ландау назвал его просто — Дау. Это прозвище и закрепилось за выдающимся ученым

в литературе. Дау яростно ненавидел самовлюблённых квазиучёных плагиаторов и злыми шутками выводил их на чистую воду.

Один такой тип, некий Н., читал лекции в УФТИ. Он списывал чужие работы и часто публиковал их. Вот что проделал с ним Ландау. Он попросил московских друзей дать телеграмму Н. о том, что Нобелевский комитет решил присудить ему премию, поэтому просит Н. прислать теоретическому отделу УФТИ к 1 апреля все научные труды, перепечатанные на машинке в 2-х экземплярах на отзыв.

Дутый «учёный» возомнил себя светилом, не стал замечать своих знакомых.

Но когда он положил свои фолианты на стол заведующего теоретическим отделом УФТИ — Л.Д. Ландау, тот отпел ему в глаза:

— Неужели вы подумали, что за эту муру могут дать Нобелевскую премию?! С первым апреля!! Воистину Бог создал дураков и гусей, чтобы было кого дразнить.

Плагиатор был сражён наповал!

САМАЯ БОЛЬШАЯ ГЛУПОСТЬ

Лев Давидович Ландау был не только гениальным физиком и математиком, но любил и глубоко знал гуманитарные науки и искусства. Он требовал от студентов широкого общеобразовательного кругозора. На экзаменах задавал им дополнительные вопросы по художественной литературе.

Это не понравилось ректору Харьковского университета. Он пригласил Дау к себе в кабинет:

— У вас странные методы преподавания. Вы спрашиваете у студентов-физиков то, что входит в программу филологического факультета. Например, кто написал «Евгения

Онегина»? и т.п. Педагогическая наука не допускает ничего подобного.

Лев Давидович выпалил ректору:

— В жизни не слышал большей глупости!

Разгневанный самодур уволил великого физика. Но его с распростёртыми объятиями приняла Москва.

ИСТОРИЯ С КОЗЬИМ МОЛОКОМ

В УФТИ вместе с Ландау преподавал и один американский профессор. Как человек алчный до денег, он занимался продажей зарубежного барахла на рынке. Дау расклеил по всему Харькову объявление:

дёшево продается козье молоко

И указал адрес и телефон американца. Так как в это время трудно было добывать продукты питания, то в течение круглых суток спекулянта осаждали звонки, не давая ему покоя. Он закрывал телефон подушкой, подходить к входной двери боялся, потому что в подъезде гудела толпа, требуя козьего молока.

И учёный спекулянт вынужден был бежать из Харькова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Топоров. «Мозаика» Адриана Топорова.....	3
I	9
«УБИЙЦА» РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ.....	9
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ.....	9
НАКАЗАННОЕ МИЛОСЕРДИЕ.....	10
КАК СЛУГА УЧИЛ СВИФТА.....	10
УРОК АККУРАТНОСТИ.....	11
САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ.....	12
ЭПИДЕМИЯ САМОУБИЙСТВ.....	12
ГЁТЕ В ТЕАТРЕ.....	13
РУКУ — СОБРАТУ!.....	13
ПРЕВРАЩЕНИЕ МИЛЛИОНЕРА В НИЩЕГО.....	14
БАЛОВЕНЬ «ТЮРЬМЫ».....	14
ПЕРЕД ЛИЦОМ ФЕМИДЫ.....	15
ОШИБКА «ГРАФОЛОГА».....	15
ПАРИЖСКИЙ ОБОРВАНЕЦ.....	16
СКРОМНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ВИКТОРА ГЮГО.....	16
ПАЛЬМОВАЯ ПАЛОЧКА АНДЕРСЕНА.....	17
МУКИ ТВОРЧЕСТВА.....	18
ОТВЕТ МАРКА ТВЕНА РЕПОРТЕРУ.....	18

«Я БЫЛА ПРИ ЭТОМ».....	19
В СКУЧНОЙ ШКОЛЕ	19
ПУТЕШЕСТВИЕ НА АМАЗОНКУ	20
ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ МАРКА ТВЕНА	20
СПИЧКА ПОДВЕЛА	20
ПАРОДИИ МАРКА ТВЕНА	21
СОВЕТ ЮМОРИСТА	21
ЛЕКЦИИ МАРКА ТВЕНА	21
ЗАБРОШЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАРКА ТВЕНА	22
РЕПЛИКА БЕРНАРДА ШОУ.....	22
ДЕРЖАВИН С СОБАЧКОЙ ЗА ПАЗУХОЙ.....	22
К ДЕРЖАВИНУ.....	24
СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА.....	25
ЛИШНИЕ НУЛИ.....	25
ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ, ЛОСКУТКИ.....	26
ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ	26
ПО РАССЕЯНОСТИ.....	27
МУДРЫЙ СОВЕТ.....	27
ОТЧЕГО ПЛАКАЛ ДЕДУШКА.....	27
ЯДОВИТЫЙ ОТВЕТ.....	28
КУПЛЕННЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ	28
ДАНЬ НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ.....	28
МИНИСТР-БАСНОПИСЕЦ.....	30
«ШАХ» ЗА А.С. ГРИБОЕДОВА.....	30
ПОДАРОК ГЕТЕ ПУШКИНУ.....	31
ИСКРЫ ОСТРОУМИЯ.....	32
ПОНЕДЕЛЬНИК ЛУЧШЕ ВТОРНИКА.....	32

А.С. ПУШКИН В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ.....	32
ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ.....	33
КТО ГЛУПЕЦ?.....	34
ЗОЛОТОЙ ФУТЛЯР НА НОГТЕ	34
«ВИШЬ, КАКОЙ-ТО ПУШКИН УБИТ».....	34
ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА.....	35
«ЗОЛОТОЙ ВЕРЬЛЮД».....	35
КАНЦЕЛЯРСКИЙ АНЕКДОТ.....	36
«ЩЕКОТУРКА».....	36
ПРИТВОРЯЕТСЯ.....	37
ПЕРЕСТРЕЛКА.....	37
ПЛАЧ ТУРГЕНЕВА О БАЗАРОВЕ.....	38
БИТЬЁ СТАЛЬНЫМИ ЩЁТКАМИ.....	38
НЕ УДАЛОСЬ ЧОКНУТЬСЯ.....	38
ОБИДА.....	39
РАЗГОВОР ПРИ ПОМОЩИ АСПИДНОЙ ДОСКИ.....	39
ДВЕ ВСТРЕЧИ.....	39
СОБАЧЕЙ.....	40
ЦЕНА АКУЛЬКИ.....	40
НЕВЫГОДНЫЙ ЖИЛЕЦ.....	41
ПОЭМА, СОЗДАННАЯ ЗА ДВА ЧАСА.....	41
СЧАСТЬЕ ПОЭТА И ЧИНОВНИКА.....	42
ГРЕЧНЕВАЯ КАША.....	43
МЫШОНОК В ПОСТЕЛИ.....	44
ОПАСНАЯ ШУТКА.....	44
ГОРДЕЦ.....	46
РУССКИЙ ОТЕЛЮ.....	49

КОРОВА ПОТЕРЯЛАСЬ.....	49
СЧАСТЬЕ ПЬЯНЧУГИ.....	50
СКВОЗЬ ЦЕНЗУРНЫЕ РОГАТКИ.....	51
ТАЛАНТЛИВАЯ ОТСЕБЯТИНА.....	51
СОВЕТ ОСТРОВСКОГО ГРАФОМАНУ.....	52
ЖЕМАННАЯ ДАМА.....	53
БЛАГОДАРНОСТЬ ЕЖЕДНЕВНО ОБЕДАЮЩЕГО.....	53
ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО.....	54
СЛЕЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО.....	54
СТАРИК В ТУЛУПЕ.....	55
КРЫСЫ СТРАШНЕЕ ПУЛЬ.....	56
«ПОГОДИ, ДУШЕЧКА, РОЖАТЬ».....	56
ПОШУТИЛИ.....	56
ВЕРХОМ НА ДЯДЕ СТЁПЕ.....	57
УРОД.....	57
ПОЧЕТ ГЕНИЮ.....	57
КАЗНЬ КОМАРА.....	58
ОТКРОВЕННОСТЬ.....	59
РАЗГОВОР НА ВЫСОКУЮ ТЕМУ.....	59
КАК ТОЛСТОЙ ЕЛ ЧЕРВЕЙ.....	59
ЗАГАДОЧНЫЕ ФАКТЫ.....	60
САМОИСТЯЗАНИЕ.....	60
НЕУТОМИМЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬ.....	61
УМНЫЙ КОТОФЕИЧ.....	62
ВЫШЕЛ, ПОМОЛЧАЛ И ВЕРНУЛСЯ.....	62
«СВЕЩА».....	63
«КАПИТАЛ» МАРКСА В ТЮРЬМЕ.....	63

ЗЛАТОУСТ ОБМИШУЛИЛСЯ!	64
ВОРОНА-КОРОНА-КОРОВА	64
СПАСАЯСЬ ОТ ФОТОГРАФОВ	65
БАБЬЕ «ОТКРЫТИЕ»	65
ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ	66
ВЕЗДЕСУЩИЙ РЕПОРТЕР	67
ВРЕДНЫЕ ХИМИКАЛИИ	67
СОЖЖЕНИЕ КНИГИ «ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ»	67
ВЫСТАВКА «ОСЛИНЫЙ ХВОСТ»	68
ХИТРЫЙ ЭКСИЛИБРИС	68
ЭКСПРОМТЫ	68
ДВЕ КОЧЕРГИ ДЯДИ ГИЛЯ	69
СИЛАЧ	70
ЗАПОНКИ ЧЕХОВА	70
СОЛЕННЫЙ АРБУЗ	71
«НОВОЯВЛЕННАЯ ЗВЕЗДА»	72
УБИЙСТВЕННАЯ РЕПЛИКА	72
ОПЯТЬ БРЮКИ НЕ ЗАСТЁГНУТЫ	72
РЕДКИЙ ПРИМЕР	73
УРОК, ПРЕПОДАННЫЙ НА БОКАХ	73
ЗАДИРА	74
СВЁРТОК ВЕРЕСАЕВА	74
ЛЕКЦИЯ ГОРЬКОГО О ТОЛСТОМ	75
«ДЕРЕВЯННЫЙ АЛЬБОМ»	75
КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПОЕДИНОК»	76
ОКРАШЕННЫЙ ЖЕНИХ	76
СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС	77

ИНТЕРВЬЮ В БАНЕ.....	78
ДУРАК!.....	79
БУРНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ.....	79
ДИКАЯ ВЫХОДКА.....	80
КУПРИНСКИЕ ПАРОДИИ.....	80
ЗАРАБОТАННЫЙ ДВУГРИВЕННЫЙ.....	81
ДОКТОРСКАЯ МАНТИЯ.....	82
ЧРЕЗМЕРНАЯ ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ.....	82
СВАДЬБА БЕЗ ЦВЕТОВ.....	83
ВСТРЕЧА ЗНАМЕНИТЫХ ЧУДАКОВ.....	83
МЕСТЬ ДИРЕКТОРУ.....	84
ХОРОВОЙ ОР.....	84
РАДОСТЬ БЕЗМЕРНАЯ.....	85
АФЕРА.....	86
ПОЧЕТНЫЙ СУМАСШЕДШИЙ.....	86
ВОПРОС ПО АДРЕСУ.....	87
ЖЕЛТАЯ КОФТА В. МАЯКОВСКОГО.....	87
БИТВА ГИГАНТОВ ПОЭЗИИ.....	88
УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ.....	89
II	90
«ЕЛЕНА».....	90
КАПРИЗНАЯ НАТУРЩИЦА.....	90
«МОДЕЛЬ» ИУДЫ ИСКАРИОТА.....	91
ВОПЛОЩЕННАЯ ГАРМОНИЯ.....	91
«НУ ПОЧЕМУ ТЫ НЕ РАЗГОВАРИВАЕШЬ?».....	92
УДИВЛЕНИЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО.....	92
МОГИЛА РАФАЭЛЯ.....	92

ГИБЕЛЬ ШЕДЕВРОВ ЖИВОПИСИ.....	93
РАФАЭЛЬ ПРЕВЗОШЕЛ САМОГО СЕБЯ.....	93
ЛЮБОВЬ ПО ПОРТРЕТУ.....	94
ТАК ТВОРИЛ ГЕНИЙ.....	94
ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ.....	95
ОСОБАЯ «БЛАГОДАРНОСТЬ» ИВАНА ГРОЗНОГО.....	95
НАЕЗДНИК МЕЛИССИНО.....	95
В «ЭЛЛИНСКОЙ ШКОЛЕ».....	96
ТРИУМФ К.П. БРЮЛЛОВА.....	96
ВЫЗОВ ЦАРСКОМУ УКАЗУ.....	97
«МАДОННА» РАФАЭЛЯ — КРЫШКА СТОЛА.....	98
ОТПРЫСК РОДА БАРОНОВ.....	98
СОСТЯЗАНИЕ С ЦАРЕМ.....	100
В НАГРАДУ МОГИЛА.....	100
В ЧУЛАНЕ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ.....	101
СЕДОЙ МАЙОР УЗНАЛ СЕБЯ.....	101
ВМЕСТО КАРТИНЫ — ОСЛИНЫЙ ХВОСТ.....	103
МАСТЕРОВОЙ МАЛЯРНОГО ЦЕХА.....	103
СЛАДКОЕ БЛЮДО АЙВАЗОВСКОГО.....	104
СКРИПАЧ И.К. АЙВАЗОВСКИЙ.....	104
ЗАБОРНЫЙ ХУДОЖНИК.....	105
ТИФЛИССКИЙ КУМИР.....	105
ГРАФИНЯ, ЛАЯВШАЯ ПО-СОБАЧЬИ.....	106
ЗАПОЙ САВРАСОВА.....	108
«РАСПЯТИЕ».....	108
«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД».....	109
«НАДО ЕМУ НА ШТАНЫ СОБРАТЬ!».....	109

БУЙСТВО ШИШКИНА.....	110
«СНЯТЬ С АПОЛЛОНА ШТАНЫ!».....	110
СБИВАНИЕ СПЕСИ.....	111
КАРТИНА ПРОБУДИЛА СОВЕСТЬ.....	112
ИЗ ИСТОРИИ «ТРОЙКИ».....	112
СОВЕСТЬ ЗАЗРИЛА.....	114
ХОДЯЧИЙ ПАРАДОКС.....	114
СЛОМЛЕННОЕ УПРЯМСТВО.....	116
ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА.....	117
ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА.....	117
«СУКИН СЫН!».....	117
ПОЛНЫЙ ГЕНЕРАЛ.....	118
ПТИЧЬЯ БОЛЬНИЦА.....	119
ВСТРЕЧА ГОЛЫХ МУДРЕЦОВ.....	120
БЕЛЫЕ ШТАНЫ.....	120
В «ПРИТОНЕ РАЗБОЙНИКОВ».....	121
КАК СОЗДАВАЛСЯ ОБЛИК ИВАНА ГРОЗНОГО.....	121
КУОККАЛЬСКИЙ СПАРТАНЕЦ.....	122
КОРИФЕЙ В БЫТУ.....	122
ПУШИСТАЯ ЛАКОМКА.....	123
ТАЙНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.....	124
ЦЕНА АВТОГРАФА.....	124
ТУХЛЫЕ ЯЙЦА — БОГУ!.....	125
ВСЁ В ПРОШЛОМ.....	125
БУНТАРИ ПРОТИВ РУТИНЫ.....	126
МУХА ПОМОГЛА!.....	126
ОХОТА ЗА НАТУРЩИЦЕЙ.....	127

ДИВО ДИВНОЕ.....	127
БЕСКОРЫСТИЕ ВРУБЕЛЯ.....	129
ПРИЧУДЫ ВРУБЕЛЯ.....	129
МУКИ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ.....	130
БЮСТ С «НАЧИНКОЙ».....	131
ЦОРН ПРОТИВ ПУГОВИЦ.....	131
ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ДЕКОРАЦИЯ.....	132
КАРТИНА ЗА ОБЕД.....	132
ПЛАЧ ЛЕВИТАНА.....	133
ПОКЛОННИК ШИПОВНИКА.....	133
БЕЗДЕНЕЖЬЕ СОХРАНИЛО ШЕДЕВР.....	134
«КОЛДУН» ПОД МОСТОМ.....	134
ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЁРТВЫХ.....	134
«НЕ ХОТИМ МОЛИТЬСЯ НА ЛЁЛЮ ПРАХОВУ!».....	135
РЯЗАНСКАЯ «ПЧЕЛКА».....	135
НАСТОЯЩИЙ СКУЛЬПТОР.....	136
НЕПОЛНОЦЕННЫЙ НОС.....	137
РАДОСТНАЯ УГРОЗА.....	137
«ГОРБУН» РЕШИЛ СУДЬБУ ХУДОЖНИКА.....	138
ДРАГОЦЕННАЯ СКАТЕРТЬ.....	138
«ОХ, Я — ЛОШАДЬ!».....	139
ИМИТАТОР.....	139
РОХЛЯ.....	139
ЗНАМЕНИТЫЙ БЕДНЯК.....	140
ДИТЯ ПРИРОДЫ.....	140
ПЕРЕКРАШЕННЫЙ ВОЛК.....	141
А КАКОВ ГОЛЫЙ «БОГ САВАОФ»?.....	141

ЧТОБЫ НЕ ПОРТИТЬ УЧЕНИКОВ.....	142
ПАМЯТНИК «ОБОРМОТУ».....	142
ТОЛСТОЗАДЫЙ СОЛДАФОН.....	144
ПОД МУЗЫКУ БАХА.....	145
БЕЗГРАМОТНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ.....	145
ДВА САМСОНА.....	146
ПАРАЛИЗОВАННЫЙ ОПТИМИСТ.....	148
ФОРТЕЛИ ФУТУРИСТОВ.....	148
СТЫЧКА В. МАЯКОВСКОГО С «БУРЛЮКАЛОМ».....	149
НАДГРОБНОЕ СЛОВО В. МАЯКОВСКОГО.....	150
ПОРТРЕТ, НАРИСОВАННЫЙ ПАЛЬЦЕМ.....	150
III.....	151
РЫЖИЙ ПОП.....	151
ЖАЛОВАНИЕ БАХА.....	151
ДЬЯВОЛ В ЦЕРКВИ.....	152
БАХ СЕРДИТСЯ.....	152
СЕКРЕТ МАСТЕРСТВА.....	152
ГДЕ МОГИЛА ГЕНИЯ?.....	153
ПРЕТЕНЦИОЗНЫЙ ЮНОША.....	153
«МОЗГОВЛАДЕЛЕЦ».....	154
БРОДЯГА.....	154
ЛОШАДИНАЯ МУЗЫКА.....	154
ВЕНСКОЕ РАГУ.....	155
КОЗЛИНАЯ БОРОДА.....	155
КУЛАК, АДРЕСОВАННЫЙ БОГУ.....	156
КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ В ЦЕРКВИ.....	156
ИГРА НА ОДНОЙ СТРУНЕ.....	156

СТРУНЫ ИЗ КИШОК ЖЕНЫ.....	157
ШУТКА ВИЛЬОМА.....	157
КОРРЕКТНЫЙ ОТВЕТ.....	158
КРАХ КРУПНЕЙШЕГО АКЦИОНЕРА.....	158
ЗАВЕЩАНИЕ ПАГАНИНИ.....	159
СКИТАНИЯ.....	160
«ВЫБРОСИТЬ ИЗ ОКНА САМОГО!».....	160
ШУМ — СТИМУЛ ТВОРЧЕСТВА.....	161
АРИЯ ИЗ ОДНОЙ НОТЫ.....	161
«ЧЬЕ БЫ ЭТО МОГЛО БЫТЬ?».....	162
ЗАХРЕБЕТНИКИ ШУБЕРТА.....	162
БЕРЛИОЗ НА ЭКЗАМЕНЕ.....	163
ЯДОВИТАЯ ОЦЕНКА.....	164
САМ СЕБЕ ХИРУРГ.....	164
СКРОМНОСТЬ МЕНДЕЛЬСОНА.....	165
БРАК ПО СУДУ.....	165
ПАГУБНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ.....	165
ВСТРЕЧА НЕ СОСТОЯЛАСЬ.....	166
СЛЕЗЫ МАЛЕНЬКОГО ФРЕДЕРИКА.....	167
НОВЫЙ ВОРОТНИЧЕК.....	167
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ.....	167
СЕРДЦЕ ШОПЕНА.....	168
НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ.....	168
ЧУДО СПАСЛО СКИТАЛЬЦА.....	169
ДО, КОТОРОЕ ПЛАЧЕТ.....	170
«ДИТЯ МОЕ, БУДЬ МУЗЫКАНТОМ!».....	170
КОРОЛЯ ВАЛЬСОВ АРЕСТОВАЛИ.....	171

РУКА ЖЕНЕВЬЕВЫ	172
НАИБОЛЕЕ СМЕЛЫЙ ВИРТУОЗ	173
ТЯЖЕЛОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ	174
УРОК ГЕРЦОГИНИ ГРИГУ	174
МОГИЛА В СКАЛЕ	174
СРЕДСТВО ПРОТИВ ЕЖОВЫХ РУКАВИЦ	175
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПНЕ	175
ГОЛОСА ПРИРОДЫ	176
КОНЦЕРТЫ НА ПРИРОДЕ	176
«БАРЫНЯ»	177
ЗА ДВЕ ПОЩЁЧИНЫ	177
СОЛОВЕЙ-БЛАГОВЕСТНИК	178
ЛЮБВЕОБИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ	179
ВИНО ИЗ БАШМАЧКА ЛЮБИМОЙ	179
БАЛЫ ДЛЯ КРЕПОСТНЫХ	180
«СВЕТРИЛО»	180
«БУШМАК», «САМЫВАР», «ПУМАДА»	181
ИТАЛЬЯНСКИЕ ДЕЛИКАТЕСЫ	181
ПТИЧИЙ АККОМПАНИАТОР	181
«ЛИНОЧКА-ГЛИНОЧКА»	182
МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК	182
«ШАПКУ ДОЛОЙ»	183
СВЕТЛЕЙШИЙ ВАРВАР	184
ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ ПИЛЮЛИ	184
ИСПОЛНИТЕЛЬ ОПЕРЫ	185
САША ЗАГОВОРИЛ!	185
«ВЕСЬМА СКВЕРНО»	186

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ДИРИЖЁРСКАЯ ПАЛОЧКА.....	186
«СОВРАЛ НАРОЧНО».....	187
«МЕРСИ ЗА ДЕНЬГИ!».....	187
ИНТЕРЕСНОЕ ЖЕНСКОЕ ИМЯ.....	188
ПЕРЕД НИМ ОБНАЖАЛИ ГОЛОВЫ.....	188
«КЛИНСКИЙ ЛАКЕЙ».....	188
У ФИГНЕРА ЛОПНУЛИ ШТАНЫ.....	189
ПЕРЕЧЁРКНУТЫЕ ХВОСТИКИ.....	190
«АВТОРИТЕТНЫЕ АТТЕСТАЦИИ».....	190
ОБРИТЫЙ С.И. ТАНЕЕВ.....	191
ОБЛАВА.....	191
ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ.....	191
ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ.....	192
ЛОВУШКА.....	192
«НАСТАВНИЦА» ЧАЙКОВСКОГО.....	193
ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ СЕЛ В ПУСТОТУ.....	194
ДЕЛО БЫЛО В АЗАРТЕ.....	194
В ПЕРЧАТКАХ НЕ КРЕСТЯТСЯ.....	195
ВОТ ТЕБЕ И ПРОСТЕЙШАЯ ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ.....	195
ЖИВОГЛОТ.....	196
ПЯТЁРКА В ОКРУЖЕНИИ КРЕСТОВ.....	196
«ЧЁРТОВ СЫН».....	196
СЛОМАННЫЙ СМЫЧОК.....	197
ВЕЛИКИЙ ПЛЯС.....	197
ПУСТОЙ КОШЕЛЁК.....	198
МОЛОДЫЕ ТУЗЫ.....	198
ПЕРЕЛОЖИЛ «ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ».....	199

В ЧЕСТЬ КОМПОЗИТОРА.....	199
СОЖЖЕННАЯ СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА.....	200
НЕДОТЁПЫ.....	200
«АХ, ВЫ, САШКИ-КАНАШКИ МОИ!».....	201
ДУХОВНОЕ ОСКУДЕНИЕ ТИТАНА.....	201
ПИСЬМО, ПРОПЕТОЕ НА ЮБИЛЕЕ.....	202
РАХМАНИНОВ НА ЭКЗАМЕНЕ.....	203
НЕЗАКОННАЯ ЖЕНИТЬБА.....	203
НЕПОНЯТНАЯ НЕПРИЯЗНЬ.....	203
ТРОЙКА РАХМАНИНОВА.....	204
В ЗАРУБЕЖНОМ БОЛОТЕ.....	205
ИЗ ДВУХ ЗОЛ МЕНЬШЕЕ.....	205
IV.....	206
БРАУНШВЕЙГСКАЯ АФИША.....	206
ТАК БЫЛО В «ЛА СКАЛА».....	206
ГЛАВНОЕ — ЕСТЕСТВЕННОСТЬ.....	207
НЕСЧАСТЬЕ ЗА НЕСЧАСТЬЕМ.....	207
ЛУЧШАЯ РОЛЬ ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ.....	208
КРИТИКИ ПОПАЛИ ВПРОСАК.....	209
ЯДОВИТАЯ ОТПОВЕДЬ.....	210
ПРИЧУДНИЦА.....	210
КАПРИЗЫ БАЛОВНЯ.....	211
БЕЛЫЕ РОЗЫ.....	211
ЕДИНСТВЕННЫЙ СРЫВ.....	212
ПЕРВЫЙ ШАГ В БЕССМЕРТИЕ.....	212
НЕ УЗНАЛ.....	213
ОТКАЗ МАЭСТРО.....	213

ПРИЗНАНИЕ МАЗИНИ.....	214
ЗА ЧТО ОСВИСТАЛИ КАРУЗО?.....	215
БОЙ БЫКОВ.....	215
В ПАРИЖСКОМ КАФЕ.....	216
ГОЛОС ВЕЛИКОГО ПЕВЦА.....	217
В СТРАНЕ «ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА».....	217
«ПОЮ, КАК КАРУЗО».....	218
ПРАЗДНИКИ В САНТА-ЛЮЧИЯ.....	218
СНИМАЙТЕ ХОТЬ ПАНТАЛОНЫ.....	218
КОНЦЕРТЫ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.....	219
«ЭНРИКО КАРУЗО».....	219
СМЕРТЬ И УСЫПАЛЬНИЦА КАРУЗО.....	220
ТРУДНОЕ НАЧАЛО.....	220
РИСКОВАННЫЙ ОТКАЗ.....	220
РАЗБОЙ «ЧЕРНОРУБАШЕЧНИКОВ».....	221
ЕЁ ПОГУБИЛА ШАЛЬ.....	221
ЧАПЛИН ХУЖЕ... СЕБЯ!.....	222
ПЕРВЫЕ АКТЕРЫ НА РУСИ.....	222
ОЧИЩЕНИЕ ОТ СКВЕРНЫ.....	223
ИЗНУРИТЕЛЬНЫЕ СПЕКТАКЛИ.....	223
ПРОСТОЙ ОТВЕТ.....	224
ДОМАШНИЕ ТЕАТРЫ.....	224
ПОСЛЕ ПОРКИ — ПЛЯС.....	225
ХРАМ ИСКУССТВ.....	226
«ПРЕДТЕЧА ПАГАНИНИ».....	226
«ЖАЛКИЙ ПОБИРУШКА».....	227
ЧТО СВЯЗЫВАЛО АКТЕРОВ?.....	227

ПРИШЕЛЕЦ	228
ПОЛИЦМЕЙСТЕР СЪЕЛ СТАДО	228
ЧУДНОЙ ЧЕЛОВЕК	229
ПРЯ МЕЖДУ КОРИФЕЯМИ	231
ПЕРЧАТКИ КАРАТЫГИНА	232
ПЕРЕХИТРИЛ	232
НЕИСТОЩИМ НА ВЫДУМКУ	233
НАКАЗАННАЯ АЛЧНОСТЬ	234
ВЫСШАЯ НАГРАДА АРТИСТУ	235
ПОЗДНЯЯ СЛАВА	235
ЕЗДИЛА НА КЛЯЧАХ	236
ТОРЖЕСТВЕННОЕ ШЕСТВИЕ ЕРМОЛОВОЙ	237
НА ТО ОНА И САВИНА	237
«ПОБРЯКУШКИ» и «ВЕЧНО ТАЛДЫЧИТ»	238
ВСТРЕЧА С УБИЙЦЕЙ ПУШКИНА	238
ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ	239
«ДЕРЗКОЕ ПОВЕДЕНИЕ»	239
ЧЕСТЬ, ОТДАННАЯ СОБАКЕ	240
СОБАЧИЙ КОНЦЕРТ В.Л. ДУРОВА	241
«ШШШ!.. ВАЛЬ ИДЕТ!..»	242
МАСТЕР ОСТРОУМИЯ	242
ПРИКАЗ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА ВЫПОЛНЕН!!	243
«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА» В.Л. ДУРОВА	244
ДУЭЛЬ КЛОУНА С ЖАНДАРМОМ	244
ХОР СВИНЕЙ	246
ПРОХВОСТ ДУМБАДЗЕ	246
МЕСТЬ КЛОУНА	247

СУМАСБРОДНЫЙ ПРИНЦ	248
РАЗУМНЫЙ, НО НЕВЫПОЛНИМЫЙ ОТВЕТ	248
КУМА АРТИСТКА	248
УСЛУЖЛИВЫЙ ШОФЕР	249
ТАЛАНТЛИВАЯ ЛОШАДЬ	250
ВЫРУЧИЛА ПЯТИЭТАЖНАЯ РУГАНЬ	250
РОКОВЫЕ ОШИБКИ	251
«ТРАК»	252
«УБЕРИТЕ ЖИВОТ»	253
РЕБЁНОК	254
ОН СУНУЛ ДЕРЕВЯШКУ ПО-ПРАВДИШНОМУ	254
ПРЕОДОЛЕВАЯ НЕЛОВКОСТЬ	255
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	255
БУКЕТ ИЗ СТОРУБЛЕВОК	256
«МОДИСТКА»	256
БОЙ В ТЕАТРЕ	257
ТРУДНЕЙШЕЕ АРИОЗО	258
«ТРОНОВ НЕ ЖАЛЕТЬ!»	258
ЭТО НАДО ЧУВСТВОВАТЬ	259
ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?	259
РЕВАНШ	260
ПОДАРОК ВЕЛИКОГО ПЕВЦА	261
ОТВАДИЛИ	261
РЕДКОСТНАЯ РОЛЬ ШАЛЯПИНА	262
ТРИУМФ В «ЛА СКАЛА»	263
РУССКАЯ ПЕВИЦА ПОКОРИЛА И КАРУЗО!	264
ПОДВЕЛИ ОБОРЫ	264

КТО ПЕЛ?!	265
ВЫБОР ПСЕВДОНИМА	265
КУХАРКА НЕ ВЫДЕРЖАЛА	266
С ТОСКИ-ПЕЧАЛИ	266
БЕЗУМНЫЙ ПИЭТЕТ	267
«НЕВЫНОСИМОЕ СОСЕДСТВО»	267
НА ЧУЖБИНЕ	268
ЦАРИЦА БАЛЕТА	268
ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ	269
РАСПЛАТА ЗА ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО	270
ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ	271
ДРАГОЦЕННЫЙ ПОДАРОК	272
СУВЕНИР МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА	272
V	274
ЭНЦИКЛОПЕДИСТ ДРЕВНОСТИ	274
МАГ, КОЛДУН И АСТРОЛОГ	274
РАЗНОСТОРОННЕЕ ДАРОВАНИЕ	275
ПЕРВЫЙ АНАТОМ	275
ОЧКИ	276
РАССЕЯННЫЙ ГЕНИЙ	276
ПЕРВЫЕ ФОТОСНИМКИ	277
ОТВЕРГНУТЫЙ ОРДЕН	277
ОТКАЗАЛСЯ ОТ ТИТУЛА	277
СТРАШНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ	278
ФЕЕРИЧЕСКИЙ БАЛЕТ	278
НЕУДАЧНАЯ ПОПРАВКА	279
ЛЕГКАЯ ЗАДАЧА	279

ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ.....	280
НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ.....	280
ЭЙНШТЕЙН — МУЗЫКАНТ.....	282
И УЧИТЕЛЬ ПАЛ В НОГИ УЧЕНИКУ.....	283
ДВОРЯНИНИН ПОНЕВОЛЕ.....	283
МЕТОД «КАЛЬКУЛЮС».....	283
ДВА ВОЗА ДЕНЕГ ЗА ОДУ.....	284
АНТОГОНИСТЫ.....	284
ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.....	285
ВРАГ ВСЕХ «СУЕ».....	286
ПРОКАЗЫ ЛОБАЧЕВСКОГО.....	286
УПЕРШИТЬСЯ В СТЕНУ ЛБОМ.....	288
СИЛА ЗЕЛЕННОГО РОСТКА.....	288
БЕСПРИСТРАСТИЕ ЛОБАЧЕВСКОГО.....	289
ОРДЕНА — ДЕТЯМ НА ИГРУШКИ.....	289
ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.....	290
ВЕРНОЕ СНОТВОРНОЕ СРЕДСТВО.....	291
ПО ПРИМЕРУ ОСКОРБЛЕННОГО МОНАРХА.....	292
ДВУХМИНУТНАЯ ОПЕРАЦИЯ.....	292
«ХИРУРГ ПИРОГОВ ПЕРЕД ВАМИ».....	293
«Я ЛЯГУ НА ПОЛУ».....	294
ПРЕКРАСНОДУШНЫЙ БАРИН.....	295
СВИДЕТЕЛЬ — ЛЯГУШКА.....	296
ПРОТИВНИК ПОМПЫ.....	296
БУРЯ В АКАДЕМИИ.....	297
«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ» В КАРЦЕРЕ.....	298
ПАЛЬТО ЦВЕТА «ЛОНДОНСКОГО ДЫМА».....	298

ОПЕРАЦИЯ ПРИ ПОМОЩИ КИТОВОГО УСА.....	299
ВЛАСТЬ ПРЕДРАССУДКОВ.....	300
«СТРАНСТВУЮЩИЙ МУЗЫКАНТ».....	300
САМОЕ ПРОСТОЕ СРЕДСТВО.....	301
«РУССКИЙ ФАУСТ».....	301
ЧЕМОДАННЫХ ДЕЛ МАСТЕР.....	302
УСМЕРЕНИЕ ЩЕНКА.....	302
НЕМУДРЯЩИЙ СОВЕТ.....	303
НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО МЕНДЕЛЕЕВА.....	304
КОНТРАСТНЫЙ ХАРАКТЕР.....	304
ВЕЛИКОДУШИЕ МЕЦЕНАТА.....	305
ПРОСЬБА РАДИ БОГА.....	306
ЗА ДВА СТАКАНА ПРОСТОКВАШИ.....	306
ОДАРЕННЫЙ СВИСТУН.....	307
БОЛЬШАЯ ДОЛЯ ЯДА СПАСЛА.....	308
ЛЕКЦИЯ НА БЕГУ.....	308
ВЕДРО ВОДЫ ВМЕСТО АПЛОДИСМЕНТОВ.....	309
НЕВИДАННАЯ ПРОЦЕССИЯ.....	309
«Я — НЕ ОБЕЖАНА».....	310
ПРОПОВЕДНИК «БОГАНЕТ».....	311
И ПРОФЕССОР ПРОИГРАЛ!.....	311
СОРЕВНОВАНИЕ С ШОФЁРОМ.....	312
ЗАЯДЛЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР.....	312
ЛУЧШИЙ ОТДЫХ.....	313
ПОБЕГ ОТ ЮБИЛЕЯ.....	314
НАУКА — НЕ БИРЖА.....	314
ЧУДО И.П. ПАВЛОВА.....	315

НЕСБВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО.....	315
НЕУДАЧНЫЙ СЫН.....	316
СТРАННЫЙ СТУДЕНТ.....	316
ВОПРЕКИ ЭТИКЕТУ.....	316
ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА ДАУ.....	317
САМАЯ БОЛЬШАЯ ГЛУПОСТЬ.....	318
ИСТОРИЯ С КОЗЬИМ МОЛОКОМ.....	319

